

МЫ ВЕРИМ В ПОБЕДУ

УКРАИНЫ!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2(26)2023

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 2 (26) 2023

Бостон
2023

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2023 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from this publication, email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778 or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

Printed in the U.S.A.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(Франция)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(Германия)
МАРК ВЕЙЦМАН	(Израиль)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(Англия)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(Дания)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем подписку на журнал на 2023 год (4 номера).
Для получения всех номеров выпишите чек на сумму **70 долларов**
(почтовые расходы по США включены) на имя компании-издателя:

M•GRAPHICS

Вложите чек в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97-07 63rd Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374

Телефон для справок: **646-270-9615**. Спасибо!

Вы также можете оформить подписку на нашем вебсайте:
vremena.mgraphics-books.com/subscription

Наши зарубежные читатели теперь имеют возможность оформить
подписку на журнал на нашем сайте с онлайн-оплатой:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Стоимость подписки на год для зарубежных читателей
(включая доставку) — **US \$80**

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА В УКРАИНЕ

Галина ИЦКОВИЧ

ИЗ ДНЕВНИКА ПСИХОТЕРАПЕВТА (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 7

ПРОЗА

Марианна РЕЙБО

ТРАНЗИШН (ПРОДОЛЖЕНИЕ) 56

Георгий ТАРАСОВ

НОВЕЛЛЫ 115

Галина КОМАРОВСКАЯ

ЧУДЕСА 138

Эдуард ЯКУБОВИЧ

ПУТЕШЕСТВИЕ 159

ПОЭЗИЯ

Виктор ФЕТ 48

Татьяна ВОЛЬТСКАЯ 105

Лариса ИЦКОВИЧ 113

Гари ЛАЙТ 129

Валерий БАЗАРОВ 170

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ 178

Лия ЧЕРНЯКОВА 234

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Евгений КИСИН

ИЗРАИЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ 187

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Давид ГАЙ

МОЛЧАЛИВАЯ АГОНИЯ 206

ПЕРЕВОДЫ

Шота РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ (НОВАЯ РЕДАКЦИЯ) 243

ТЕАТР

Виктор ФЕТ

ДВА ВРАЧА И ОДИН СКАЗОЧНИК 256

СУДЬБЫ

Яков ФРЕЙДИН

НА НАРАХ С ИМПЕРАТОРОМ 262

ИМЕНА В НАУКЕ

Семен РЕЗНИК

ВЛАДИМИР КОВАЛЕВСКИЙ: ТРАГЕДИЯ НИГИЛИСТА 275

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА

Сотрудникам редакции журнала и издательства M•Graphics, готовящим журнал к публикации и печати, всегда важно знать, что о журнале думают его читатели, нравятся ли им публикуемые материалы и их подбор, а также оформление журнала.

Ваши отзывы о публикуемых материалах помогут другим читателям обратить внимание на те публикации, которые они по каким-то причинам пропустили и, возможно, послужат начальным толчком в написании своих отзывов на острые полемические материалы.

Мы приветствуем ваши пожелания и замечания, направленные на улучшение журнала, на расширение диапазона публикуемых материалов, а также на улучшение нашего сайта и присутствия журнала в интернете.

Пишите нам — все приходящие в редакцию и издательство пожелания и замечания внимательно изучаются, отзывы о публикуемых материалах будут помещаться в последующих выпусках журнала и на нашем веб-сайте для всеобщего ознакомления. Не забудьте указать ваше имя, город (штат) и страну вашего проживания.

Мы также просим вас сообщать нам о всех случаях неполучения или поздней доставки журнала. К сожалению работа почтовой службы по-прежнему оставляет желать лучшего, но мы принимаем все доступные нам меры по исключению таких досадных сбоев.

Ждём ваших писем!

**<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-editor>
<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-publisher>**

Галина ИЦКОВИЧ
ИЗ ДНЕВНИКА ПСИХОТЕРАПЕВТА

---

*Our capacity to destroy one another is matched
by our capacity to heal one another*

Bessel van Der Kolk

*Наша способность уничтожать друг друга
соответствует нашей способности исцелять
друг друга*

Бессель ван Дер Колк (психиатр,
писатель, исследователь и педагог
из Бостона, США).

АПРЕЛЬ 2022

Я больше не веду дневник. Зачем мне дневник, если все дни похожи один на другой, если война корёжит мою частную жизнь и перекраивает профессиональную судьбу? Если я пляшу («ха-ха-ха», — вставляет почему-то автокорректор) по указке далёкого невменяемого тирана, ударяющего по гражданским, превращающего их в воинов, срывающего с места новоиспечённых волонтеров и загоняющего людей вроде меня в пресловутое колесо для белки?

Но приходит день настоящего инсайта: вдруг я понимаю, что всё происходящее уже не принадлежит мне. Как не принадлежат мне больше собственные время и расписание. Переписка, тексты, заметки на полях моего рабочего ежедневника тоже уже не лично мои потому, что забыть имена и события этих военных дней, складывающихся в месяцы, было бы неправильно и даже преступно по отношению к тем, кто вносит лепту любого размера в приближение победы: волонтерам, профессионалам, просто обычным людям, прорвавшимся в историю. Не в мою историю, а в Историю.

Продолжение. Начало — в № 3 (23) 2022

Итак, война, день 61 и далее без антракта...

ДЕНЬ 63

После кошмара Пасхи воцарилось совершенно мрачное настроение, и тут написал мой московский редактор, человек, убеждения мои разделяющий, но не спешащий высказаться против войны. Он пригласил возобновить работу на портале, публикуя материалы протеста. «Насколько нам позволят», — правда, уточнил он. И я написала о том, что мне по-прежнему важно. Оторвалась от помощи эвакуированным, от формирования посылок, от чего там ещё, и написала. Не напрасно ли? Кто знает.

В тени разделённой ответственности

Каждый день, открывая Фейсбук, мой новый рабочий инструмент (я последние два месяца координирую помощь оставшимся без крова в результате бомбёжек мирным жителям, жертвам насилия, а в последние недели и беженцам из «фильтрационных» лагерей на территории России), я вспоминаю историю Китти Дженовезе. Дело в том, что в Фейсбук периодически прорываются «друзья» из России, и на что же они тратят это дорогое, в прямом и переносном смысле, общение с большим, чуть не запретным для них миром? Они описывают выезды на дачу и дни рождения, возобновление поэтических тусовок и профессиональной жизни. Как будто бы ничего не случилось. Как будто бы их жизнь не описывает теперь детское слово «понарошку».

Непостижимо?

Не судите, да не судимы будете?

Не наше это дело?

Нет, давайте сначала о Китти.

29-летняя барменша из Квинса была убита маньяком-некрофилом за три месяца до моего рождения, но ассоциации возникли не со злодеяниями в Буче (хотя жестокость немотивированных убийств и изнасилований явно относится к преступлениям того же ранга), а с феноменом разделённой ответственности, термином из социальной психологии, возникшим в результате дела Дженовезе.

Китти всегда возвращалась домой поздно ночью; видимо, некоторое время маньяк следил за ней и изучил расписание. В тот ве-

чер он подкрался к ней сзади и два раза ударил ножом в спину. Она закричала, побежав с парковки во двор, и маньяк не последовал за ней. Но, хотя в некоторых окнах зажгся свет, никто не вышел, и он вернулся. А соседи Китти по многоквартирному дому в течение тех двух часов, что женщину убивали под их окнами, пытались решить для себя вопрос, надо ли что-то предпринять. «Нью-Йорк Таймс» назвал цифру—38. Тридцать восемь человек наблюдали изнасилование и последующее убийство. Только двое позвонили в полицию и промямлили, что там внизу что-то случилось, но поскольку описание происходящего было таким неопределённым, полицейские выехали не сразу.

Китти скончалась по пути в больницу, став мрачным символом социальной апатии и «эффекта наблюдателя», гласящего, что вероятность того, что люди придут на помощь другому человеку, обратно пропорциональна количеству наблюдающих.

Интересно, что потом опозоренные жители дома возражали: да нет, видели, но не поняли; видели, что в других окнах зажгся свет и подумали, что помощь уже в пути; думали, что это пьяная драка. Хорошо ещё, что никто не сказал: «Да она сама виновата, почему так поздно возвращалась домой»,—или: «Живи она с парнем, а не с девушкой, мужчина бы вышел встречать и защитил бы». То есть в науку виктимологию вклад не внесли, и термин «обвинение жертвы» вошёл в обиход только через семь лет после смерти Китти.

А ведь достаточно было бы выйти во двор.

Ещё интересный факт: Мозли, убийца женщины, получил в тюрьме степень бакалавра социологии. В 1977 он написал открытое письмо в «Нью-Йорк Таймс», с гордостью заявив, что он... послужил развитию общества, поскольку теперь люди осознают, что надо приходиться на помощь ближнему своему.

Почему я вспомнила о старой истории и об её продолжении? Потому что в сегодняшней России успешно действуют оба феномена, приправленные лицемерием, достойным вышеупомянутого маньяка-убийцы.

Но есть, есть надежда не стать наследниками Мозли! Стоит только обратиться к работам Б.Латане и Дж. Дарли on pluralistic ignorance и выросшей из них системе «Зелёных пунктов». Модель «Вмешательство наблюдателя» увеличивает возможности для принятия правильного решения. В каждой из пяти фаз у наблюда-

теля есть возможность осуществить действие, влияющее на ход событий!

1. *Обратить внимание на преступление (или не обратить и ускорить шаг)*
2. *Интерпретировать ситуацию как требующую немедленных действий (альтернатива—интерпретировать поведение окружающих как руководство к бездействию)*
3. *Принять на себя ответственность (или продолжать ожидать решений от других)*
4. *Оценить собственные возможности к действию (или занять позицию выученной беспомощности)*
5. *Решиться оказать помощь (или заняться размышлениями об опасности, легитимности действий, последствиях и т.д.).*

Второй пункт заставляет задуматься о личной и общественной классификации преступления и о тех ситуациях, когда они вступают в конфликт. Цивилизованное мировое сообщество не поощряет истребление по любому признаку («истребление»— акт убийства большой группы людей, массовое убийство), порабощение, депортацию, пытки и сексуальное насилие, включая изнасилование, проституцию, принудительную беременность или стерилизацию. Когда руководство любой из стран гласно или негласно оправдывает один из, или все эти пункты, по идее, у граждан должен возникнуть некий когнитивный диссонанс.

Но сейчас речь не о двойном моральном стандарте, сейчас не до жиру, а об активном написании учебников истории, психологии, социологии... нет, в первую очередь— истории. Конечно, время для покаяния упущено, но никогда не поздно отказаться быть жертвой обстоятельств. Для того, чтобы не стать Уинстоном Мозли. Для того, чтобы не выдумывать оправдания и не обвинять жертву. Для того, чтобы не сойти с ума в тюрьме собственной постройки, остаётся только действовать. По крайней мере, будет чем оправдаться в грядущее время, время покаяния. И если пепел Китти не постучал в сердца российских граждан, подумайте о вечном позоре тех тридцати восьми обычных граждан, жителей квинсовской многоэтажки. Или, ещё лучше, о позоре их детей, людей моего поколения.

Хотелось бы, чтобы у редактора не было неприятностей. Но ещё больше хотелось бы, чтобы стало неприятно каждому прочитавшему. Эх, пора бы образумиться и перестать надеяться на то, что россиянам может помочь психология. Не провела ли я предыдущих восемь лет своей профессиональной жизни в попытках насадить гуманное родительство, особенно в России, работая с молодыми специалистами и родителями особых детей из русскоговорящих стран? Увы, те, выращенные в понимании и уважении детишки, не успели вырасти. Да и если успели бы...

МАЙ. ДЕНЬ 69

Военная психотерапия — дело особое. Каждый день обозначаются всё новые психологические и моральные дилеммы. Как жить после приступа «ступора» во время боя? Как разговаривать с другом, оставившем тебя одного в бою? Это проблемы военных. Как освободиться от чувства вины? — это спасшиеся.

Профессионалов в запрашиваемом количестве не найдёшь, а потому семейные и детские психологи и социальные работники, или просто подготовленные наспех суровым львовским мартом волонтеры быстро истощаются. «Галина, можете поговорить с психологами-волонтерами? Люди выгорают, на пределе».

Я встречаюсь, конечно, а как иначе, и рассказываю «Долоням» и «Самодопомоге», и кому ещё пригодится, о симптомах выгорания, об умении звать на помощь, о марафоне, который нам всем предстоит. Заземление, сила, почерпнутая из спокойствия... я должна дать им хотя бы это. *Позичить*. Одолжить силу. Была такая сказка о птице, позволившей уносимому ею от опасности герою во время полёта отъедать куски мяса от крыльев её. Немножко кроваво, но нам ли бояться крови. И к концу нашей встречи кто-то из них спрашивает: «А что Вы, Галина, любите делать? Как восстанавливаетесь?»

Стыдно признаться, что это чувство вины не позволяет мне получать удовольствие от прежних хобби; что в обществе мне скучно; что мысль о ракетах, сброшенных сегодня на задыхающийся от переселенцев Львов, мешает моей душе присутствовать там, где находится сейчас тело. И я решаю поехать на выставку в Лонг-Айленд и следующие четыре часа бездумно впитывать красоту, есть вкусную еду в дорогом ресторане, дышать весной и морем.

Более того, решаю принять неожиданное приглашение прокатиться к эмишам, в благословенный восемнадцатый век, в мир, оградивший-

ся от зла современности и от СМИ. Да что там, я прямо-таки напрашиваюсь! Потому что четырнадцатичасовые рабочие дни — это не шутка. Конечно же, и туда прорывается военная действительность: по дороге я отвечаю на тексты и одновременно «выравниваю» политическую позицию своей «возницы». А прибыв на место и познакомившись с другими женщинами, составившими компанию в этой импровизированной поездке, тут же оказываюсь втянутой в разговор об оставшихся в Украине могилах, о горечи и боли, о непонимании и бессилии. От этого не уйти.

И прибывающие беженцы подтверждают: нет, не уйти. Мы уже здесь. Мы везде теперь. Самый воздух наполнен ими и их нуждами. Во всяком случае, мой воздух.

ДЕНЬ 73

Болгария, куда я лично отправила несколько знакомых семей, в марте казалась самым правильным маршрутом для беженцев. Но... Государственную дотацию пансионам, принимающим на содержание и проживание беженцев, сократили с наступлением курортного сезона, а оставшимся женщинам с детьми выкатили счёт: будете доплачивать в течение лета, а там, глядишь, и война ваша окончится. Поскольку доплата за проживание оказалась довольно высокой, начался исход из пансионатов. При этом части людей уже некуда возвращаться. Опять понадобилась моя квартирка на побережье. Полный хаос, десятки текстов, но наконец-то определились, кто именно переедет ко мне. Я с этой женщиной ранее говорила по Мессенджеру по поводу «коридора» на оккупированную территорию. Будем, считать, что мы уже знакомы. Она въедет через несколько дней.

ДЕНЬ 81

15 мая, иду на день рождения к двоюродной сестре, и тут звонок от Иры А она просто так не позвонит, значит, важно! Надо опубликовать заметку в защиту молодой петербургской художницы Александры Скочиленко, Саши. Саша сидит в СИЗО из-за малости: заменила четыре ценника в гипермаркете на стикеры с пацифистскими текстами. Кажется, я смотрела сюжет о ней и нескольких других активистах на ЮТюбе. Речь шла о добровольцах-стукачах, доносящих на антирашистов. Вот на эту-то Сашу и донесла бдительная старушкавострушка.

А я чем могу помочь?

— Постарайся опубликовать заметку о ней на портале, где ты выпускающим редактором была до войны. Надо спешить до 17-го, до суда. Тебе перезвонит её адвокат, то есть её правозащитница.

Еду в гости, поглядывая на экран телефона. Звонок проходит такой странный и слабый, как будто звонят с Плутона, не ближе. *Телеграм* не работает, мы то и дело прерываемся.

Сашу обвинили в распространении заведомо ложных слухов о действиях российских военных сил по мотиву ненависти. Ей грозит срок до 10 лет. 17 мая — апелляция по мере пресечения. Каждая публикация на вес золота. Пока не печатают нигде.

— «Хотелось бы, чтобы у редактора не было неприятностей», — это, похоже, становится моей мантрой. И вправду, я здесь, а он в Москве, в самом супе. Но ведь он сам сказал: «Публикуйте, Галя». Правда, добавил «посоветовавшись», — но сейчас, к счастью, некогда. «К счастью», потому что я как-то сомневаюсь... В общем, к ночи, шесть-семь имейлов спустя, заметка выходит и размещена на портале с помощью нашей здешней программистки.

Утром (моим утром, т.е.) её сносит забоявшийся главный, позвонили ему перед судом, что ли, но хоть сколько-то она провисела, хоть кто-то прочёл.

С чувством бессилия я слежу за развитием Сашиной истории...

ДЕНЬ 83

Ко мне обращается на Фейсбуке неизвестная мне женщина. Нет, не так: я слеую за тегом, приглашающим именно меня на незнакомую мне страницу. Студент с Украины ищет место для ночлега, ситуация критическая. Не успев подумать, я предлагаю свою дачку, деревянный домик в часе езды от Манхэттена. Потом звоню мужу на работу. Ему остаётся согласиться с мудростью моего импульсивного решения... ведь всё будет Украина, правда же? — подлизываясь, елейным голоском.

Потом начинаем заниматься логистикой: беседуем с парнем, с дачным менеджментом (выдавая его за племянника, а то будет штраф), обдумываем, как свезти его с вещами, ищем автобусы и электрички, чтобы у него была свобода передвижения, парень ведь без машины.

ДЕНЬ 86

Для того, чтобы захватить Олексия и его вещи, нам придётся ехать через Ист-Сайд, а не обычной дорогой по Вест-Сайдскому экспрессу.

Последний раз мы пользовались таким маршрутом в прошлом году, спасая скворца с переломанным крылом, выпавшего мне под ноги. Мы довезли его тогда в Фонд помощи диким птицам, но, когда я поинтересовалась здоровьем спасённого через несколько дней, оказалось, что его всё равно усыпили. Не помогли.

Пока мы прорываемся сквозь ливень и образовавшиеся из-за него часовые заторы (кроме того, у всего Нью-Йорка по пятницам возникает охота к перемене мест), я думаю о скворце и иллюзиях спасателя. Ну вот поможем этому мальчику, поселив его на даче на неделю-другую, а дальше что? Вот так постоянно. Неровный пульс разочарования, вызванного, скорее всего, выгоранием. Чтобы делать больше, надо делать меньше. Но меньше уже не получается.

ДЕНЬ 87–91. ЛЕКАРСТВО ОТ БЕССИЛИЯ

Олексий оказывается не беженцем, а зависшим в неопределённом положении интернациональным студентом, но и он пострадал от войны, и его ситуация — врагу не пожелаешь. Парнишка, в ожидании перевода в канадский колледж, который должен «вот-вот» состояться, остаётся на отсыревшей за зиму, малолюдной пока что даче в обществе своего дракончика-комодо, хотя, конечно же, не бывает таких маленьких комодо, и он простой декоративный варан. А мы уезжаем *на юга*, направляясь в Саванну, причём я продолжаю «вести» своих пациенток и заселяющихся в болгарскую квартиру беженков с детьми, иногда не поднимая глаз от телефона по несколько часов. Суета, звонки от разных незнакомых мне особ, ищущих то ключи, то дорогу, нервогрёпка, и вдруг наступает абсолютный покой, и человек вполне вмняемо пишет: «Спасибо за такую возможность, не волнуйтесь, мы растерялись сначала, но уже всё в порядке...» Наконец-то у кого-то всё в порядке и нормально въехали! Но тут начинается разговор с украинским общежитием в Нидерландах, там тоже какой-то кризис... и так всю дорогу из Саванны в Мёртл-Бич. Я испытываю некое облегчение, въехав в мёртвую зону без интернета...

Но надо вернуться в недавнее прошлое и рассказать о профессиональном волонтерстве, то есть, системе эмоциональной поддержки для беженцев.

Джуди появилась в моей истории в самом конце марта, когда всю теребили нашедшие меня потенциальные волонтеры и организации, начинающие работать с беженцами и ищущие прямого контакта

с «потребителем» их потенциальных услуг. Это её психотерапевты из *Psychoanalytic Psychotherapy Study Center* принимали у меня направления первых пациентов в остром шоке. Запрос на наши услуги уникален, не устаю поражаться этому факту.

Диалог с Джуди:

— Прошу Вас, Галина, войти в организационный комитет.

— Да, но я же не член вашей организации и вообще...

— Если бы не Вы, у нас не было бы никакой программы помощи беженцам. Вы знаете, что за последний месяц от Вас пришло две дюжины направлений?

— Нет, не знаю.

Не считала. Тем более, что направляла не только туда. Но приятно и признание того, что делаешь, и то, что кто-то ведёт учёт. Учёт — это важно, говорит во мне голос бывшего администратора.

Так я вернулась к администрации агентства. Жалко времени, правда, но Джуди и вправду действует быстро, прислушивается к моим «срочно!!!» и действительно превращает RSP в ресурс.

Именно у Джуди я нахожу необходимых арт-терапевтов, которые могут работать невербально с теми, кто не может говорить от душевной боли или страха, с самыми травмированными, с детьми. А потом, «заглянув» (виртуально) к психологам-волонтерам из Нью-Джерси, я натываюсь на группу, которой позарез нужна та моя модель, что уже сработала в марте для мам-киевлянок.

Чувствую себя паучихой, сплетающей воедино разные концы в некий дизайн, в сетку, удерживающую тех, кому сейчас держаться не за что.

Лиз, арт-терапевт:

Хотя обстоятельства и работали против нас, в нашей встрече присутствовала красота самого базового свойства. Что за честь оказаться на связи с людьми «там», оказаться полезной, собрать воедино дары образования, умения, профессии, которую я так люблю, и лучшие аспекты собственной персоны, и всё для того, чтобы помочь другому человеку на таком огромном расстоянии, но под тем же небом. О. допустила меня в свой мир, и я испытываю безмерную благодарность и к ней, и к переводившей коллеге. Кажется, что я шла к этой встрече долгие годы.

ИЮНЬ. ДЕНЬ 100

Вот и отдохнули. Теперь за дело. Очередное интервью (новостной канал аж в Сингапуре), очередное review статьи. Виртуально выступаю, поддерживаю коллег (многие уже «выгорают»), провожу супервизии, координирую и переводы на украинский, и профессиональную поддержку для человеческого потока, уже текущего из Украины, через Тихуану. Когда никого не нахожу, начинаю работать с беженцами сама. Война сорвала с места многих, но у каждого свой стоп-кадр стоит перед глазами: кто-то уже потерял близкого человека, кто-то в разлуке, кто-то в растерянности. Большинство испытывает острый стресс от увиденного, услышанного, от туманов и выстрелов в воздух на вокзале во время бегства, от бесконечного холода и потом бесконечной жажды в подвале, от физических ран, от нестерпимой ностальгии по дому, которого больше нет. Вдобавок обостряются прежние житейские проблемы: накаляются отношения между разлучёнными супругами, дичают подростки, насмерть ссорятся подруги.

И тяжелее всего приходится детям.

***Владик, Харьков:** Снова о рисунках. Рисунки диагностичны. Когда я прошу четырёхлетку Владика нарисовать дерево, дом и человека, он сначала отказывается, но потом шёпотом просит бумагу и фломастеры, закрывшись от меня, рисует в углу, а потом протягивает мне исцёрканный красным фломастером лист: «Это мой дом. Мой Харьков». Надо ли что-то добавлять?*

ДЕНЬ 101

А ещё я исполняю шаманский танец вокруг команды Порджеса. Мне кажется, что будет толк от того приспособления, которое они выпустили на рынок несколько лет назад. Травмированные детишки, аутисты, все смогут получить облегчение. Но пока они не поддаются и говорят, что все усилия направлены на работу с польской стороны границы, в какой-то клинике. А вот летом я смогу подъехать в Польшу, посмотреть, как это приспособление применяется. Они пошли думать, я пошла искать, что ещё может меня заставить проехать через Польшу. С пустыми руками ехать нечего.

ДЕНЬ 106

День рождения, между прочим. Готовимся ехать на слёт авторской песни, а по дороге запланировали съехать с дороги и с обочины устро-

ить... не пикник, нет, семинар с людьми, ожидающими в Тихуане. Не стану описывать волнения по поводу исчезающей в национальных парках связи, но скажу, что подсоединение сегодня напоминало «ту самую» рулетку, не к ночи будь помянута.

Потом попросили прокомментировать на встрече с людьми, только пока планирующими приехать в Штаты. Я эту встречу назвала для себя «Не ходите, дети, в Тихуану». Выступивший перед собравшимися беженец очень доходчиво описал ночь в иммиграционной тюрьме под одеялами из фольги, назвав её самым драматичным событием всего этого времени...

ДЕНЬ 115. О ЗЛОБЕ ОБРЕЧЁННЫХ

Задолго до мемов все мы думали и общались штампами — в изображениях, скриптах, кодовых фразах. Меня преследует сердитая женщина с жёсткой челюстью, задрапированная в шаль, хрестоматийный плакат времён Второй мировой войны с подписью «Что ты сделал для победы?» Я могу ошибаться, возможно, подпись там была «Родина зовёт!», но настроение в основном схвачено. Родина-мать, красноармеец с пальцем, упирающимся в грудь зрителя, вся эта пропаганда военного времени отзывается сегодняшней реальностью. Моя интернализированная Родина требует жертв.

Мне страшно спать потому, что пропущу тот момент, когда прилетит в моих людей, а меня не будет, чтобы прикрыть хотя бы голосом. Как же не ощущать злость и внутреннее давление этой самой жертвенности?

Мяса на голодном человеке хватает только на злобу — это Шаламов. Мы изучаем сейчас аспекты голода. И смерть — это последняя степень голода. Зачем балансировать меню, если вокруг столько смерти? Если ты говоришь с человеком и начинаешь его *узнавать*, а в то же время думаешь: «Может, не надо, он же умрёт вот-вот»? Если ты *ежедневно* говоришь с обречёнными? Так или иначе обречёнными. Одна из героинь моего очерка умирает сейчас, вернулся рак...

Мы, помогающие, отрезаны от мира смертью... никто не скажет об этом, но это правда.

Отпущу руку, повешу трубку, и кто-то из них погибнет. Я давно уже работаю не ради денег, а ради возможности спасти, давать надежду. Поэтому это моя война против тех, кто отбирает надежду, свободу, радость, кто оставляет на жить впроголодь.

Пока живы они, *те*, — гибнут мои люди, простые люди с нормальными радостями, уже понявшие разницу между свободой и несвободой. Поэтому — сколько ни сделаешь, всё мало. Ложь, лицемерие, игра слов, — всё сейчас одинаково опасно. Но я научилась не кричать «Кто любит меня, за мной». Я просто делаю что надо, используя каждую возможность сделать больше.

ДЕНЬ 116

В общем, так. Поскольку нормальный отдых не выходит, отставим идею отпуска и будем отдыхать, принося пользу. Например, полетим в Болгарию, чтобы разобраться в чехарде людей, въезжающих и выезжающих из нашей квартиры, заодно и на пляже полежим. А по дороге заедем в Варшаву и разберёмся, почему буксуют переговоры по технологии Порджеса.

ДЕНЬ 119

С утра покупала короб для пулемёта (магазин для пулемёта М-249, мягкий вариант, брезентовый эквивалент пресловутой Анки-пулемётчицы) и партию жгутов с собой в Варшаву. Три дня плотно занималась тяжёлым кейсом, добравшимся до Нью-Йорка. Ну, и работала, естественно, с регулярными моими, «довоенными» пациентами.

Подборку заканчивала — это в воскресенье ещё. Иногда меня хватает на стихи. Писать или не писать? Поскольку эмоционально значимые тексты об этой войне «происходят» сами собой — поскольку они происходят очень редко — я считаю важным делиться ими. Мне хорошо понятна позиция тех, кто предпочитает молчать или выжидать, чтобы не попасть впросак, но и рассказывать о войне важно. Только воевать недостаточно. Иначе, как бы я ни звала, никто не придёт на мою войну, не узнает правду.

Херсон, М.М.:

Первые два месяца выходили на митинги каждый день, выходили на мотоколонны и голыми руками выталкивали танки из города. Находили любые обрезки ткани или отрывали от школьных тетрадок полоски бумаги, чтобы только на рукав навязать жёлтое и голубое. Чтобы нельзя было потом фальсифицировать, про что этот митинг. А потом пришло к ним подкрепление, и начались убийства прямо там, на митингах. Бросали как дрова в автозаки. Нет, в «Уралы». «Уралами» сгружали в тюрьмы свои, что понадела-

ли везде. Один мой сосед не вернулся, другой... ну, тряпичную куклу вернули вместо человека, скелет перебит, что уж теперь.

И вот освободилась, и тут же навалилась пустота, депрессия. Пишу, потому что остановилась на бегу. Не как раньше, не от избытка эмоций, не для самоанализа, а затем, чтобы не возникало пустоты. Но и депрессуха от этого. Скажите мне, что я кому-то ещё нужна не для дела, не как кошелёк с лицензией, не как средство «передвижения»... просто ещё нужна. Что во мне осталось хоть что-то танцующее, легкомысленное, живое.

ДЕНЬ 125

Я подписалась вчера ехать с волонтерами в Украину. Не с польской стороны смотреть обращающихся за помощью, а именно в Украину, потому что беженцам помощи предлагается много, а вот тем, кто находится сейчас там... У папы РСА упал даже ниже нормы, так что я не очень сейчас здесь нужна. Подписалась и тут же спросила себя по-честному: это для чего ещё, не для собственного ли успокоения, не для того ли, чтобы заглушить чувство вины? Сиди, милочка, где сидишь, носом в монитор — с телефоном под локтем, и эффективно делай своё дело. Поездка в Варшаву — дело другое, она была назначена по нескольким причинам, для нескольких проектов сразу, и я поеду и сделаю всё как надо, но, будем честными с собой, я нужнее здесь, и я давным-давно не просто передаточное звено, не просто информационный узел, а важная часть структуры, поддерживающей профессионалов и беженцев, которые в свою очередь материально, логистически и морально поддерживают фронт. Там тоже — удивительные люди, проекты, идеи, удивительные примеры самоотверженности, преодоления страха, патриотизма.

Мы выросли без слова «патриотизм». В годы моего детства оно давно было затёрто и обесценено. Я стала понимать значение патриотизма только в США. Сначала разглядывала его проявления как энтомолог редкую бабочку, а после 11 сентября 2001 года стала испытывать его действие на себе. Я знаю его силу и рада за украинцев, познавших-таки патриотизм, возвысившихся над повседневностью прагматизма.

Судя по Фейсбуку, сегодняшнюю российскую интеллигенцию волнует вопрос, как им абстрагироваться от определения «плохой русский — это живой русский», как радоваться элементам жизни невзирая

на войну и т.д. Почему-то никого не беспокоят молчащие или горячо поддерживающие войну соседи, народ в метро, народ в глубинке. Латане ввёл термин «социальная леность», обозначающий тенденцию к уменьшению индивидуальных усилий в коллективном проекте. Но тут больше чем леность. Тут наблюдается распад на две совершенно разные группы с разными целями, с разными нуждами. Т.е. блага, что заблокировали санкции, нужны оказались совсем немногим. И потому войне не видно конца, что ценность человеческой жизни, как мы понимаем её на Западе, в России равна нулю, но стоимость её (деньги, полученные семьёй за смерть контрактника, скажем) высока неимоверно. Люди с радостью продают и покупают собственную смерть. Теперь это называется у них «любовь к Родине». Так что патриотизм у каждого свой...

ДЕНЬ 127

Прошу знакомого доктора, «нашего», выписать лекарство от химических ожогов, противоядие от укусов гадюки и антибиотик. На меня и на мужа.

— А что, неудачные выходные на даче, вполне правдоподобно.

Ржём.

В Украине эти лекарства сейчас на вес золота.

Противоядие оказывается мне не по карману, но находим более дешёвый вариант на Амазоне, причём без рецепта.

А потому при встрече с ней
Берите, дети, ноги в руки... (Б. Заходер)

Ах, причерноморские степи, узнаю вас... Вот где сейчас нужна помощь.

ИЮЛЬ. ДЕНЬ 130

Чемодан с сенсорными приспособлениями набит. И второй, с медикаментами, почти заполнился! Израильские жгуты и первая помощь при укусах гадюки куплены. Спасибо присланной из Нью-Джерси палатке, мы привезём подарочек ещё одной группе волонтеров: «Станция добра». Теперь, когда пою «Маркитантка юная убита», представляю себе этих девчонок, которым на свидания бы ездить да бусы примерять, а вместо этого они гоняют по степи на внедорожниках, доставляя в армию необходимое.

ДЕНЬ 138

В «личку» приходит сообщение: «Пани Галиночка, мы всё ещё ждём безглютенового питания, обещанного в апреле... Научились из гречки печь хлеб, но гречка стала как чёрная икра». У Алены сил от моих заказов больше нет, и я просто перевожу деньги, сколько там осталось на дне моего украинского кошелька, двум мамам на четверых детей. Они бегают целый день по магазинам с орущими детьми и добывают горстку продуктов без глютена, ура!

Выкидываю на Фейсбук присланные фотоотчёты с подписью: «Я больше не могу. Я не могу терпеть боль, когда дети недоедают. Я не могу терпеть, когда не хватает лекарств. Я не могу стоять в стороне, но я знаю, что я одна могу так мало». Не знаю, кому написала. Самой себе, наверно. А через час приходит перевод от друга. Теперь получается, что надо потратить и эти деньги. Спрашиваю Юлику: «Дайте кого-нибудь из хвоста Вашего списка, может, отправлю им что-то из Польши». Она даёт пятерых. Ну, на пятерых может не хватить, но я добавлю из своих. На всякий случай отправляю Виктору и Ире емэйл: «Еду в Польшу, буду покупать безглютеновую еду аутистам и детям с целиакией. Если кто хочет принять участие, сбрасывайте деньги на...» И приходят деньги. Перезваниваю в Белую Церковь. «Мы уехали в деревню, тут легче жить. Хорошо, что снова можно передвигаться».

Киевская область ещё недавно была оккупирована. Они гуляют по улице. Она тянет на верёвочке малыша в тележке, он залиvisto смеётся. Всё отдать за детский смех. Я тоже бегу по улице в Бенсонхёрсте, вдоль парка, где когда-то с маленьким сыном гуляла. Бежать домой для разговора некогда. На суржике, то и дело соскальзывая в русский, говорю: «Если соберёте группу мам, пошлю посылку, чтобы на какое-то время хватило. Берёте такое на себя?».

— Соберу, обычно, — радуется она.

И собирает дюжину мам, попутно вникая в их жизненные истории: «У нас по сравнению с другими ок».

У Валентины, матери троих, младшая аутист, тоже ок, только еды не хватает. У другой Валентины нет диетического питания для лежащего малыша-ДЦП-шника, но зато остальные деточки живы и здоровы.

Самые тяжёлые не просят помощи. Травма прячется. Я пытаюсь empower. Такого слова, полного эквивалента в русском вообще нет.

Нет навыка просьбы в сочетании с осознанием собственной силы. В советские годы стучали по столу, и изредка это помогало. Сейчас присутственных столов больше нет, каждый за себя. Но до умения отстоять себя ещё надо дорасти. Я пытаюсь донести: просить не стыдно. Но эти, самые уязвимые, не просят. Их надо вытаскивать по ниточке. У них уже есть одна травма в пассиве, потеря «идеального ребёнка». А полномасштабная война бьёт по уже образовавшейся воронке, по хрупкой психике горюющих родителей.

Тем временем перезванивает Ира: «Слушай, давай разошлю e-мейл, повнушительней поможем твоим аутистам».

За сутки до отлёта сумма доросла до четырёх тысяч. Становится ясно, что одной отправкой не обойдётся.

Ну ладно, дело хорошее. Деньги нужны. Нуждающихся детей немало. Я ещё не знаю, сколько их...

ДЕНЬ 142

Пора ехать за очередной передачей для военных. Сегодня 14 пациентов, какие-то закупки последней минуты —Амазон не всё ещё доставил, суета... а людей в Виннице не вернёшь. Всё время это на заднем плане, и трудно улыбаться даже соратникам, а уж тем паче людям, для которых это горе — «не их война». Я слышу эту фразу — нечасто, но слышу. От хороших вроде бы людей. И не знаю, что с этим делать.

Подумать об этом потом? Спасибо, Скарлетт О’Хара, за совет на все времена.

ДЕНЬ 144

Воскресенье. Из Западной Вирджинии просят взять сумку. Оказалось, пять сумок. Для медиков, для гражданских, для военных...

ДЕНЬ 145

День выдался непростой и всё чуть не зависло на волоске: папа, 85, заболел ковидом накануне отлёта, а оставить его не на кого... но мы успели на самолёт, провезли весь багаж, заплатили по минимуму за перевес и даже успели сфотографироваться на фоне горы баулов.

Перелёт был быстрым и каким-то бездумным: первый акт закончился, вай-фай отключился, процесс продолжается. Выйдя в аэропорту Шопена, мы почему-то почувствовали себя уютно, как если бы прилетели домой в Нью-Йорк. Всюду жёлто-блакитная символика. Lovely! — Но за что любить Варшаву бедному еврею? Здесь громче

всего звучит голос не сворачивающейся, вечно вытекающей еврейской крови. Ассоциации с чудотворной ампулой из Брюгге, точнее, из фильма о муках совести и о возмездии. Залечь на дно в Брюгге, чтобы ощутить, как болезненно раскаяние.

Мы сняли номер в отстроеном, воссозданном от основания и нашпигованном современными удобствами дворце буквально за углом от крепости и королевской резиденции (тоже отстроеной, восставшей из руин). До 1975-го в кое-как восстановленном после войны дворце находилась резиденция примаса, а уж в 2016 пришли новые хозяева и превратили в эксклюзивный отель. Туда-то мы и завалились со всеми девятью местами багажа тактической расцветки. Почему туда? Потому что в самом центре, и есть надежда оглядеться вокруг между транспортировкой багажа и встречей с разными людьми; потому что я совсем не против буржуазности; и потому что цена была очень неплохой.

Без конца считая, загибаем пальцы, как в потешке про ворону: военным привезла, медикам привезла, детишкам привезла, беженцам привёз... погодите, где седьмой баул?! Уф, слава Богу, вот он, привалился за колонну.

Побежав на рыночную площадь наскоро поужинать и усевшись за столик в одном из ресторанчиков Строны Закржевского, т.е. вдоль южной стены *Rynek Starego Miasta*, мы проводим следующих полтора часа в сначала расслабленно-эйфорическом, потом слегка раздражённом ожидании, а потом просто в напряжённых перезвонах с Варей, нашей посыльной для передачи сенсорных приспособлений для украинских аутистов.

Восточная Европа, что вы хотите, сочувственно подмигивает меланхоличный скандинав за соседним столиком. Ну и репутация, однако!

ДЕНЬ 146

Даже на бегу мы успеваем заметить не только гуляющие толпы, но и приметы военного времени: молодых ребят с украинским флагом, собирающих деньги на те или иные нужды, указатели, обозначающие центры для беженцев, жёлто-голубой фон плакатов. В очередях к окошкам с недорогими лакомствами переговариваются на встревоженной мове, дети считают вслух мелочь, бережно ссыпая её в ладошки. Мы среди своих.

Мы тоже вливаемся в туристский ручеёк и перебегаем улицу Медовую, отделяющую нас от Старого Места. Нет, позавтракаем позже, сейчас важно отдать рюкзак с тактическими медикаментами. Вам позвонит Анатолий. Через час, когда мы уже отошли к пока закрытому музею Варшавского восстания, замечаю новые сообщения в *Телеграме*.

— Анатолий?

— Я Вадим, но это неважно. Слава Украине!

Героям слава. Встретимся с ним через полтора часа. Значит, есть время на музей! И, кстати, не чувствуется пока жара. Мы скачем мимо памятника героям восстания, которых гитлеровцы вгоняют под землю, сворачиваем влево, мимо старого парка за благородной решёткой, а там вперёд и направо. Здесь когда-то жило и умирало Варшавское гетто, но если бы не музей со входом, напоминающим разверстную рану, если бы не памятник на пустынной площади, никто никогда не догадался бы об этом, ведь гетто было уничтожено полностью. Странно находиться под таким голубым небом, в таком совершенном дне, в ожидании щедрого дневного жара именно здесь, именно сейчас, когда такая же безумная жестокость загнала под землю защитников и мирных жителей украинских городов. Дежавю для Европы, *жамевю (никогда не виденное)* для людей моего поколения. Как мы ни боялись третьей мировой, мы так никогда и не испытали ни настоящего, безысходного ужаса, ни беспросветной нищеты, ни подлинного отчаяния.

А камушки забыли принести, как же так. Я отхожу под деревья, оглядываюсь в поисках камня, чтобы положить на мрамор памятника, чтобы все знали, что не забыты ни мученики, ни герои. Всё усеяно жемчужинами, и даже шляпки грибов мелькают. Ах ну да, это же грибная столица мира, и сезон в разгаре... а вот камушков не видно. Но наконец показывается камушек, за ним другой. Мы кладём оба на плиты. Простите, что только половину молитвы, я ведь не знаю, какую именно надо прочесть. Что поможет их покою.

Проходим в разрез.

По легенде, путники, спасавшиеся от крестоносцев, дошли до прохладного, туманного леса. Спросив у встречного «где мы?», они услышали в ответ: «Полин». На иврите «по-лин» означает «отдохни здесь». Так они и сделали. Музей начинается с голографического леса, со сказочных деревьев, с зачарованности, с чудесного открытия.

Через какие-то тысячу лет, десяток залов, мы выходим из обугленного гетто, а там — уютные гостиные времён Гомулки, тарашатся ста-

рые телевизоры...там задокументирован конец польского еврейства. И обозначен конец сказки и чуда.

Посыльный уже ждёт нас. Надо бежать, но это и к лучшему. Этот музей за один раз не обойти, и не потому, что много экспонатов, а потому, что мы сами обожжены.

Итак, дети, повторим быстренько: почему я, еврейка, объединилась с немцами и поляками в борьбе за *незалежну*?

В первую очередь потому, что геноцид, любой геноцид любого народа не должен повториться. За это умерли мои предки, в это свято верю я сама.

ДЕНЬ 147. В ВАРШАВЕ

Вожусь с гуманитаркой. Выставляю фотки переправляемого, все 280 lbs. Отгрузили несколько партий всякой всячины, в промежутках между визитами курьеров урывками осматривая то королевский замок, то музей Шопена.

Спины наши поскрипывают; хорошо, что в отеле отличная сауна. А я ещё и массажистку вызываю.

После осторожных «откуда» и «куда», она начинает жаловаться на беженцев. Их много. Они небедные. Их уже не жалко. Пытаюсь объяснить, но что тут объяснишь. Война произошла с огромным множеством разных людей: хороших, плохих, богатых, бедных. Изменила их. Тяжело любить травмированных и испуганных. Потерпите, вот победим и...

Звоню домой. Папа в ковиде, мама пока держится.

ДЕНЬ 148

Магазин — это по-польски «склеп». Чудненько. Первый «склеп» находится по адресу Мексиканская, 8. Запомни, Мексиканская, 8.

Какое счастье, что я не потащила туда сразу, а перепроверила ещё раз на месте! Безглузденый магазин нашёлся совсем недалеко, и если бы не безумный дневной жар, мы могли бы пойти туда пешком. Правда, на обратном пути нам и обычного такси не хватило: грузили продукты ящиками. Закупили около 200 фунтов еды и для особых детей, и для их братишек/сестричек (пожертвования частные, так что распорядилась очень свободно — тот, кто очень нуждается, получает побольше, да и нуждающихся нейротипичных детей тоже включила), и ещё остались деньги. С продавщицей объяснялись на смеси английского и украинского, педалируя схожие слова. Она всё поняла про нашу миссию, таскала ящики, сортировала, перетряхивала подсобку,

и в конце концов предложила к следующему разу заказать всё по нашему списку заранее. Если, конечно, нам удастся проверить «следующий раз» между двумя самолётами и если в автобусе, который всё это должен отвезти во Львов, найдётся достаточно места.

Отель boutique, а потому вместо лифта — лестницы, восходящие и нисходящие даже на одном этаже. Ну, мы им устроили базар-вокзал...тащить стопку тяжёлых ящиков наверх просто бессмысленно — а потому завалили вестибюль, относили маленькими порциями и паковали индивидуальные посылки. Только бы не перепутать. Отправила тридцати. Списки нуждающихся ещё детей на 200.

Всё это практически непрерывно из-за джетлага: вместо того, чтобы спать, я разбирала по кучкам продукты и памперсы, группировала по сумкам, надписывала адреса. Так хотелось, воспользовавшись пребыванием прямо-таки рядом, на расстоянии автобусной поездки от Украины, добавить что-то личное, кому что вкусно: «батончиков» сладкоежке, «хлебчика» любителю чего-нибудь повнушительней.

Завтра должны вылетать в Болгарию.

ДЕНЬ 149

Для нас Болгария предполагалась чем-то средним между отдыхом и ревизией. Что-то я застану в заселённой незнакомцами квартире?

Но всё оказывается просто великолепно! Они, мама и дочка, проживавшие у меня с конца мая, заботились о заброшенной с доковидных времён квартире как о своей, и даже благоустроили её немного, постелили какие-то салфеточки, хозяйственные мелочи купили.

Я беру у них ключи. Послезавтра вечером они возвращаются в Украину, а пока погуляют по Старому Городу как туристы. Мы вместе идём обедать, они угощают! Девочка-подросток считает деньги, вижу, что волнуется. Дети становятся маленькими взрослыми, и как трудно будет возвращаться в прежние роли. Если вообще возможно.

ДЕНЬ 150

Выходим на маленький пляж, который наш дом делит с соседним комплексом. Вокруг чистая украинская речь с вкраплениями южно-русского суржика. Покойный наш застройщик, бывало, называл хозяев комплекса «шахтёрами».

Глядя на купающихся детей и ловящих каждый лучик мам и бабушек, можно почувствовать слабое раздражение. Весь мир борется за них, а они курортничают.

Но это люди, которым в принципе некуда возвращаться. Новые кочевники. Вот и мои недавние жилички едут в чужую квартиру во Львов, поскольку их родной дом сейчас в оккупации, и сколько ещё пробудет в оккупации, неизвестно. Мы боимся даже подумать, что оккупация может быть навсегда.

ДЕНЬ 151. ОЛЯ И ЭЛЯ

Встреча с Элей была запланирована несколько недель назад, когда Фейсбук внезапно обозначил её локацию. Знала я её ещё с апреля, с группы по Буче. «Встретимся у ворот Старого Города, около волынщика?»— говорю я, не зная, есть ли вообще волынщик, всё-таки ковид прошёл здесь с потерями, да и просто прошло четыре года. Но, подъехав к воротам, я издалека ещё вижу знакомую сторбленную фигурку— волынщик здесь! Всё тот же, сколько уж лет. И рядом стоит фигурка явно в ожидании. Развиртуализация состоялась!

Мы уселись в Элином любимом ресторанчике, «Margaritari».

— Можно, я приглашу ещё одну знакомую коллегу?

Я не говорю о том, что коллега живёт у меня, пусть Оля сама скажет, если посчитает нужным.

Нас легко найти. Улица Ивана Асена Третьего, там, где она выходит на набережную.

В Старом Несебере все перпендикулярные улицы выходят на набережную обоими концами. Остров.

Ясно, что Оля здешние рестораны не изучила. Она в напряжении, явно считает в уме, даже попробовать стоящие в центре стола мидии отказывается:

— Я только познакомиться. Я только пива... так захотелось пива. А как узнать, здесь примут украинскую карту?

И виноватый взгляд. Наверное, представляет себе реакцию дочери на бессмысленную трату.

Я помню эти ситуации по раннему эмигрантскому опыту, изнутри знаю эту неловкость.

Может, приглашать Ольгу в ресторан было бестактно? Но так хотелось вытащить её на разговор на профессиональные темы, дать ей возможность общения со взрослыми вне семьи. Это ведь и есть те маркеры нормальной жизни в социуме, которых людей тоже лишили.

Она понемногу оттаивает, заражается нашей легкомысленной бравадой, и тут оживает Элин телефон: в Одессе снова тревога. Этот звук

определяет всё дальнейшее, проводит разделительную черту между нами и ею, между нами тремя и остальными обедающими.

Мы на войне.

ДЕНЬ 155

Болгары и поляки находятся, как оказалось, в разных окопах.

Болгария, милая солнечная Болгария, куда мы так любим приезжать раз а два года, оказывается полным шоком. Солнце, море, рыбки луфарь и чернокоп на гриле каждого ресторанчика всё такие же чудесные, нам так же приветливо улыбаются, но украинцы, которых приняли и разместили в курортных корпусах по всему побережью ещё в марте, вызывают гораздо меньшую симпатию. Вот женщина жалуется: приехал отец на машине, снял номер в маленьком пансионе и заплатил полную стоимость, чтобы хоть немного почувствовать лето и каникулы, чтобы побыть рядом с внуками, а через неделю обратно в Украину. А хозяйка и говорит: «Не держите свою машину на парковке, российские постояльцы будут расстраиваться, увидев ваши номерные знаки. А для вас у меня есть идея, где приткнуть машину, тут недалеко».

В Болгарии продолжают ждать россиян. Возможно, переданная через два поколения любовь к «братушкам-освободителям» ещё льётся в болгарских венах, а скорее всего, это любовь к щедрым в последнее десятилетие российским кошелькам, но настроения в публике клонятся в пользу агрессора. Болгарам нравится быть маленькими и слабыми, а на тех, кто слабее их, они, оказывается, отыгрывают свои геополитические и финансовые невзгоды.

Иллюстрацию к истории о парковке украинских машин на следующий же день подбрасывает жизнь.

«Звука на морето»

Так звучит название пансиона. Переводится — «Шум моря».

Ломоть бескрайнего счастья всего лишь за три границы от войны.

Как заказывали, получайте по прејскуранту:

Ленивые волны целуются с небом,

Вечно голодные чайки насмерть дерутся с котами.

Из прибрежных механ слышатся здравицы

Механических неотразимых мачо, пение тонкоголосых певичек.

Чудное побережье, Чёрное с майамской претензией,

С любовью и ненавистью к Америке
 В каждой вывеске, в изгибах названий.
 Болгары экономят на гласных,
 И кажется, что говорящий сердится на тебя.
 Стенает волынщик у городских ворот.
 Стенает, заметьте, лицом к стене —
 Так лучше отражается звук.
 Пот не стекает, а покрывает лужицами морщины щёк.
 И вдруг...
 Нет, написать «и вдруг» — это принести дань привычке
 всё рифмовать.
 Что и говорить, курорт достоин рифмы:
 Летние дни предсказуемы, повторимы.
 Рашисты на пенсии, беженцы, бешеные местные — все на машинах.
 Пассаты и Джетты прижаты друг к другу на парковке отеля
 Под острым углом к шоссе, кормой к обочине.
 Редкий прохожий протиснется мимо,
 Потому обходит по мостовой.
 И вдруг... Да, в этот раз не ложная тревога,
 А дырочка, пол-ладони от бензобака,
 Треугольная шахта, уходящая в чрево машины,
 Треугольная, как штыковое отверстие позапрошлой мировой.
 И номерные знаки на синем и ярко-жёлтом.
 Это не может быть пуля. Похоже на осколочное от снаряда.
 Погодите, к которому региону
 Приписана эта машина?
 Полуминутным дознанием подтверждается, что к Донецку.
 Мозг отказывается принимать, что так бывает,
 Что это по-настоящему. Ведь не зря
 Кладбища планируются за городом.
 Конечно, со временем мёртвые и живые притягиваются
 друг к другу
 В самых причудливых комбинациях...
 Но только со временем.
 Нам, действительно, рано думать о смерти.
 Да брось, мы находимся
 За целых три границы от войны.
 На обратном пути из механы обходим не справа,
 а слева, а там — выходное.

Уж выходное отверстие не перепутаешь ни с чем.
Как будто смертельное любопытство досужего Буратино
Пробило холщовый очаг
И вывело отблески масляного пламени
На обратную тёмную, пыльную сторону
Дешёвейшего из холстов.
Эти фейки, пейзажи с машинами и домами,
протыкаются каждым носом
С удивительной лёгкостью.
Человек протыкается даже легче.
Человек на должен даже просыпаться для того,
Чтобы стать продырявленной декорацией.
Не обязан покидать заднее сиденье
Скорлупки, несущей его по морю огня и дыма.
Странно думать об этом, а потому — не будем об этом.
В конце концов, им удалось проехать
Через условный ад, и вот они, невидимые «они»,
Хозяева — или ... новые хозяева? — тут.
Звука на морето шепчет: «Memento mori»...
Но, может статься, и это
Всего лишь название пансиона.

ДЕНЬ 157

Маникюрша находится в отеле, вот адрес.

Внутренний дворик отеля с бассейном посередине шумен, как одесский двор воскресным утром. Дети и женщины роятся в воде и вдоль бортиков, глядят вниз, облокотившись на перила, и переговариваются с купальщиками. Я карабкаюсь на четвёртый. Никто не задаёт мне вопросов, к посетителям здесь явно привыкли.

Так вот как выглядит пресловутый отель для беженцев! Если помните, отели больше не бесплатные, но всё же какая-то дотация осталась. Часть людей поехала вглубь Европы и далее, некоторые вернулись в западную часть Украины, но ещё какая-то часть решила задержаться в Несебре до холодов.

Маникюрша Натали, крашеная блондинка с кожей лица, по степени возделанности не уступающей совершенной английской лужайке, немного похожа на Наташу, косметичку из малюсенького салона рядом с «Детским миром», к которой много лет ходила мама, а с прибытием первых юношеских прыщей стала ходить и я. Наташу переполняло

то особое достоинство, тот профессиональный апломб, который так свойственен одесским жрицам красоты. У Натали тоже наблюдались следы данного апломба, вот только был он покрыт патиной, приглушённый какой-то вариант.

Атмосфера салона была воссоздана с помощью яркой настольной лампы на малюсеньком столике, уставленном флакончиками и коробочками, как бы отделявшей жилое помещение от кабинета маникюрыши.

— Что будем делать? *Простой* маникюр? — с прохладным недоумением повторяет она мой ответ. — Не гейлак?

Я отстала от успехов ногтевой индустрии, но, кажется, имеется в виду гель для ногтей. «Гейлак» ассоциируется только с Гей-Люссаком, честно. О, каким презрением обдали бы меня в Одессе за примитивные мои потребности! Но здесь выбирать не приходится, а потому она принимается за дело.

Она, конечно же, оказывается одесситкой. Я, конечно же, вкратце рассказываю о себе. Она расслабляется, начинает улыбаться. Потом мрачнеет, рассказывает об ужасе первых дней войны, о решении уехать, о заминированных пляжах, о том, что дочка стала слишком независимой. Девочка нашла работу здесь же в отеле и больше не просит на карманные расходы, зато высказывает своё мнение обо всём. Мы обсуждаем ситуацию, делимся предположениями о том, что будет с Одессой. Обсуждаем недоброжелательность болгар, сложности с трудоустройством. Надо уезжать отсюда до начала учебного года, но куда теперь? Пока она работает над левой рукой, я извлекаю правую из ванночки и начинаю рассылать тексты в Телеграме и Фейсбуке, расшвыривать накопившиеся вопросы.

— Волонтёрите, да? — с уважением спрашивает она.

Да, можно и так описать то, чем я заполнила свой отпуск.

Мне лично больше нравится слово «спасатель».

Появляется ногастый подросток, та самая независимая дочка, только что закончившая мыть посуду в кухне отеля:

— Мам, все наши здесь уже. Я пойду?

Похоже, её личная жизнь бурлит. Не выпуская мои пальцы, Натали вздыхает:

— Только до темноты вернуться, поняла?

Дочка вместо ответа выпячивает губы:

— Цьом, мамуль, дай цьом.

Такой одесский ребёнок, аж спазм в горле.

И вылетает за дверь.

Натали улыбается и вдруг, без перехода, всхлипывает:

— Хочу домой. Я так хочу домой...

И мы с ней вместе плачем над навсегда уже прерванным детством её девочки, над заминированными одесскими пляжами, над бездарным летом на чужбине.

Натали покрывает мои ногти бесцветным лаком с какими-то детскими блёстками:

— Если Вам ещё что-то надо перетаскивать, лучше вот так, нейтральненько.

— Сколько я Вам должна?

— Нисколько, — отвечает она с видимым удовольствием. — За Вас заплачено.

Ах, так это новая моя подруга Эля решила сделать мне приятное! Натали продолжает:

— Но если б она за Вас не заплатила, я бы всё равно денег не взяла. Спасибо за всё, что Вы делаете.

И мы обнимаемся перед тем, как заплакать во второй раз.

ДЕНЬ 158

Каждое утро войны — это от получаса до часа ночной почты. К счастью, сейчас мы в одном часовом поясе, так что по ночам пишу меньше. Но всё равно до обеда надо ответить тем, кто ищет доктора и психолога, тем, кто ищет ресурсы в Штатах, тем, кто рассчитывает на меня. Сегодня, например, в моей почте висит чья-то ночная энцефалограмма, и надо найти невропатолога, готового проанализировать её. Неизменный Джош, новые мои ресурсы, Наталия и Ирина, обещают найти искомого доктора. Но количество и разнообразие запросов иногда пугает даже меня. Я начинаю говорить «нет».

Написала Аня, сменившая Джуди в программе поддержки беженцев: «Галина, надо поговорить с женщиной, находящейся в кризисе. Кроме Вас, никому!!»

Некому, оказывается, потому, что с ней уже поговорили все наши психотерапевты, но что-то каждый раз не срабатывает.

«Она в отчаянии, пишет мне день и ночь напролёт!!!!»

Ладно, поговорю с ней завтра из Варшавы. Вот и сказала «нет»...

АВГУСТ. ДЕНЬ 159

Будь проклят тот человек, который вовлѣк меня в гуманитарные грузы. Я о путине, естественно. Теперь-то я поняла, что такое боль в спине и какво с ней жить: не разыгрывать штангиста, не наклоняться, а присесть, прикупить мазь и задуматься о радикулитном поясе... В последний варшавский день, утром прилетев из Болгарии, забрали подготовленные милым склепом ящики и отвезли их на склад для ещё одной продуктовой посылки. Зато оттуда, невзирая на жару, пошли пешком по знаменитому «Новому Свету». Варшава хороша собой, ничего не скажешь. Мне всё мешала мысль о том, как любили её, должно быть, те, исчезнувшие люди, польские евреи, умницы и интеллектуалы... Mixed feelings...

Присев на скамеечку на автобусной остановке, рассматриваю свой фотоулов. Вот они, коробочки наши, партия диетического питания на фотографии рядом с тоненькой суровой Настей, главной тут по всем отправлениям, харьковчанкой, выучившей мову и не желающей говорить и понимать на русском — никаких больше компромиссов!..

И вдруг — да что это я сижу, у меня же вот-вот по расписанию разговор с той самой женщиной, которой позарез нужен психолог. Мы набираем обороты и добегаем до Замковой площади. Договорились, что я посижу тут у фонтанчика и проведу беседу, а муж сходит купить билет на концерт пианиста (здесь везде, естественно, за каждым углом поджидает Шопен).

Подключаюсь и чувствую, что эмпатия моя не бесконечна. То ли потому, что эта сессия проводится через силу, то ли обстоятельства кажутся мне недостаточно трагичными... постойте, а не сужу ли я эту женщину, а не сравниваю ли я её с другими, с теми, кто испытал больше, тревогу по поводу неправильного выбора в дни войны для себя и для дочери с ситуацией тех, у кого нет выбора? Вот так начинается эта самая усталость сострадать. Весь оставшийся день я торгуюсь сама с собой, пытаюсь понять, действительно ли я реагирую на манипуляцию конкретного человека, или это кризис и я скребу по доньшку профессионализма.

В любом случае, я обещаю себе не судить себя строго за потребность отдохнуть, спать, есть, бездельничать. Впереди ещё многое. Бережём эмоциональные силы, чтобы хватило на дальнюю дорогу через войну.

На концерт мы успели. И удалось щёлкнуть несколько раз во время последней нашей вечерней прогулки: оттенки варшавского неба — они фантастические, так бы и фотографировала часами.

ДЕНЬ 162

Связаться со всеми дарителями невозможно. Пришлось написать на Фейсбуке:

«У НАС ВСЁ ПОЛУЧИЛОСЬ!

Точнее, у ВАС, друзья, всё получилось. Сбор денег впопыхах, в последние двое суток перед отлётом в Польшу, чтобы отправить маленькую продуктовую посылочку десятку детишек, обернулся поистине эпохальной суммой в \$3,910! И я закупила и отправила специальную еду 47 детям с аутизмом и их десяти нейротипичным братьям и сёстрам. Ваша щедрость делает меня лучше, поскольку я уже не имею права не связаться с другими семьями в тяжёлом положении, не помочь и им — и теперь я надеюсь отослать ещё как минимум 50 пакетов!

Три недели покупок, подсчётов, упаковки, отсылки и нервогрёпки... те ещё варшавские каникулы. Но дело же не в этом, и даже не в молоке, макаронах и заменителе сахара! Дело в надежде. Вы посылаете надежду в воющую страну. Протягиваете руку. Вот за это — особое спасибо от наших семей».

Через час стали поступать новые деньги.

ДЕНЬ 163–168

Я вижу, насколько мощно непонимание того, что происходит сейчас с беженцами. Даже раздался недоуменный голос одной из наших волонтёрш-WASP: «Эти люди не похожи на беженцев в кризисе. Я не вижу основания для вмешательства, не понимаю, какого рода помощь мы оказываем». Я немедленно объявила новый тренинг, культурно-лингвистический. Мои дачные соседи помогли со слайдами по краткой истории угнетения Украины. Дмитрий Кузьмин вспомнил о понятии психогеографии применительно к Украине. Соглашаюсь с некими аспектами, хотя дело тут не в приспособлении к среде, а к психолингвистической истории страны. Понять этот феномен, характерный, кстати, для колумбовой колонизации (неслучайно «колония» и «Колумб» имеют один корень), можно только изнутри. Я — не изнутри, потому понятие культурного смирения здесь вполне уместно. К слайдам я добавила собственное изобретение, лингво-эмоциональную карту Украины.

Рождение нации. Это произошло резко, многим пришлось не по нраву, кого-то ранило. Если даже мы будем придерживаться мифа о «старшем брате» не как отсылка к Орвеллу, то можно порассуждать о сепарации-индивидуации, произошедшей, как и положено, внезапно и болезненно. А если вспомнить о Майдане и всём, что последовало, то станет ясно, что национальное самосознание существовало до войны, как и национальный характер. Вероломное поведение лингвистически близкого, но политически далёкого соседа просто завершило процесс освобождения. Плакаты «Изучайте родной язык», где воин держит девочку на руках (ироничный отсыл к плакатам Второй мировой к русскому солдату в Трептов-парке?), я увидела в Киеве в 2018-м. Да, лингвистическое объединение Украины пришло «на штыках» пьяных «освободителей», входящих в дома ещё с 2014-го года. Только тогда восток казался далёким. Потому и пытались насадить мову, вырастить травинки национального самосознания. Катастрофа рашистского вторжения только ускорила этот процесс.

То ли дело российское великодержавие. Собственно, население готовили много лет, буквально пропитывая социум сублиминальными месседжами. И овощи на рекламе «Нашей фермы» — это крепьши-помидоры, в то время как западные овощи всё сплошь бородавчатые мерзкие огурцы. И на мыле в российской гостинице написано не только про «утреннюю бодрость», а и про «Один шаг, и владей миром». На мыле, на стенах подъездов, на самом московском небе, в воздухе!

Как подойти к этому русскоязычным волонтерам? Известно, как. Поддерживать самосознание клиента. Разве не это наша главная терапевтическая задача? Не ломать, не «лечить». Быть с этими людьми рядом, благо они просят нас об этом. Хотя, поправлю себя, об этом присутствию просят немногие. Слишком сильна вера в «техники» и приёмы, потому и ожидают «технологии», а не «сопереживание». Но профессионалы-то знают, что самое важное — это быть рядом.

Стараемся быть рядом.

* * *

В оккупированных городах становится всё безысходнее, всё страшнее...Исчезновение людей, пытки, секреты, кража детей; у Натальи, с которой мы иногда переписываемся, за стеной поселился ФСБ-шник. Ей страшно прислушиваться. Гуманитарных коридоров больше нет. Страх и безысходность, изнеможение физическое и моральное.

После двухлетних месяцев поиска ресурсов для запуска второй родительской группы в Украине силами украинских психотерапевтов вдруг приходит запрос на группу для эвакуированных на Запад женщин. Посылаю свой бюджет и в течение часа получаю две трети запрошенной суммы с текстом: «А две группы одновременно можно вести?» Оказывается, половина их сообщества осталась в оккупированном Херсоне.

Конечно, мы ужмёмся. Затянем пояски. Но сокращать программу не будем! И две трети бюджета намного лучше, чем ноль третьей!

Должен ли психотерапевт быть в безопасности для того, чтобы поддерживать членов группы, сорегулироваться с ними? Пожалуй, некая доля безопасности необходима. По определению они должны находиться в большей безопасности, чем те, с кем они работают. Позвольте, а как же Виктор Франкл и его группы, проводимые в концлагере? Были бы его группы столь же эффективны, если бы он сидел у себя дома, а члены группы в бараках? А с другой стороны, не станем же мы искусственно создавать опасность для терапевта, чтобы члены группы доверились и поверили?! И в то же время, как психотерапевт, находящийся в острой опасности, сможет «отрегулировать» себя перед встречей так, чтобы в свою очередь понизить уровень собственной, обусловленной реальностью тревоги?

Решение находится, когда я вспоминаю о чудесной николаевской группе психологов, которую я обучала четыре года назад. Украинский Николаев и оккупированный Херсон так трагически близко и так теперь далеко. Энергичная, собранная, при этом хулигански-рыжая Т., бывшая моя студентка, соглашается поработать с группой мам, во что бы то ни стало удерживающих свой город. Группа с сомнением, но всё же принимает эту руку помощи.

Интеллигентная, эмоциональная О. ведёт группу мам, находящихся в условной безопасности, в Ивано-Франковске. Она в Киеве, а потому под большим ударом, но она профессионал, и потому станет для женщин источником силы.

Я встречаюсь теперь со всеми ведущими раз в неделю, обсуждая и практические, и клинические аспекты работы.

ДЕНЬ 179

Мои группы поддержки продолжают плодиться. Пока наша целевая аудитория— это мамы особых детей. На еженедельных встречах с группой клиницистов и на встречах с членами групп (я поставила

перед собой задачу провести по встрече в каждой из четырёх групп) украинские фразы всё с большей лёгкостью покидают мои, пардон за высокопарность, уста. Четвёртое лингвистическое рождение. Первое — биологическое, рождение в русскоязычную среду с небольшими вкраплениями украинизмов и неведомо откуда растущих словечек и выражений, выражансов, в смутно отражённых детским восприятием, бессознательный идиш, то есть родиться птенцом на ветвях многокорневого дерева одесского языка. Второе — в собственно русский, в литературную речь, и для этого избавляться от стыдных одесских неправильностей; третье — в эмиграции, когда английский хлынул мощно, так мощно, что лет десять я на русском даже не читала (и пропустила всю драму распада СССР, разделения республик, беспредела и разброда, только потом уж читала об этом постфактум, отстранённо). А украинский сейчас — это дело выбора, но я и вправду хочу заговорить свободно. Я так много пишу и перевожу, что в первые месяцы войны мне снились *i* с крапками, выстраивающиеся вокруг меня, защищающие меня от хаоса. Не маленькая уже, пора определиться и жить в соответствии с собственными убеждениями.

ДЕНЬ 189

Лилибелль всегда рада дополнительной возможности погулять. Стоит взять в руки поводок, как тут же начинается движение: приплясывает забияка-хвост, уши двигаются в такт этому танцу. Я выгуливаю и отправляю посылки:

«Здравствуйте, Вашу информацию я получила от ... Напишите кратко о ситуации с безглютеновыми продуктами, я постараюсь немного помочь. Потом потребуется фотоотчёт для спонсоров, лицо ребёнка можно скрыть, если так комфортнее».

К счастью, денег хватит ещё на пару десятков семей. Как сказала одна получательница, «подарочки». Надолго не хватит. Можно не отправлять, конечно. Но надежда ведь тоже важна. А надежду мы уж точно транслируем.

СЕНТЯБРЬ. ДЕНЬ 196

В Украине движение... надежды...

ДЕНЬ 203

Меня преследует видение памятника Потёмкину в Херсоне. Одесский Ришелье, пока свободный, издали кланяется полонённому со- брату, а вместе они машут далёким Минину и Пожарскому на Красной площади, корчащимся, наверно, в эпицентре безумия. Это всё один скульптор, И. Мартос, уроженец Украины, дошедший до самой Москвы. Это всё одна линия захвата земель, великодержавные объятия питона.

ДЕНЬ 205

Когда думаешь, что всё уже знаешь про эту войну, наступает Изюм.

* * *

Мы начинаем привыкать к страху, тревоге, скорби. Мы, профессионалы, сами по очереди примеряем на себя трагические маски.

Нас изменит до неузнаваемости опыт жизни рядом с чьей-то смертью, рядом с вероятностью чьей-то смерти. Ситуации, за которыми мы наблюдаем вроде бы с безопасного расстояния, каким-то образом проникают в нас и становятся новой нормой. Самые смелые, самые отчаянные, самые скептически настроенные интернализируют невозможные ситуации, корректирующие наше мировоззрение.

Тем более что тут не эволюция, а девальвация.

ДЕНЬ 206. ХОЧУ ДОМОЙ (УРОКИ АНТЕЯ)

Вспоминаю мифологического Антея. Он был героем, отпрыском богини Геи и земного мужчины. Антей набирался сил, прикоснувшись к матери-Земле, и так побеждал в любой битве. Украинцы, уехавшие весной и вернувшиеся к началу учебного года или даже раньше, ощущают большую силу, чем оставшиеся вдали, больше контроля, чем те, кто не попробовал добраться до безопасности.

ДЕНЬ 210

Мобилизация. Хочу верить, что это хотя бы приближает конец ре- жима. Что чем хуже, тем скорее народ восстанет.

ДЕНЬ 211

Работа с украинцами снова завертелась, как было в марте. Дав- ненько не подключали меня волонтеры, а тут пришлось помочь снова. Группа вывозится из Балаклеи, что-то с ними не так.

«Помогаем уехать» подключаются к «Рубикусу», волонтеры собирают консилиумы по тяжёлым кейсам: людям, застрявшим на оккупированных территориях, людям, вывезенным в Россию, детям, отделённым от родителей, психологическим сложностям. Подключаясь в пять утра к чату, я вспоминаю фильм «Спасти рядового Райана». Отряд, рискуя жизнями, теряя жизни, спасает одного-единственного рядового, которого надо вернуть матери, чтобы её скорбь была не так глубока. И так каждого. Отрядом. Планируя. По всем правилам усвоенного за эти месяцы искусства.

Потом подключается женщина. Коричневое лицо. То, что ассоциируется с «ядерным загаром». Всего-то шесть месяцев подвалов, и человек старится на десяток лет и больше не соответствует фотографии на паспорте. Ей, кажется, стыдно, она прикрывает рот рукой. В мирное время я бы диагностировала клиническую тревогу, но на сегодняшний день это её адаптивная реакция на невыносимую ситуацию.

Она настаивает на том, чтобы её везли в переполненную беженцами Ирландию, там якобы сестра. Потом она, видимо, пугается, что ей перестанут помогать, и начинает преувеличенно льстить. Она нелогична, иррациональна, манипулирует, требует и, похоже, ждёт какого-то подвоха. Она явно лжёт и думает, что её обманывают. Какие-то странные узы связывают её с попутчиком, то ли сиделка, то ли подруга, то ли жертва, то ли мучительница-манипуляторша. Мы никогда не узнаем правду, не узнаем, какой была эта женщина «до всего». Теперь, говоря о травме, я буду видеть перед собой это лицо.

Потом долго говорим с волонтерами. У них свои травмы: иррациональное чувство вины, гипертрофированное восприятие собственной ответственности за чужие жизни, за чужие решения.

Планирую тренинг для другой группы волонтеров в четверг. Это запрос с Запада Украины, где осели многие беженцы. Главные вопросы — как выводить из ступора детей, как работать с детьми без родителей.

ОКТАБРЬ. ДЕНЬ 229

Киев под ударом снова.

Они бьют по вольному, неторопливому, щедрому на зелень и голубизну парку, и я вспоминаю последнюю поездку в Киев весной 2018-го, и зиплайн, тянущийся на другой берег, и коллегу, решившую во что бы то ни стало проехать, как мы её ни отговаривали.

Время летит через реку, не держась за стропы. Время победы приближается, но до чего дорога цена. А руки дающих пустеют, ослабевают. Пустота кажется почти осязаемой, когда к тебе обращаются за помощью, а ты понимаешь, что всё, что осталось, — это собственная кровь да жилы семижильные, да слова. Позвольте представиться — та самая белка в колесе, подпрыгивающая по первому вызову, страшась потерь, заговаривающая войну. Ну что тебе стоит, судьба, не тронь тех, кого удалось накормить, приютить, одеть по погоде. Я не знаю только, как заговорить смерть, прущую из иранских дронов-«мопедов», летящую из Белгорода или из Беларуси, стучащую в дверь херсонцев... Да что там, список её нынешних угодий можно продолжать бесконечно.

ДЕНЬ 230

С 8.00 утра опять началось. Над Одессой на 13.00 сбили 5 ракет.

ДЕНЬ 235

На виртуальной доске объявлений в основном ищут пропавших.

До работы успела отправить деньги в Украину. Девушка в банке уже хорошо меня знает. Увидев меня так скоро с очередной суммой, она внезапно проникается сочувствием: «They don't give you a break...» Это немножко комично — потому что деньги-то общественные и отправляются не одному человеку в частное пользование, а для разнообразных целей, — но и правдиво. «Они» не делают перерывов, «они» не дают нам отдыхать.

Но мы победим, я это знаю. Потому что «мы» — это содружество вмняемых людей, населяющих целую планету. Пять шестых суши и, к счастью, даже больше, не измеряла.

ДЕНЬ 236

Устала. Я бы и рада сбавить темп, но... у многих возникло убеждение, что я могу всё:

Лекарство доставить куда угодно, музею «Метрополитен» посоветовать ролюсу по работе с украинцами, ребёнку школу поменять на ту, где понимают проблемы беженца в чужом мире... я частное лицо, частное! — а заставляют меня вести себя как большую организацию.

ДЕНЬ 237

Люди в оккупации меняются, меняется их тон, я слышу нотки гнева и упрямства. Им необходимо доказать всем на свете, и в первую оче-

редь себе самим, что они правильно решили, что они удерживают на карте свой город, свою страну, свою историю, что они спасают своих детей, именно что не двигаясь. Говорит одна из моих подопечных: «Красный Крест вывозил, но мы пропустили эвакуацию. А сейчас — что сейчас? Страшно, конечно, но вот восемь месяцев живём, и ещё проживём». Ошибка страшит меньше, чем признание ошибки. А может, и не ошибка, кто знает. Ребёнок её выживает только за счёт стабильной атмосферы, рутины, ритуала. Родители лежачие, не доедут, даже по лестнице их не спустить. Каждый принимает единственно верное решение. Остаётся доверяться здравому смыслу человека.

Но те, кто не в оккупации, а в ожидании, те города, которые не испытывают ежечасных рашистских бомбардировок, а только ожидают их со дня на день, жители этих городов страдают от мучительной клинической тревоги и депрессивной нерешительности. Например, Мила, с которой я начала говорить с варшавской Замковой площади, каждый день примеряет на себя новую страну и проживает новый кризис, представляя все сложности подобного решения. Она не одна такая, эта тревога и нерешительность обуревают многих.

ДЕНЬ 238

Написала читательница: «Я вижу их, Ваших героинь то есть, как снежную лавину. Падают без конца, и не остановить это движение, эту разрушительную силу. А вы пытаетесь поймать сколько успеваете». Этот образ попал прямо в точку.

Да, хватаю снежинки по-летнему голыми руками. У меня руки слабые, изнеженные. Того и гляди, упусти глыбу. Но потом они тают на ладони. Важны названия, имена, исчезающие мелочи. Эти страхи потерять кого-то из «прирученных».

ДЕНЬ 239

Познакомилась лично с маленькой нашей херсонской группой. Час налаживали связь, потом всё-таки всем удалось подсоединиться. Уже не первый раз сталкиваюсь с недоверчивой радостью при известии, что люди из Америки тратят силы и время на то, чтобы как-то помочь украинцам. Особенно в оккупации кажется, что они никому не нужны. Постепенно оттаивают и начинают говорить наперебой:

|| *Мы сидим. Фейки вокруг. Мобильная связь порублена. Мы их тихо ненавидим. На Таврическом их было много. Ближе к Днепру появ-*

|| *ляются БТРы. Рашисты-военные идут на Левый берег, смешиваясь с гражданскими колонами. Маршрутки забрали.*

Они описывают два дня бешенства:

|| *Бешеные глаза, розпач, валізы (чемоданы) всюду—это вывозят людей на Левый берег, вроде как на отдых и просят брать с собой поменьше, но люди чувствуют, что уже не вернуться, и тащат барахло. Автобусы забиты детьми. Крым. А что такое Крым, кто знает? В Крыму разделяют детей и родителей. Люди уезжают от страха, город ещё больше опустел, машин мало.*

Люди—это живой щит.

Раишский номер звонит в 2 ночи сам собой. SMS: внимание, начнутся обстрелы. Соседний подъезд отдали рашикам, солдаты в гражданском заселились в оставленные квартиры, готовятся, видимо, к уличным боям.

Антоновский мост разрушен, вот и снабжение накрылось.

Этошняя власть селит в курортные домишки, построенные в полкирпича. Всё цветёт от сырости. Грунтовые воды размывают подвалы.

Мародёры везде.

Мы ж без подвалов, спрятаться некуда.

От часового подсоединения, от страха, что прервётся эта связь, от того, что они говорят, я сама вхожу в такое состояние, что с трудом понимаю и начинаю автоматически записывать их сбивчивые фразы, опасаясь потерять хоть слово. Кажется, что всё сказанное безумно важно, что им видна какая-то другая истина. Это, конечно же, проекция; так, наверное, кажется сейчас им. Ночью после разговора с херсонскими женщинами мне снится поле, засеянное сгустками крови.

Что-то взойдёт на этих полях, что-то взойдёт?

ДЕНЬ 242

Украина уже доказала, что сила духа иногда обращает вспять силу тарана. И народ стал именно этим, народом. А насчёт психологического аспекта — они обратились за помощью сразу же, что является уникальным опытом в истории не только войны, но и вообще нашей цивилизации.

На выступлении Виктора Ф., пассионария, горящего, по его собственному признанию, «тектоническим горем и гневом», собравшего группу, как он думал, единомышленников, дама спрашивает:

— Прекрасные стихи про Украину! А о нашей реальности, об американской жизни у Вас нет новых стихов?

Дама не понимает, как, увы, и многие другие, что эта война — о нас, против нас, с нами. Нет, легче не стало. Стало прозрачней. Стало проще принимать отрицание и прочих защищающихся от реалий мировой войны.

* * *

Новая атака на энергосистему Украины.

* * *

Десять подвалов. Мариуполь

Я долго теперь сплю, доверчиво говорит малыш О., потому что сны очень длинные. Монстры, незнакомые старухи в тряпье («Ей, наверно, было двести лет»), чужие скулящие собаки — это содержание снов. На просьбу нарисовать человека, дерево и дом он рисует нечто прямоугольное, с воздетыми палочками. Это дерево? Нет, это я. А дом не умею, не знаю, как рисовать дом.

— Ну, давай вместе придумаем, как рисовать дом. У дома должны быть...

— Окна?

Я очень рада такому продолжению, ведь окна — это надежда, это видение:

— Ну да. И ещё...

— Подвалы, — продолжает он. — Нужно много подвалов.

И он рисует слои под шаткими прерывистыми «стенами». Я насчитала десять. Многослойный, многокруговой мариупольский ад.

«Потенциал»-Харьков

Опустив принесённый из дома танк в мою маленькую песочницу, Владик давит рыбок, слепленных нами в прошлый раз, и резинового осьминога, и морского конька.

Я достаю их по одному из-под гусениц, проверяю, целы ли.

— Надо растить потенциал, — бормочет Владик.

— Хм. Как же его растить? Поливать каждый день, может? — предлагаю я решение.

Владик смотрит на меня с презрительным недоумением:

— Ты что? Надо вот, — танк взлетает на полку. — Сделай из него амфибию.

Ну вот, теперь танки у нас летают. Вообще нигде спасения нет. Оказывается, Владик действительно понимает значение слова «потенциал», разыгрывая сцены бессилия и ужаса.

Он начал драться в школе и не хочет, а почему-то так получается. Ничего себе нарастили потенциал.

* * *

Мои еженедельные супервизии. Тонкослёзка О., подмороженная, с трудом шевелящая губами Т. Балансировать нагрузку и тип нагрузки — это моя задача. Сохранить их, помочь им.

А ещё есть нерегулярные, просто отдельные группы «приходят» получить поддержку, как только у меня выдаётся возможность. На одной такой супервизии парень, военный психолог, рассказывает, как он восстанавливается, варя борщ в выходные. Сжимает кулаки, описывая, как шинковал эту капусту так, что стружки по всей кухне. Пойти, что ли, тоже сварить что-нибудь, выпустив гнев, напряжение, символически покорив себе противника?

Я продолжаю также рассказывать о психологической травме: коллективная травма, кумулятивная травма, разделённая травма, относящаяся к двойному воздействию коллективной травмы на личную и профессиональную жизнь клинициста. Межпоколенческая травма также упоминается как транспоколенческая травма, историческая травма и культурная травма, хотя все четыре термина различны.

Исследования межпоколенческой травмы впервые начались с изучения людей, чьи родители пережили Холокост. Они, как было замечено, даже в отсутствие в их собственном прошлом каких-либо задокументированных событий, подходящих под определение травмирующих, демонстрируют симптоматику пост-травматического стрессового расстройства. Этот тип травмы теперь понимается как применимый к таким различным группам, как народы, пережившие геноцид, зверства и насильственную релокацию.

Глубинное, пропущенное через себя понимание травмы и последующей работы с ней пригодится каждому украинскому специалисту, включая врачей и учителей. В годы моего детства популярно было словечко «контуженный». Нервные военруки и физруки, взрывные

председатели жилкомов и прочие мелкие чиновники, скандалящие почём зря люди с колодками орденов и на протезах — все они, скорее всего, страдали от пост-травматического стрессового расстройства. Вот только не было ни знаний, ни специалистов, ни желания как-то им помогать. Продукты полураспада войны. После этой войны всё будет не так. Пусть только она закончится— эта мантра недостаточна. Пусть только она закончится победой цивилизации над средневековьем.

ОКТАБРЬ. ДЕНЬ 243

В Киеве сегодня нет электричества. Мне страшно, снова страшно.

Я не знаю, как поведу себя, когда всё же пострадает кто-то из «моих».

Они не мои, они не мои, твержу я себе.

Но, конечно же, они стали моими, выполняя мои задания.

Театральный режиссёр и преподаватель Елена Н., с первых дней переводившая километры психологических текстов, жалостливо вздыхает над описаниями психологических симптомов и то и дело вставляет пояснения «своими словами», безотказная Ульяна, психолог с «безопасного» Запада Украины; «особая мама» Оксана, взявшая на себя координацию посылок для дюжины детей. Не мои?!

Не говоря уж о бывших учениках, впрягающихся в любой проект и берущих кейсы любой сложности по первому зову. Я стараюсь для них, скажете. Они должны нести некую долю ответственности, сделать «проект» своим. Ну да, это правильно. Но штука в том, что пользоваться потом будут многие, а у основания стоят именно эти. И после этого скажете, что «не мои»?

День 248

С доски объявлений:

Овчарка (сучка), кличка Ева. Была в брезентовом ошейнике (видно на фото). Сбежала 16 августа при обстрелах. На сегодняшний день поиски не увенчались успехом. Семья не теряет надежды и ждёт Еву домой.

Балаклея

Вынужденный, не мной начатый краткий разговор со знакомым поэтом-москвичом заканчивается каким-то лицевым спазмом. Я вдруг понимаю, что ни разу ещё с начала войны не говорила с людьми, находящимися «там», в стране-агрессоре. Переписывалась по делу, а как же. Даже помогала, беженцев от путинского режима пристраи-

ла к делу в Нью-Йорке, однажды нашла жильё сбежавшему россиянину. Но это беженцы и правозащитники. А вот с обычным российским гражданином, пусть и не оправдывающим режим, но физически находящимся в Российской Федерации, разговор оказался невозможным. Вяжет челюсти. Не знаю, когда я смогу снова говорить с ними. Через 80 лет, как с немцами?

* * *

— Знаете, чего я боюсь? Что их... этот... путин... на самом деле не сумасшедший.

Я не сразу включаюсь. Потом соглашаюсь:

— Да, мы зачастую ищем объяснения злодеяниям: у кого трудное детство, у кого психическое заболевание... но, скорее всего, всё гораздо проще и зло — это всего лишь зло.

Девочка-подросток, харьковчанка в изгнании, продолжает:

— Да, просто подлый, и специально исковеркал жизнь, разбил всю жизнь нам всем. Маленьким детям хуже всего.

Она как маленькая старушка с жалостью вспоминает об отменённом своём детстве.

ДЕНЬ 258

Удивительно, как по-разному стали отзываться в сердце захваченные, измученные украинские города. Херсон оказался особенной болью, отозвался чем-то опасно близким к дому. Новость застаёт меня врасплох. Я уехала-таки в полноценный отпуск и стою сейчас в центре Колумбии, в затрапезном городке с неважным Интернетом, среди фестиваля танго, в группе малознакомых людей. Вхожу в вестибюль отеля, и автоматически подсоединившийся к Интернету телефон начинает чирикать как воробей весной. Мой муж, моя подруга, мои херсонские подопечные. Ещё несколько секунд, и я заплакала в голос. Полнометражный плач со слезами и всхлипываниями. Правда, успела отбежать к стене и рыдала, уткнувшись в стену. Но самое главное, Херсон, искромсанный и ограбленный, оболганный и обезвоженный, возвращён.

ДЕНЬ 270

Энергетический терроризм продолжается.

— Скажите, чему научили вас эти месяцы?

Да ничему.

Научилась анализировать сравнительные качества марок кровостопаивающих жгутов и отличать летние каски от зимних. Нет смысла в происходящем. Ничему никого не научит боль, холод, голод. Ни от чего не спасёт ненависть, как, впрочем, и красота. Всё эфемерно. Всё преходяще. Нет смысла в войне.

ОБ АВТОРЕ

Галина Ицкович живёт в Нью-Йорке с 1991 г. В 1998-м получила степень магистра социальной работы. Галина — практикующий психотерапевт, клинический консультант и преподаватель-эксперт института IC DL, лектор, специализируется на проблемах психологической травмы, семьи и детей. Автор профессиональных статей, стихов, путевых очерков, короткой прозы. Книги: «Примерка счастья» (стихи и переводы), «Женская поэзия Америки» (переводы, соавтор). Ведёт авторскую программу «Поэтический невод» на интернет-радио «Поговорим» (Нью-Йорк). Неоднократный финалист и лауреат международных поэтических конкурсов. Несколько публикаций в англоязычных журналах и альманахах.

С первых дней войны принимает активное участие в гуманитарной и психологической помощи гражданским лицам и профессионалам в Украине.

Виктор ФЕТ
ТАК НАМ ЖИТЬ

ДНЕВНИК

Я должен в эти рифмы занести,
как в полевой дневник над цепью горной,
всё то, что вижу я, собрав в горсти
числитель, чёрточку и знаменатель,
оттуда продиктованные мне,
как если бы сторонний наблюдатель,
покинув тело, увидал извне
и записал в журнал лабораторный
всё то, что я из праха поднимаю.

Мы вместе видим слов и звуков стаю,
взлетевших в небо на защиту воли
сквозь океан безумия и боли,
за гранью понимания и сна,
где я фиксирую распад систем
в ошеломлённом мире, где луна
уже не контролирует приливы.

Я посвящаю эти строки тем,
кто их читает в Киеве под взрывы.

ПОСЛЕДНИЕ

Мы последние, кто писал до войны
неубитым ещё языком простым,
а теперь нам трудно общаться с ним,
отделяя его от его страны,
хоть она давно и чужая нам,
как и одичавший её народ;
но история сломана пополам,
и, похоже, кончилась в этот год —
так погиб ли с нею, как дождь в песок
уходя, сочась, как анчарный сок
с тех ветвей, с тех рабских и смертных лык,
двухсотлетней выдержки наш язык?

Я его сжимаю песком в горсти,
я на нём пишу, мне его нести,
но я знаю, что нынче на нём твердят
миллионы, детям вливая яд
в школьных классах в течение сентября,
говоря на нём или не говоря
о своей стране, о её войне —
был бы этот яд также и во мне,
если б лет восьми-девяти сейчас
был бы отдан я в этот адский класс,
в школу той страны, где рабы нужны,
что не чувствуют никакой вины;
там, где веры нет и надежды нет,
уходя, последние погасят свет.

ДОРОГА

В траве отыскивая слоги,
переходя через ручьи,
блуждая в поисках дороги,
сквозь сон идут слова мои.
Им не был задан точный срок
их назначения, и цели
они особой не имели,
когда скитались без дорог
вне времени, вне света дня,
ещё не повстречав меня.

Дорога есть, хотя она
на карту не нанесена;
неясны изогипс изгибы;
в воде ручья застыли рыбы,
под камнем прячется гюрза,
и собирается гроза
пролиться на сухие горы,
где мы вели былые споры
о нашей вечности, вдали
равно от неба и земли.

Тропа послушно привела
за тот хребет, на берег дальний,
не в замок снежный и хрустальный,
а в мир слепой и виртуальный
сквозь груды битого стекла,
где видятся во мгле глобальной
граффити из имён, которых
мы не встречали на пути
на разнотравных водосборах,
откуда нам пришлось уйти.

Гарь, заполняющая тьму,
сочится сквозь слои столетий;
горят ли рукописи эти,
пока неясно никому.

Оставив город и страну,
я том в бумагу оберну,
рукой застывшей и неловкой
сложу слова из ткани ковкой
и пачку строк свяжу бечёвкой,
и текст из праха подниму.

Буря

Уже мы не наследники былого:
проехали эдемский детский сад,
где восковые ангелы висят
на ветках древа доброго и злого,
где нас учили следовать словам —
но ураган прошёл по островам
и вырвал корень логоса гнилого,
где нас держали, разрешая даром
жить, взгляд зажмурив, словно стая птиц,
мигрирующих из своих столиц
на дачи летние, летая под радаром.
Но огненная буря нас нашла,
и вспыхнули картонные крыла,
и мир завис в сгоревшей пустоте,
обуглился и стал таким как есть.
Я пробую проснуться и прочесть,
что я писал, не зажигая свечи,
в слепой ночи на скомканном листе,
ещё не потеряв дар речи.

НАЙДИ СЛОВА

Найди необходимые слова:
свои, мои, чужие — всё равно;
они пока безмолвны, как трава,
что на исходе огненного лета
взяла от солнца всё, что дать могло оно
со скоростью божественного света.
Сложи их в текст, как сено в зимний стог,
чтобы твой слог служить потомкам смог,
через снега и льды дойдя к иным столетьям —
так мы весны дождёмся в двадцать третьем.

Но кто услышит нас? чьи выживут слова?
какими книгами наполнится глава
истории, творящейся сейчас
над нами — с нами — нами — после нас?

Какие россыпи и рубежи
войдут в склонения и падежи,
возникшие за время катастроф?
Там дым уже идёт не от костров,
где царствовала дивная гитара,
где ясный слог соединял нас в стаю,
рассыпавшуюся среди кошмара:
от тех огней нам нет дороги к свету.
Слова, что я из прошлых дней читаю,
забыты будут к будущему лету.

НЕТ СЛОВ

Нет слов. Твоё наследие ушло
в песок азовский. Царское Село
разгромлено. Фонтан в Крыму истёк.
Язык твой, то есть наш — анчарный сок
из конусов стеклянных и томатных,
как кровь из книжки о победах ратных
от стен Тьмутаракани до Полтавы.
Но вышел срок — и нет твоей державы.
Империя мертва. Жаль, что тогда
в Одессе ты не смог взойти на борт
с Амалией. Вела бы вас звезда
к её отчизне дальней ночью южной.
Здесь речь твоя становится ненужной:
потомок твой есть раб — нет, худший сорт
раба: готовый жадно умереть
за сгнившую двуглавую корону
и сто, и двести лет подряд, и впредь,
тирана вставивший себе в икону.

Мой календарь раскрыт в день твоего лица,
я дату нужную не пропустил,
но прерывается нестройный хор светил,
бледнеет текст, и ты — не панацея,
от опиума слов не впасть нам в забытьё,
и ты не наше всё, и мы не всё твоё.
Мы обнаружили другие берега,
но разум корчится в непредставимой боли.
Октябрь кончается, и чёрные снега
покроют выжженное поле.

ТАК НАМ ЖИТЬ

Пушкин мёртв. Но они говорят через нас:
мертвецы, создававшие наши слова,
через эту гортань, что ещё не мертва,
где спекается боль, вырывается крик,
недовырванный бьётся горящий язык,
и ушедшие в прах сочетания фраз
тянут в бездну любовью фантомной
над пучиной своей многотомной.

Мы не можем избавиться от языка,
над которым висит вековая тоска
черноморскою ядерной тучей,
где херсонский сатрап, властелин мёртвых душ,
повелитель подземных проливов и суш,
тратит воздух горячий и жгучий,
и не видно ни слова, ни фразы
сквозь текущие памятью газы.

Гоголь мёртв. Но не трогай его чертежей:
он успел доскакать до таких рубежей,
где начертаны были круги по воде,
где сгорали миры на сверхновой звезде,
где взрывчаткой набиты страницы,
где некрепкого разума сорван покров
и слова неживые текут из миров,
обступающих наши границы.

Отойди от обрушенных полок:
древний век оказался недолог,
алфавиты осели в трясину страны,
где и в лучшее время бывали видны
только кое-кому в интервале,
где и мы иногда проживали;
уведи меня прочь от мечтаний,
вглубь от слов и от их сочетаний.

Сквозь сгоревшие реки, былые леса,
сквозь взошедшие зубы дракона,
где по небу слепая прошла полоса,
где навек замолчала икона,
где тускнеет заря золотая,
мы не чувствуем с миром утраченным связь:
так нам жить предстоит, ничего не боясь
и тома мёртвых душ не листая.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Фет — научный работник, поэт. Родился в 1955-м. Окончил Новосибирский государственный университет и аспирантуру Зоологического института (С.-Петербург). До 1987 года работал в заповедниках Средней Азии.

Эмигрировал в США. С 1988-го работает в университетах Северной Америки. Преподаёт биологию в Университете Маршалла (Хантингтон, Западная Виргиния). Автор научных статей и книг по зоологии, эволюции, истории науки.

Стихи публиковались в периодике США, Германии, России. Автор десяти поэтических книг. В прошлом году увидел свет сборник «Над бездной» — он вышел в Киеве и вобрал в себя стихи о войне в Украине.

Виктор Фет — составитель сборников «День русской зарубежной поэзии», представитель журнала «Литературный европеец» (Германия) в США.

Марианна РЕЙБО

ТРАНЗИШН

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ РОМАН

МАРИНА

Ох уж этот город на Неве. Прекрасный и отвратительный одновременно. Величие имперских мраморных колонн контрастирует с почерневшими шрамами уставших от времени малоэтажек. Лестница роскошной парадной, густо оплетённой лианами гипсовой лепнины, может привести вас в захудалый хостел или к покосившимся дверям обшарпанных пенсионерских квартир. А старинный флигель позапрошлого века, претендующий на историческое значение, встретит грязным, пропахшим мышами и псиной подъездом, в котором теснятся квартиранты самого простецкого эконом-класса, живущие в условиях, десятилетиями не тронутых даже самым необходимым ремонтом.

Именно в такую убитую квартирку привела Марину чугунная калитка глухого двора, где покосившиеся трехэтажные домишки напоминали о бренности и тщете всего сущего. Старый дверной замок недружелюбно щёлкнул, оказывая сопротивление. Чемодан, въезжая, застрял между пыльным комодом и зажавшейся в углу стиральной машины. Похоже, Линда и здесь была частой гостьей. Враждебный женский дух витал на всех тридцати метрах этой холостяцкой халупы, но, в отличие от мертвенной, гостиничной чистоты той первой квартиры, здесь царствовал бедлам и запущенность. Сразу было видно, что домашний уют — последнее, что волнует нелюдимого хозяина этого волчьего логова.

Сергей встретил Марину как-то суетливо, наигранно. Очевидно было, что он заметил её растерянность в первые минуты приезда

Продолжение. Начало — в № 1 (25) 2023

и сам стесняется убогости обстановки. Крошечная грязная кухонька, расположившаяся вместе с санузлом прямо у входа и состоявшая лишь из покрытой известью раковины, поржавевшей плиты и маленького круглого стола, выводила в две столь же крохотные жилые комнаты, одна из которых играла роль рабочего кабинета, а вторая была пародией на спальню-гостиную.

— Что ты в чемодан напихала, кирпичей? — Сергей не без труда перенёс чемодан из прихожей в комнату с прохудившимся диваном. — Вроде же на неделю не так много надо.

Марина не ответила. Съёжившись на стуле, она смущённо потягивала из кружки поданный ей чай, не прикасаясь к скромному угощению на столе в виде колбасы, сыра, хлеба и печенья.

— Извини, холодильник у меня обычно стоит пустой. Я его даже отключаю. Не знал, что ты любишь, так что купил чуть перекусить, после ходим в магазин.

— Ничего, спасибо. Я не голодная.

Это была неправда. Вот уже сутки Марина ничего не ела. Накануне перед поездом она на нервах не стала ни обедать, ни ужинать. А ночью в купе, где она насилу заставляла себя дремать, сквозь полусон у неё начало сводить живот и остро засосало под ложечкой, но еды с собой никакой не было. Лишь под утро сильное чувство голода отступило, сменившись на прежнее мучительное волнение, нараставшее по мере приближения вокзальной платформы.

Теперь, уже рядом с ним, она не столько волновалась, сколько чувствовала себя неудобно. Повторилось уже знакомое ощущение: при первом взгляде на него после разлуки сердце на секунду будто замерло в испуге, и на смену нетерпеливой тяге, нёшей её сюда из Москвы, на несколько минут в голове поселилась мысль, что она этого человека совсем не знает. Что-то будто незаметно изменилось в нем за те полтора месяца, что они не виделись, и Марина избегала пристально глядеть в его лицо из страха осознать, что именно.

— Тебе, наверное, вещи развесить нужно? В чемодане они изомнутся.

Он распахнул створку небольшого шкафа, открывая ей ряд голых вешалок. Шкаф был совершенно пуст.

— Я переложил отсюда всё, чтобы тебе не мешало.

— Да ну, что ты, не стоило беспокоиться, я бы как-нибудь...

Марина всё также смущённо начала развешивать привезённые с собой пожитки. Не оставляло неприятное ощущение, будто она на-

просилась. Ведь уже второй раз подряд она сама инициировала свой приезд. Сама мягко, но настойчиво убедила его пустить её в святая святых — его холостяцкую берлогу, уверяя, что бедность и беспорядок, о которых он неоднократно предупреждал, нисколько её не беспокоят. Впрочем, Сергей на удивление легко сдался, дав Марине веский повод посчитать свой приезд желанным.

Наверное, если бы не короткий разговор тогда, в первый её приезд, в гостинице, куда они заскочили перед её отъездом в Москву, она бы больше не вернулась...

— Скажи мне правду, скажи сейчас, — прошептала она тогда, усадив его рядом с собой на кровать и опустив ему голову на плечо, так что губы касались самого уха. — Я нравлюсь тебе, скажи?..

— Ну что за детский сад?.. Конечно, нравишься, я ведь уже говорил, и разве по мне не видно?..

— И ты хотел бы, чтобы я снова приехала?..

— Не надо торговаться, сама решай. Я не буду брать на себя ответственность.

— Но ты хочешь или нет? Скажи мне. Пожалуйста, скажи...

Спрятав глаза у самой его щеки, она кусала губу, чтобы заставить высохнуть наворачнувшиеся слёзы.

— Ну конечно, о чём ты говоришь...

И вот теперь она наблюдала за ним, терзаясь сомнениями, правильно ли поняла его тогда...

Они шли вдоль Дворцовой набережной, плотно окутанной низкими свинцовыми тучами. Потрескавшийся лёд сковывал Неву, переливаясь всеми оттенками серого, и только кое-где блестел размывами проталин, обещая раннюю весну. Но Марина не замечала этого. Мимо неё проходили стройные колонны Эрмитажа; её не трогало холодное величие гранита, одевшего собой спящую царственную реку; она глядела мимо окружавшей её романтики мистического города, сосредоточившись лишь на тонкой, чуть ссутулившейся тени, скользившей по щербатому камню под руку с её собственной.

— Ты кажешься каким-то мрачным. Почему ты всё время молчишь?..

— Ты тоже молчишь. Понимаю, женщина всегда ждёт от мужчины, что он будет её развлекать. Таков его мужской долг. Но я никогда этого не умел.

— Меня не нужно развлекать. Но от твоего унылого вида я чувствую себя виноватой, будто вторглась не вовремя.

Сергей недовольно хмыкнул.

— Извечные женские штучки. Будь весёлым, а не то я уеду. А я всегда такой, понимаешь? Это моё естественное состояние. Но ты ни в чём не виновата, и я рад, что ты здесь.

Чтобы отвлечься, они заговорили о другом. Она расспрашивала его о родителях, о детстве в маленьком провинциальном городке, осторожно осведомлялась и о прежних женщинах, стараясь оставаться деликатной. В основном он отвечал без обиняков, спокойно и прямо, но в эмоциональной сдержанности и краткости его ответов чувствовалось, что думает он о чём-то другом. Та же рассеянность чувствовалась в нём и когда Марина говорила о себе. Он кивал, что-то мычал в ответ, но Марина смутно догадывалась, что интересуется его не её личная жизнь, не семья, не увлечения, а нечто совсем другое. Нечто, чего он ищет в ней и, похоже, не находит. Это что-то стояло между ними всё время, мешало, беспокоило, требовало немедленного вскрытия, но не давалось. Ускользало. Грозное нечто лежало печатью молчания под потоком легковесных, ничего не значащих фраз.

Зайдя в винный магазин, они купили бутылку красного, в лавке готовой еды запаслись салатами и горячей закуской, и в маленькой запылённой квартирке, погружившейся в вечерний сумрак, поужинали при свечах, всё так же сохраняя атмосферу скрытой напряжённости.

— Я постелил себе в кабинете на матрасе. Диван узкий, я буду тебе мешать.

— Останься...

Слегка осоловевшая от выпитого вина и недавнего ночного поезда, она нырнула под одеяло на жёсткие пружины старого промятого дивана, жестом показав Сергею на место рядом с собой. Он, не снимая светлого банного халата, в котором только что вышел из ванной, послушно опустился на подушку возле её отяжелевшей головы и крепко обнял, тихо поглаживая по волосам. На тумбочке возле дивана на вибробонке забился телефон. Сергей не взял трубку.

— Ответь, если нужно... — промычала Марина, уткнувшись носом ему в подмышку, в махровые складки его халата.

Теперь, ощущая исходившее от него тепло, приятный аромат его волос и кожи, она полностью расслабилась, успокоилась, вновь почувствовав себя так, будто они были давними супругами.

— Завтра перезвоню, — полушёпотом ответил Сергей, нежно целуя её за ушком и заботливо натягивая одеяло повыше ей на плечи. — В кои-то веки у меня дама, а они названивают... — В его шёпоте чувствовалась ласковая усмешка.

— Котик... — Марина теснее прижалась к нему с закрытыми глазами. — Это, конечно, рано, но... мне кажется, я тебя люблю ...

— Ну всё, малышка напилась и говорит бог знает что...

— Нет, правда. Очень...

— Ох, малыш мой, малыш... — Сергей со вздохом прижал её к себе ещё сильнее. — Придумала себе что-то... Добром это не кончится...

В темноте Марина потянулась за поцелуем, но, открыв глаза, увидела, что он уже отключился и глубоко спит.

— Серёжа...

Марина проснулась от тихого шороха по комнате. За окном ещё не рассвело, раннее февральское утро неприветливо открывало новый день. Примятая подушка была пуста. В кухне-коридоре мелькнул силуэт в верхней одежде.

— Т-шшш! Спи ещё. Я ненадолго.

— Куда так рано?

— По делам. Скоро вернусь.

Дверь захлопнулась, щёлкнул замок. В опустевшей чужой квартире повисла тишина.

Марина попробовала снова закрыть глаза, но сон как рукой сняло. Тихонько, по-воровски, словно кто-то мог её услышать, она скользнула босыми ногами в резиновые тапки и приоткрыла дверь в кабинет. Вчера она лишь краем глаза успела заглянуть в эту маленькую комнатушку, и на первый взгляд здесь не было ничего особенного.

У стены стоял стол, до отказа забитый различным компьютерным оборудованием, в углу прислонилась зачехлённая гитара и рядом накрытый чёрной тканью неопознанный предмет, который Марина сначала приняла за второй столик, но, приподняв покрывало, обнаружила, что это синтезатор. В углу за дверью стояло потускневшее старое зеркало в полный рост. Но основное внимание приковывал к себе второй в этой крохотной квартирке большой шкаф с плотно закрытыми дверцами. Марина стояла и, как замороженная, смотрела на него, не решаясь подойти. Сердце стучало так сильно, что казалось, оно бьётся в горле. Чувствуя себя преступницей, Марина не могла отделаться от страха, что, стоит ей приблизиться к шкафу, тут же в двери повернётся

ключ и её застанут за этим недостойным обыском. Ей казалось, прямо сейчас через скрытую камеру хозяин квартиры следит за каждым движением своей гостьи и вот-вот поймает её с поличным. Наконец она решилась. Сделала шаг к шкафу, дёрнула дверцы. Ещё раз. Шкаф оказался заперт на ключ.

Марина почувствовала, как у неё начинает резко кружиться голова. Испугавшись, что потеряет сознание, она опустилась в кресло рядом с компьютерным столом.

Взгляд Марины упал на ящики стола. От их вида противно засосало под ложечкой.

Дрожащие руки потянулись к верхнему ящику. Стол был старый, ящик застревал, открылся с трудом...Марина достала толстую стопку бумаг. Какие-то документы. Всё такими же дрожащими, неуклюжими пальцами Марина сняла верхнюю часть стопки и начала аккуратно перелистывать бумаги, стараясь не спутать листы и папки. От страха перед глазами всё прыгало, разбирать написанное было трудно. На первый взгляд показалось, здесь не было ничего интересного. Счета за коммуналку, свидетельство о рождении, ксерокопия паспорта... Марина спешила как могла. На счету была каждая секунда. Под первым слоем бумаг оказалась папка, в которой лежали данные каких-то медицинских обследований. Марина замерла над ней, перебирая листок за листком, но в медицине она не понимала ничего, и что это за справки, на такой скорости понять ей было очень трудно. Смущало прежде всего их обилие. Вчитавшись, она сообразила, что осязаемая часть из них — это анализы крови. Здесь же были результаты каких-то тестов, многостраничные данные обследований организма... В том немногом, что успевало доходить до сознания Марины и что она в состоянии была понять, не было, казалось, признаков каких-то тяжёлых болезней — рака или диабета. Но зачем так много справок, зачем столько обследований? Ипохондрия или...?

Она рванула второй ящик. В глазах снова помутилось. Первое, что она увидела, — три ряда занимали пузырьки и коробочки с лекарствами. Но взять и посмотреть названия на упаковках она не успела. До слуха донеслось тугое лязганье замка. Марина в считанные секунды сунула пачку документов обратно в стол, захлопнула оба ящика и в три прыжка выскочила из кабинета, юркнув обратно в постель. Когда Сергей заглянул в комнату, она прикрыла глаза, будто всё ещё спит, но ей казалось, что бешеный стук её сердца и сбившееся дыхание слышны даже из коридора.

— Ещё не вставала? Соня.

На сковородке заскворчала яичница. Белок неравномерно запекался на поджаренных кусочках помидоров, один из желтков потёк, превращаясь в полузастывшее неприглядное желе. Марина на автомате ворошила деревянной лопаткой доходившую глазунью, половину с растёкшимся желтком бросила себе на тарелку, вторую половину аккуратно скатила по сковороде в тарелку Сергея.

— Ну как, съедобно?

— Спасибо, вполне. Только ты посолить забыла.

— Да, правда? Прости, я не заметила.

Марина задумчиво протянула Сергею солонку.

— Ты какая-то подавленная с утра. Что-то не так?

— Нет, тебе показалось.

За столиком у плиты надолго воцарилось молчание.

— Где ты был с утра в такую рань? — наконец нарушила тишину Марина.

— С Линдой встречался.

— С Линдой? Зачем?

— У нас с ней много общих дел.

— А что делали, не расскажешь?

— Да ничего интересного. — Сергей приоткрыл форточку над головой, щёлкнул зажигалкой и закурил. — А это что, допрос с пристрастием?

— Нет, просто поинтересовалась. — Марина опять замолчала. Через долгую паузу, уже стоя у раковины за мытьём посуды, она, не оглядываясь, вновь заговорила: — Может, пригласим Линду пойти с нами гулять сегодня? Куда вы любите ходить?

— Она не пойдёт. Она занята.

— Жаль. Мне она показалась забавной, и я не прочь была бы ещё пообщаться. Может, у неё найдётся время вечером или завтра?..

Сергей резко повернулся:

— Что значит, забавной? Она тебе что, бесплатный цирк?

Марина слегка опешила.

— Извини, я не имела в виду ничего плохого. Я хотела сказать, она такая энергичная, кажется общительной и, раз вы дружите, то мне, наверное, было бы правильно с ней тоже подружиться...

— Хочешь, в следующий раз поселю тебя к ней, чтобы она тебя развлекала?

Марина со звоном бросила тарелку в раковину.

— Да я вообще могу больше не приезжать!

Быстро обтерев руки кухонным полотенцем, Марина ушла в комнату и легла на диван. Сергей пришёл только через четверть часа.

— Малыш сердится?..

Марина не ответила, отвернувшись к стене. Спиной она почувствовала, как Сергей виновато присел у неё в ногах.

— Не обижайся. Линда необычный человек, сама знаешь. Она не хочет видаться после той вашей первой встречи.

— Почему? Что я ей сделала?

— Думаю, ты сама знаешь.

Марина повернулась и стала молча смотреть на Сергея. Отчуждённо, напряжённо, изучая его лицо и фигуру так, словно видела его в первый раз.

— Твои взгляды и улыбочка тогда очень красноречивыми были. Так что о новой встрече она и слышать не захочет.

— Мне жаль, если я её нечаянно обидела. В таком случае, я бы хотела извиниться.

— Не нужно. Может, через какое-то время.

Поплыл день, поплыла ночь. От долгой и бессмысленной ходьбы по городу у Марины гудели ноги. От перепитого холодного ветра саднило горло. Чтобы убить время до сна, они включили какой-то фильм. Сергей лучше разбирался в кинематографе, и она предоставила ему выбирать, но то, что происходило в кадре, она улавливала лишь фрагментами. Рука её утопала в его волосах, его голова покоилась на её голых коленях. Чтобы лучше видеть экран ноутбука, он надел очки, и его взгляд сквозь линзы казался Марине мягким, лицо сделалось домашним. Она ласкала глазами его запрокинутое лицо.

«Меня нет, я растворилась, есть только ты, ты один... Ты и моя бесконечная нежность к тебе...»

— А? — Сергей поднял глаза. — Мне показалось, ты что-то шепчешь.

Марина отрицательно качнула головой.

— Нет, я молчу.

Она склонилась, целуя его губы, вдаивку на щеке, мочку уха. Его дыхание касалось её голой кожи. Внизу живота зарождалось и поднималось тепло, негой разливаясь по телу. Ночь плыла, фильм давно кончился. Он лежал рядом с закрытыми глазами. Марине казалось, что он не спит.

— Серёжа...

— М-м? — Он не открывал глаз.

— Может быть, мне завтра уехать?

— А ты хочешь уехать?

— Я не знаю...

Сон Марины был сбивчивым, беспокойным. Она то проваливалась в глубокую чёрную яму, то резко вздрагивала, просыпаясь, и к рассвету ей казалось, что смутный вчерашний день всё ещё продолжается.

— Я хотел попросить тебя кое-что для меня сделать. Пойдёшь со мной?

Она ещё лежала в постели, Сергей стоял перед ней уже одетый.

— Куда?

— Пойдём, расскажу по дороге.

— Может, сначала позавтракаем?

— Нет.

— Даже кофе выпить нельзя? Мы что, идём на причастие? — Она неловко усмехнулась.

— Не совсем.

Марина поёжилась. Послушно умывшись и одевшись, она вышла за Сергеем в зябкое утро.

— Так, может, скажешь, куда мы идём? — нервно переспросила Марина, когда они шли уже минут десять.

— Просьба довольно странная, — Сергей ободряюще сжал её руку и улыбнулся. — Мы идём на анализ крови.

Марина не повернула головы и не улыбнулась. На удивление, ответ не показался ей неожиданным.

— Зачем?

— На гормоны. Эстрадиол, пролактин, тестостерон. Это нужно нам с Линдой, чтобы посмотреть, как оно у гешки.

— У гешки?

— Ну да, у биологической женщины. Кажется, от английского «genetic girl» — сокращённо гг. Надеюсь, ты не боишься кровь сдавать?

— Из вены не боюсь, из пальца... может стошнить.

— Из вены. Линда до этого Кэт потащила, так та от одного вида иглы в обморок упала, пришлось всё отменять и срочно уводить её домой.

— А Кэт, это кто?

— Бучик Линды.

— Кто?..

— Девушка её. Бучик — это лесбиянка, которая выполняет в паре мужскую роль.

— Прости, а Линда тогда...

— Линда дайк — универсалка. Оба начала — и мужское, и женское — в ней одинаково сильны, и она может быть в обеих ролях. Но предпочитает, по понятным причинам, женскую. Поэтому за неё у бучей настоящая драка. Есть, конечно, ещё фемки — пассивные, феминные лесбиянки, но их очень мало. Бучи составляют процентов семьдесят... Ладно, обо всём этом потом. Мы пришли уже.

Марина мрачнее тучи вошла в клинику. Молча села в кабинете, поставила руку, всё так же молча вышла, зажимая в сгибе локтя ватный тампон, и всю обратную дорогу они не разговаривали.

— Не понимаю, ты злишься?

Они сидели за столиком в одной из питерских столовых, Сергей заботливо принёс на подносе хорошо сваренную овсяную кашу с вареньем, сырники и кофе, приговаривая, что «после подвига малышке нужно хорошо подкрепиться». Марина почти не поднимала ресниц, поглядывала волком, мало притрагивалась к еде.

— Скажи прямо, что вас связывает с Линдой? Я хочу знать правду.

— Ты её знаешь. Мы дружим.

— Как-то не похоже.

— А на что похоже?

— Серёжа... — Марина подняла на него мрачный взгляд. — Так больше не может продолжаться. Тебе не кажется, что настало время поговорить?

Сергей молчал, вопросительно глядя на неё. Его глаза сузились, выражение лица стало чужим и неприятным. Марина отвела глаза.

— Очевидно, что это не просто дружба. Она занимает девять десятых твоей жизни. Ты всё время думаешь о ней, вы то и дело украдкой переписываетесь. И, похоже, ради неё ты на всё готов, даже выкачать из меня кровь, как из подопытного кролика.

— Извини, не думал, что ты так это воспримешь. Могла бы откататься.

— Послушай, дело не в этом! Я не слепая и вижу, что с тобой что-то не так.

— А по-моему, ты как раз ни черта не видишь.

— Просто скажи прямо, вы с ней спите?

— О господи... — Сергей поморщился, отхлёбывая глоток капучино. — Нет, я ведь сказал уже. Мы дружим. Всех вокруг только это и интересует. Кто с кем спит...

— Но ты явно относишься к ней как к женщине!

— Да. А кто она, по-твоему?

Марина открыла было рот, чтобы ответить, но передумала.

— Ну да, понятно. А ещё хочешь, чтобы я тебе что-то рассказывал. Видишь ли, в отличие от тебя, я признаю право человека быть тем, кем он себя ощущает.

— Я не отказываю ей ни в каких правах. Но просто если ты относишься к ней как к женщине, то... — Марина замялась, ковыряясь ложкой в тарелке с овсянкой. — Если она завтра тебе скажет: дорогой мой, мы так хорошо друг друга понимаем, давай будем вместе?..

— Это абсурд. Я не собираюсь обсуждать фантастику. И ревность твоя совершенно неуместна. — Сергей решительно отставил в сторону тарелку. — Я что-то наелся. Ты, кажется, на выставку хотела какую-то, так пошли.

— Ну что ты плачешь?

Марина лежала на диване, крепко обняв подсыревшую подушку. Плечи её содрогались, затылок сделался влажным. Пряча покрасневшее, распухшее от слёз лицо, она, уже не сдерживаясь, с громкими всхлипами рыдала навзрыд.

— Разве ты не видишь, как мне плохо?! Почему ты не хочешь поговорить нормально? Так больше не может продолжаться!

— Не понимаю, о чём говорить, если у тебя истерика. Ты не в себе.

— А ты в себе?! Как я могу быть в себе в такой обстановке, скажи, пожалуйста?!

— Ну а зачем ты тратишь время на такого как я?! Я говорил: я не гожусь на ту роль, которую ты мне отводишь!

Марина оторвала заплаканное лицо от подушки и взглянула на Сергея. Лицо его было жёстким, замкнутым, казалось, её слезы не вызывают в нём никакого сочувствия, а, наоборот, только раздражение и гнев. Словно в подтверждение этому, он сквозь зубы, будто в пространство, добавил:

— Как вы, женщины, любите манипулировать слезами, чтобы заставить чувствовать себя виноватым...

Марина перестала всхлипывать и затихла.

— Такое впечатление иногда, что я разговариваю с камнем...

— Да, я камень. Грубый, бесчувственный мужик. Мы ведь все такие, разве нет? А ещё мы должны всё время хотеть! Достаточно выставить голое плечо или ножку, и я уже должен кидаться на них, как обезьяна! А если я этого не делаю, значит, надо трагически, недовольно сопеть

у меня над ухом полночи, чтобы я чувствовал себя полным ничтожеством!

— Послушай... — Марина примирительно положила ладонь поверх его руки. — Что касается этого, я уже поняла, что... я думаю, без этого тоже можно быть вместе...когда это любовь. Но нельзя быть вместе, если нет доверия, а между нами стена, за которую ты не хочешь меня пустить.

— Это не так просто. Я вижу тебя второй раз в жизни. А ты уже хочешь, чтобы — хоп! — и мы близкие люди.

— Иногда достаточно и минуты. И сколько времени мы уже переписываемся каждый день? Просыпаемся — доброе утро, засыпаем — спокойной ночи... Дни напролёт ты знаешь обо мне всё: чем я занята, о чём думаю, что видела во сне... И я всё время говорю с тобой, как будто с самой собой. И даже когда прекращается переписка, я продолжаю говорить с тобой уже в своих мыслях... Разве это только с моей стороны, у тебя не так?..

— Так... Конечно, так. Может быть, ты единственное светлое пятнышко в моей темной-темной жизни. — Марина крепче сжала его руку и пододвинулась ближе, пока он продолжал: — Но я вижу, что ты так ничего и не поняла. Ты смотришь и не видишь ничего перед собой. Похоже, это безнадёжно.

— Безнадёжно что? — Марина перешла на шёпот.

— Ты прости, что я впутал тебя во всё это. Надо было сразу пресечь наше общение, и сейчас у тебя всё было бы хорошо. — Марина протестующе замотала головой и попробовала возразить, но он продолжал, глядя мимо неё в потолок: — Надо было сразу остановиться. Но мне льстило: как же, такая девушка обратила на меня внимание... А теперь я сам загнал себя в угол и не знаю, что делать. Думаю, лучше прекратить всё это сейчас, без всяких объяснений. Так будет лучше для нас обоих.

— Да как ты можешь? Как можешь так говорить?.. — голос Марины снова задрожал, и из уголка глаза опять скатилась слеза. — Ведь я доверилась тебе, и ты сам меня принял, а теперь хочешь выставить меня вот так, без объяснений?.. Нет уж — если хочешь, я уеду прямо сейчас и больше не вернусь, но только после того, как ты объяснишь мне всё!

Сергей некоторое время не отвечал, он напряжённо думал.

— Понимаешь, я хотел всё тебе рассказать ещё в первый вечер, когда привёз тебя на квартиру. Но ты была в таком состоянии... Я отложил разговор до утра, а потом всё не мог решиться. Я ведь не раз прощупывал почву. И с Линдой познакомил тебя не просто так. А ведь она

говорила: либо признайся сразу, либо молчи до конца... Да, ты явно пытаешься мне угодить и часто говоришь то, что считаешь для меня приятным. О равенстве, о толерантности, о том, что ты против предрассудков... Но мне кажется, что ты просто подстраиваешься, и мне это не нравится. Лучше говорить что думаешь. Как можно быть вместе с тем, кто принципиальные вещи воспринимает совершенно по-разному — так, что это несовместимо? Представь: твой партнёр видит мир исключительно зелёным, для него всё — зелёное. А ты ненавидишь зелёное! И совсем другого хочешь. Того, что он не может тебе дать. Не способен...

— Прости меня за то, что сейчас спрошу. И только, пожалуйста, не обижайся. Но...ты гей?

— Не-еет... — Сергей на мгновение прикрыл лицо руками и засмеялся. — Нет, мужчины меня не интересуют ни в каком виде. Мне нравятся исключительно девушки. — Марина облегчённо выдохнула. — Нет, малыш, я не гей. Всё гораздо хуже...

— Тогда я действительно не понимаю...

— Ничего, скоро тебе всё станет ясно. Ты права, я сам виноват и теперь должен всё тебе объяснить.

Сергей вышел в коридор и достал из шкафчика две рюмки и бутылку водки.

— Извини, но с такими разговорами без водки никак. Выпьешь со мной?

Марина кивнула. Открыв холодильник, Сергей достал колбасу и сыр.

— Благодаря тебе у меня снова появились в холодильнике продукты. Сам я уже долгое время стараюсь как можно меньше есть.

— Зачем же? Ты и так как скелет.

— Так я и похудел только потому, что перестал жрать. С тех пор, как стал себя ограничивать, быстро понял, что наша постоянная потребность в еде скорее психологическая. Так что пока с тобой за компанию отъедаюсь, а потом надо будет устроить себе пару дней голодания.

Марина неодобрительно поджала губы, но не стала ему возражать. Ей не хотелось переводить разговор с главного и спугнуть подступившую откровенность.

— Ну что ж, за тебя, малыш!

Он залпом осушил рюмку, Марина последовала его примеру. Не делая перерыва, Сергей налил ещё по одной. Глотая рюмку за рюмкой,

Марина не чувствовала ни малейших признаков опьянения. Напряжённая до предела, она ждала.

Сергей бессильно откинулся на спинку старого дивана и в задумчивости молчал, раскинув в стороны бледные руки с длинными ногтями. Обтянувшая череп кожа его нервного лица в скудном освещении крошечной комнаты приобрела, казалось, нездоровый сероватый оттенок. Глаза под грустными веками потухли, потеряли выражение. Острые локти впились в затянутый истёртым велюром прохудившийся поролон, и всё его лёгкое, истаявшее тело будто срослось с выпиравшими рёбрами диванного каркаса, образуя с ним общий омертвевший организм. Вся эта запылённая, полуразрушенная обстановка жилища, практически непригодного для нормального существования, превратилась в органичное продолжение самого обитавшего в ней измученного, раздираемого внутренними демонами существа, в котором теперь явственно читалось нечто, выходящее за пределы человеческого понимания.

Сергей сидел так несколько минут, глядя на Марину, но не видя её, затем тяжело поднялся и произнёс:

— Ладно, всё. Пора заканчивать. — С этими словами он ненадолго вышел в соседнюю комнату.

Замерев, Марина слышала, как со скрипом открывается ящик стола, как шелестят бумажные листы. Наконец он вернулся, молча сунул ей в руку какую-то бумагу и, не глядя на неё, снова рухнул на диван, уставив немигающий взгляд в потолок.

Расплывшиеся буквы не сразу складывались в строки:

«Сергей Александрович Волков... Гендерная дисфория... Транссексуализм».

СЕРГЕЙ

Прикасаюсь к женщине. Быть женщиной. Находиться внутри. Чувствовать, как шёлк нежно ласкает её кожу. В любой момент ощутить под пальцами упругую грудь, скользнуть мягкой ладонью по гладким, длинным ногам, чувствовать неповторимый запах женского тела... Смотреть на мир её глазами. Видеть его ярким. В десятки раз ярче, чем мужчина может только мечтать. Величайшее счастье — просто родиться женщиной. Просыпаться каждое утро и улыбаться в зеркало своему прекрасному лицу. Распахивать настежь бездонный шкаф и выбирать любое платье по настроению. Красное... Особенно хотелось красное, с глубоким вырезом и голыми плечами. Чтобы только длинные волосы прикрывали их наготу...

14-летний Серёжа стоял в маминой комнате, боясь зажечь свет, чтобы бабушка, спавшая за соседней дверью, его не заметила. Струйка спермы медленно текла из-под трусов по ноге, но он боялся шевельнуться, чтобы не испачкать платье. Ему было стыдно перед самим собой, что он вот так сразу непроизвольно кончил, стоило нырнуть в кокон прохладной ткани, пахнувшей женским естеством, но восторг от нарушения правил и необычайное наслаждение от пережитого мгновенного возбуждения подавляли и стыд, и страх быть застигнутым в этом позорнейшем положении. Платье было совсем не таким, как он мечтал, когда тайком мастурбировал в ванной, притворяясь, будто принимает душ. В нём не было ничего соблазнительного — простое платье из набивного шёлка с крупным цветастым рисунком и строгим отложным воротничком. Скроенное по моде брежневского застоя, к тому времени уже давно миновавшего, оно и близко не напоминало те глубокие декольте и мини-юбки, начинавшие мелькать в перестроенном кино в стране, где раньше не было секса. Но это платье сохранилось ещё со времён маминого девичества и казалось лучшим в её гардеробе на фоне безликой повседневной одежды, которая заполняла шкаф среднестатистической жительницы бедного, малюсенького городка, неприметной точки на карте Воронежской области. Полугород-полудеревня, где все знают друг друга и пристально друг за другом наблюдают. Впрочем, с самого детства Серёжа не привлекал к себе ничьего внимания. Серая мышь, говорят о таких. Потом, когда он уже был «в теме»,¹ он внимательно изучил всю доступную информацию о трансгендерности. Чётко, как под копирку, источники повторяли друг друга, выводя один и тот же непроверяемый набор симптомов... Только выбрался из пелёнок, уже называешь себя другим родом и именем, хочешь другую одежду, а к подростковому возрасту — ненависть к своему телу и чуть ли не обязательное членовредительство. Ничего такого у него не было. Обычный ребёнок. Послушный, тихий. Не отличник и не двоечник. Разве что причёска была поводом для осуждающего цоканья языком — слишком длинные волосы для мальчика. Но Серёжа от коротких стрижек приходил в настоящее отчаяние и не мог их переносить. Его мать, устав от капризов, тайком, чтобы только не узнали соседи, укладывала его непослушные вихры плойкой

---

¹ «Быть в теме» (*жарг.*) — здесь и далее погружение в трансвеститскую или трансгендерную среду, косвенная причастность или непосредственное присоединение к ней.

каждый раз перед походом в школу. Если пряди упрямо торчали по сторонам, Серёжу невозможно было миром уговорить выйти в люди. Сергей также помнил один эпизод из раннего детства, когда, ещё дошколёнком, заставил однажды бабушку купить ему куклу в магазине. Та долго отказывалась, предлагая взамен любую машинку, но он ревел так громко, что в конце концов она сдалась. Правда, в отвоёванную куклу Серёжа так ни разу потом и не захотел играть. Вот, пожалуй, и всё, что можно было отнести к «первым звоночкам», никакой тебе «ядерности».¹

Волосы так и остались для Сергея огромной проблемой. Его всегда тошнило от коротких стрижек. Носить длинные волосы для парня в провинции всё равно, что каждый день бросать перчатку в морду общественному мнению. «Что-то не пойму, это парень или девушка?...» — будет то и дело долетать недовольный шёпот за спиной на улице... За длинный хаер знакомые пацаны не чистили Серёге физиономию только потому, что он слыл музыкантом — участвовал в местной самодеятельности. «Богеме» прощалось больше — мол, творческие натуры, что с них взять. Но даже когда он перебрался в Питер, каждый поход в парикмахерскую был наказанием. Одно время он, казалось, нашёл выход: стал ходить к одной девице, которая стригла на дому. Но всё кончилось тем, что она как-то назвала выбранную им причёску женской — больше она его не видела. А незнакомые мастера рвались чуть ли не побрить его наголо, так что несколько раз, лишь завидев результат их усилий в зеркало, он еле успевал расплатиться и выскокить на улицу, чтобы слёзы не брызнули из глаз. Разревевшийся из-за неудачной стрижки мужик — что может быть комичнее и позорнее этого!..

А тогда, в детстве... Желание переодеться в женскую одежду произошло с приходом пубертата. Долгое время это оставалось лишь возбуждающей эротической фантазией, в которой он стеснялся признаться даже самому себе. Но после того, как однажды ночью он решил пробраться в мамину комнату и примерить её платье, пока она была на ночном дежурстве, он буквально заболел жадой видеть в отражении своё женское обличье, будто в зазеркалье у него была дру-

¹ Ядерный транссексуализм — предельная, ярко выраженная форма транссексуализма, при которой человек стремится сменить пол любой ценой, вне зависимости от внешней среды и обстоятельств. Этим отличается от краевой формы, при которой человек может компенсироваться и адаптироваться под воздействием окружающих и общественных норм.

гая, лучшая параллельная жизнь. Девочке можно плакать, можно быть слабой, не нужно стесняться желания быть красивой и находиться в центре внимания. А Серёжа всегда чувствовал себя невидимкой для окружающих, пустым местом. Сидя на задней парте, он с волнением, будто вор, исподтишка ласкал взглядом стройные ножки одноклассниц, зажимавших между худых ляжек короткие подола школьных юбок; любовался изгибами девичьих спин и открытых лебяжьих шей с нежными завитками, что выбивались из-под аккуратных косичек и хвостиков. Он восхищался девочками, видел в них высшие существа, тайно влюблялся то в одну, то в другую и, оставаясь всегда в тени, мечтал быть принятым в среду этих юных нимф, смеяться, как они, быть частью их прекрасного, непостижимого мира.

Чем старше становился Сергей, тем больше он желал избавиться от своей странной, позорной тяги к переодеванию. Прятать этот скелет в шкафу от всех, включая самых близких, было мучительным бременем всего его отрочества. Сделать из себя мужика он решил кардинально — после окончания школы не стал поступать в вуз, а отправился на срочную службу в армию. Как ни странно, два года в армии прошли для него не так уж плохо и потом вспоминались даже с некоторой теплотой. Афганская война к тому времени уже закончилась, а чеченская ещё не началась, да и дедовщина в их части не процветала, так что весь срок Сергей оттрубил в стройбате без особых проблем и происшествий. Статус дембеля по возвращении домой заметно поднял его стоимость в глазах приятелей и незамужних девушек. Он устроился учиться на заочный, нашёл первый заработок, сколотил собственную музыкальную группу, с которой они выступали на местных молодёжных вечеринках. Вскоре появилась первая постоянная подруга. Она так и осталась в его жизни единственной, с кем в постели ему было хорошо. А может, дело было просто в новизне?.. Так или иначе, опыт у неё имелся, от его предшественника у девушки даже был ребёнок. Тем не менее очень быстро она настояла, что как честный человек Сергей обязан на ней жениться — и он женился. Брак продлился немногим дольше года. Она была против его занятий музыкой, заставляла сидеть с её ребёнком, они часто ссорились, а мириться потом в постели быстро приелось. Когда они решили развестись, оба испытали облегчение. Больше он не совершал подобной ошибки.

В жизни Сергея было ещё несколько попыток стать настоящим мужчиной в глазах окружающих и вести себя соответственно ожиданиям общества. Но он больше не обещал своим женщинам того, что

не чувствовал себя способным им дать. Ни одна связь больше не приводила к браку, ни одни отношения не получали ожидаемого развития и потому не длились дольше нескольких лет. Он никогда сам не проявлял инициативы в отношениях и избегал принятия любых решений. Терпеливо давал женщинам подобрать себя, самим войти в его жизнь и, так и не сумев в ней устроиться, по собственному решению уйти, так ничего и не поняв о нём, не узнав толком человека, с которым проводили дни и ночи под одной крышей, в одной постели...

Одна из его несостоявшихся невест и перевезла его из провинции в Санкт-Петербург. Помогла начать собственное дело и окончательно связать жизнь с единственным, что он действительно любил, — с музыкой. А когда она от него ушла, позабытая было жажда самому применить женственность взыграла с новой силой.

Впервые в жизни Сергей оказался совсем один, полностью предоставленный самому себе. Впервые он мог делать у себя дома что угодно, без страха быть застигнутым домочадцами или оказаться замеченным любопытными соседями. Большой город предоставляет полную анонимность. Можно под любым именем зарегистрироваться на тематических форумах и найти компанию по интересам. Можно выбрать в интернет-магазине любой объект своих фантазий, и тебе принесут его аккуратно завёрнутым в полиэтиленовую упаковку. В первый раз, когда дрожащими от нетерпения пальцами он разрывал пакет с заказанным коротким платьем, чулками и туфлями на высоких каблуках, он уверял себя, что это просто игра. Игра и ничего больше. Он был уверен, что за пару недель наиграется в женственность до одури, до тошноты — так, чтобы отбить у себя желание раз и навсегда. Но всё оказалось совсем иначе.

Это было опьянение наркомана, переходящего от лёгких наркотиков к тяжёлым в поисках удовлетворения. Чем дальше Сергей заходил в реализации своей фантазии, тем настойчивее она влекла его, побуждая к действию. Платья, юбки, чулки, парики, бижутерия... Лаки для ногтей, тени для век, духи, помады... Шпильки, платформы, сапоги-ботфорты... Жизнь женщины из зазеркалья манила Сергея, тащила его по бесконечному лабиринту отражений, в которых можно было встретить кого угодно. Роковую брюнетку с длинными гладкими волосами и дерзкую пергидролевою блондинку... Рыжую кудрявую шалунью в платьице в горошек и строгую шатенку в сексуальном облегающем платье-футляре... Но дама из зазеркалья не желала оставаться запертой в своём выдуманном мире, быть актрисой для одного зрителя.

Она хотела жить!.. Жить, жить, дышать, ходить по улицам! И танцевать! Да, танцевать, окружённая подругами, как мечталось в детстве — там, в одиноком дальнем углу, прячась за унылой школьной партой...

Первым шагом для Сергея стали фейковые аккаунты на форумах и хорошо замаскированные квир-фотографии. Сердце каждый раз подпрыгивало, когда под фото появлялось чьё-то сообщение. Хотелось, чтобы кто-то, как и он, разглядел ту самую девушку из зазеркалья, которую Сергей видел в своих грёзах так же ясно, как солнце на небе. Но сразу было ясно, что пишут одни извращенцы, желавшие найти кросс-дрессера¹ для своих педерастических развлечений. Такая перспектива Сергея ничуть не привлекала и более того — вызывала омерзение. Всем своим нутром, телом и душой, он был всецело предан женскому полу. Прекраснейшей и лучшей половине человечества. Везде и всегда, куда бы он ни приходил, он замечал только женщин и девушек, замороженно разглядывал их волосы и фигуры, пьянел и таял от вида их обтянутых тонким капроном ног... Но он не желал обладать ими, он желал быть ими... А девушка из зазеркалья рвалась и рвалась в трёхмерное пространство, требовала большей сцены, чем театр для одного зрителя. И однажды Сергей не выдержал. Он бережно и тщательно одел свою зазеркальную подругу, выбрал для неё всё самое лучшее, аккуратно, насколько мог, сделал макияж и причёску, и острые каблочки осторожно, робко, а потом уже смелей побежали по лестнице, застучали по залитому лужами тротуару тёмной улицы, уводя принцессу зазеркалья в осеннюю питерскую ночь.

На свет родилась Камила.

— Двойная жизнь продолжается уже десять лет. Для друзей, коллег, для новой девушки, которая вскоре у меня появилась и жила со мной некоторое время, я оставался Сергеем Волковым — музыкантом и блогером. Таким, каким и ты меня узнала вначале. И лишь в узком кругу таких же, как я, мне удавалось хотя бы недолго побыть собой... В тему мне помогла войти одна дама, с которой я познакомился на форуме. Замужняя женщина в возрасте, с тремя детьми. Но отчего-то ей нравилось при возможности называть себя в мужском роде и мужским

---

¹ Кросс-дрессер (калька с англ. *cross-dresser*) — фактически то же, что трансвестит, но без стигмы психического диагноза: человек, иногда переодевающийся в одежду противоположного пола с целью самовыражения, но не испытывающий при этом гендерной дисфории.

именем. Может, для неё это был просто бизнес. Она была связана с владельцем гей-кабаре, где время от времени тусовались трансвеститы. Она призывала нас не сидеть в одиночестве в своих комплексах, а общаться, встречаться, ходить на их клубные вечеринки. У нас образовалась компания из «девочек». Прежде чем пойти в кабаре или на вечернюю прогулку, мы списывались в секретном чате. Настоящих имён друг друга мы не знали, да и они нам были ни к чему... Что, тебе нехорошо?..

Сергей остановил на Маринином лице долгий взгляд, из рассеянного мгновенно ставший цепким и внимательным. Марина полулежала рядом на подушках, бледная как простыня. На вопрос Сергея она, не глядя ему в глаза, еле заметно кивнула.

— Прости, что втянул тебя во всё это...

— Странно... В первое мгновение будто громом поразило, а сейчас мне кажется, я совсем не удивлена. Я с первого взгляда почувствовала, что с тобой что-то не так, что-то... — Марина осеклась и задумалась.

— Но ты не понимала, до какой степени.

— Да... Не понимала. Сразу увидела ногти твои длинные. Что волосы подкрашиваешь, брови выщипываешь... Но не понимала, что ты настолько... Думала, может, просто заиклен на внешности. В худшем случае, предполагала, что у тебя какой-то фетиш. Но больше всего пугала Линда. Я думала, у вас с ней... и поэтому у нас с тобой ничего не получилось тогда... поэтому ты ко мне не прикасаешься... А когда ты кровь меня повёл сдавать, у меня земля под ногами зашаталась. Я поняла, что это для неё. Что ты жениться на ней решил или...

— Да ну, какая глупость. Линде хватает её девок-лесбиянок, они без ума от неё. Она дружит со мной, потому что я ей помогаю. Сам по себе я для неё пустое место. А гормоны... Я ведь тоже уже четвёртый месяц на ЗГТ. Заместительной гормонотерапии. Но исходные данные у меня гораздо хуже, чем у неё, так что пока ничего особо не заметно. Только грудь немного... Поэтому я и не раздевался при тебе.

Марина вздрогнула и осторожно провела рукой сверху вниз по тонкой вязке его свитера.

— Но почему?.. — Марина перевела на Сергея умоляющий взгляд. — Почему последние десять лет ты жил почти что обычной жизнью, лишь время от времени сбегая на свои тайные встречи, и вдруг решил на сорок шестом году превратиться в женщину?.. Как такое вообще возможно?

— Ты всё ещё ничего не поняла. Я никогда не жил нормальной жизнью. Понимаешь?.. Никогда! — Марина снова вздрогнула, заметив,

в какое Сергей пришёл неестественное возбуждение. Взгляд остекленел, глаза лихорадочно забегали, тело повела судорога. Но голос всё ещё звучал ровно, хотя и чуть громче обычного. — Каждый транс проходит через это. Мучительные попытки побороть себя и стать нормальным. Иногда эти попытки растягиваются на десятилетия, снова и снова заканчиваясь ничем. Ты всё время вынужден играть роль. Роль, которая тебе чужда и отвратительна! Строить из себя мужика, ублажать кого-то, принимать решения и выглядеть так, как нравится другим, но не тебе самому. Тайком выбраться в кабаре раз-другой за месяц, чтобы всё остальное время жить чужой жизнью...

— Не понимаю, ты говоришь, твоя бывшая несколько лет жила с тобой, и что, она ничего не замечала?

— Я хорошо маскировался. Так что да, долгое время она ничего не знала. Почти до самого конца. Последние два года мы уже жили скорее по инерции, как соседи. Любовь, страсть, которые были первое время, к тому моменту давно ушли. У меня появилась другая на стороне. К счастью, врать пришлось недолго, вскоре она узнала и восприняла новость спокойно. Мы даже некоторое время ещё жили после этого под одной крышей, пока она искала работу и квартиру. В те последние месяцы она и нашла пакет с женскими вещами. Сначала ужаснулась, а потом перестала обращать внимание — что тут такого... Правда, когда я одевался, она не могла на это смотреть, сразу уходила. А вот Анжела — та приняла с готовностью, я решил ей сразу обо всем рассказать.

— Анжела — это та, с которой у тебя завязался роман?

— Да. Мы тогда ещё временами выступали с музыкальной группой, которую я организовал в Питере. Она несколько раз пришла на концерт и очень решительно, по-деловому взяла меня в оборот. Чувств у меня к ней не было, но и сопротивляться я не видел смысла, с моей тогдашней девушкой отношения уже очевидно сходили на нет. Но я устал притворяться, поэтому честно признался Анжеле в своём пристрастии. И она стала меня поддерживать, ходить в кабаре вместе со мной. В нашей компании кое у кого из «девочек» были жены, которые поддерживали тему и иногда приходили вместе с ними. И я был Анжеле благодарен, что она составляет мне пару. Чувствовал себя с ней не таким ничтожеством.

— Почему же тогда вы не остались вместе?

— Да потому что она, как и все, хотела, чтобы я был с ней мужиком! Пока мы веселились в кабаре, гуляли компанией по ночному городу, это было здорово, но с возвращением домой мне приходилось снова

всё с себя снимать и исполнять роль, которая была мне неприятна и никогда не удавалась...

— Не понимаю... не понимаю... — бормотала Марина. — Как может пол играть такую роль в жизни человека?.. Неужели нельзя просто объясниться? Найти того, с кем можно просто быть собой?

— В чём объясниться? Как быть собой?.. Ты пойми, ты то, что люди в тебе видят! Если они видят мужика, они так и будут тебя воспринимать! Спрашиваешь, что значит пол? Всё, понимаешь! Всю твою жизнь определяет, кем ты родился — мальчиком или девочкой. Ты этого не чувствуешь только потому, что у тебя нет этого противоречия, ты — сама феминность! А я всю жизнь страдаю от того, что родился на свет с сосиской между ног! Я не могу больше быть мужиком. Понимаешь? Не могу! И не буду!

На некоторое время они оба замолчали. Не глядя друг на друга, одинаково уставившись в потрескавшуюся штукатурку потолка, они замерли рядом на диване, не соприкасаясь друг с другом, словно между ними, как между Тристаном и Изольдой, лёг невидимый меч.

Марина первой нарушила воцарившееся молчание.

— Это Линда?..

— Что Линда?

— Ну... Линда тебя подтолкнула к такому кардинальному решению?..

— Да ни к чему она меня не подталкивала. Когда мы год назад познакомились, ей самой нужна была помощь. Ты бы её видела... Белый парик, тонна макияжа... С её исходными данными она без всего этого маскарада вполне могла бы обойтись, но психически она была очень неустойчива. Она уже собиралась всё бросить и ехать домой. У неё даже на гормоны денег не было...

— Домой?.. А откуда она?

— Из-под Могилёва. Тоже до тридцати пяти лет жила как мужчина, только гораздо успешнее, чем я. А потом, когда их с женой семейный бизнес накрылся и терять стало нечего, она решила всё бросить. Начать жизнь заново.

— У неё ещё и жена была?..

— Да. Но давай не будем об этом. Я и так сказал много лишнего, и её личная жизнь к нам с тобой не относится. Важно, что ей было очень плохо, когда мы познакомились. Я вытащил её из кризиса и не дал откатиться... То есть не дал сдать и бросить переход. Помог деньгами, был на связи с ней круглые сутки. Со временем, когда она стала вы-

глядеть более убедительно, начал представлять своим знакомым как женщину, давая ей понять, что я её не стесняюсь, что её переход уже удался.

— И что, никто ничего не видит?..

— По-моему, нет. Это только ты её сразу распознала. Но, возможно, распознала только потому, что я психологически тебя к этому подвёл. Ты уже была готова увидеть что-то такое... И для меня было важно посмотреть на твою реакцию. Она была неутешительная...

— Но зачем ты делал всё это для неё? И почему ты так к ней привязан? Ты так смотришь на неё, так говоришь с ней, что невозможно поверить, что это просто дружба!

Сергей досадливо вздохнул.

— Да, это не просто дружба. Она первый и единственный человек, который никогда не видел во мне мужика. Ни секунды! При нашем знакомстве я был ещё ужасным трансвеститом, а она спокойно сидела со мной за столиком в самой обычной кафешке... И потом, представь, у тебя есть мечта. Прекрасная мечта всей жизни, которая кажется тебе недостижимой. И вдруг появляется человек, который являет собой её живое воплощение. Который говорит тебе: а почему бы и нет? ты тоже можешь попробовать!..

— Значит, я права. Это она тебя подтолкнула. Она разожгла в тебе эту патологию...

— Нет. Не нужно её винить, она тут ни при чём. Это желание назревало годами, я только не знал, что это возможно. А она показала мне это. И рассказала, что нужно делать.

— Ты говоришь, у вас до Линды была своя компания из... — Марина замялась, стараясь не произносить это слово. — Что же, они тоже все чувствуют себя женщинами и мечтают сменить пол?

— Трудно сказать, кем другой человек себя чувствует. Но нет, обычно трансвеститы не хотят менять пол, они только воплощают через одежду какие-то свои фантазии. Большинство наших «девочек» были вполне довольны своей повседневной жизнью. Один попробовал было принимать женские гормоны, чтобы немного погэшнеть... — Марина непонимающе посмотрела на Сергея. — Ну, стать женственнее. Но он быстро бросил. Начались проблемы по интимной части, а там жена, все дела... Мало кому удаётся сохранить свой агрегат в рабочем состоянии. И в этом ещё один редкий козырь Линды — при таком убедительном результате перехода там внизу у неё всё по-прежнему в боевой готовности, и секс для неё безумно важен.

Казалось, Марина уже не слушала. Она погрузилась в себя, блуждая по комнате покрасневшими, словно готовыми заплакать, но совершенно сухими глазами, и нервно кусала губы, сдерживая нечто, готовое сорваться с языка в любую минуту. Наконец она не выдержала:

— Серёжа, ты уверен?.. Что будет, если ничего не получится? Ведь перестать быть мужчиной ещё не значит стать женщиной... Ты же просто станешь уродом!

— Хм... — Сергей помрачнел. — Как ты это убийственно точно сказала: перестать быть мужчиной ещё не значит стать женщиной... Я это запомню. Только ведь я и так урод, родился таким. Да, я понимаю, что скорее всего ничего не получится. И ни в чём я не уверен. Только что остаётся, в петлю лезть?

— Можно походить к психологам, найти какой-то другой выход... Ведь то, что ты делаешь с собой, противно природе! Эти изменения из-за гормонов, они вообще обратимы?

Сергей покачал головой.

— Говорят, заместительная гормонотерапия — это дорога в один конец. То есть, при желании можно бросить, но считается, что через полгода уже происходят необратимые изменения. Только это меня совсем не волнует. Всё мужское в себе мне опостылело. Я не дорожу жизнью, я сам от себя смертельно устал. Если я не шагнул ещё с моста, то только потому, что у меня жива мама, я не могу так с ней поступить. Ну и потому, что есть призрачная, но всё же надежда что-то изменить. Хотя бы попробовать. А потеря мужских функций мне безразлична. И ты должна это понимать, принимая решение, что дальше делать. Если отвернёшься от меня — ничего страшного, я пойму и... переживу как-нибудь.

Марина потёрла глаза, словно пытаясь разбудить себя от запутанной, неправдоподобной яви.

— Просто не укладывается в голове. Я же влюбилась в тебя как в мужчину. А выясняется, что теперь ты женщина? Или будешь женщиной? Или как... Как это вообще?.. Я ведь как мужчину тебя воспринимаю!

Сергей вздохнул, обняв Марину за плечи.

— Ну, видишь, малыш, мужчина из меня очень условный. Я рассказал тебе всё, чтобы прежде всего объяснить, что у нас в постели происходит. А то роль импотента мне как-то не очень.

— Да дело не в этом, не в этом!.. — В голосе Марины послышались всхлипы. — Что если наступит день, когда я перестану узнавать тебя,

не смогу найти тебя в тебе самом? Что если ты изменишься до неузнаваемости?..

Забрав руку из-под её головы, Сергей тяжело выдохнул и пересел в другой угол старого дивана, отчего тот издал тихий тоскливый скрип.

— Не переживай. Изменения, которых я так хочу и которых ты так боишься, произойдут не сразу. Если вообще произойдут. Нет такой волшебной таблетки, которая превращает мужчину в женщину. Ещё есть полгода, а то и больше... Я наверняка надоем тебе за это время. Я зануда, и во мне нет ничего примечательного.

— Дура я, дура... — Марина плакала. — Я ведь притащилась с целым чемоданом вещей, думая, вдруг останусь с тобой навсегда... Вдруг уже сейчас останусь навсегда...

— Ну, малыш мой... — Пододвинувшись обратно к Марине, Сергей погладил её по растрепавшимся волосам. — Мне жаль, что я не такой, каким бы тебе хотелось меня видеть. Правда, очень жаль. Я был бы рад оправдать твои ожидания... Но что поделать, если я таким уродился... Я сам не знаю, что со мной будет завтра, как же я могу втягивать тебя в свою жизнь?..

Марина продолжала тихо рыдать, плечи её дрожали.

— Хорошо, давай я помогу тебе решить. — Сергей приподнялся на коленях напротив Марины, так, чтобы оказаться перед её глазами, и резким движением стянул с себя свитер и скрытую под ним утягивающую майку. — Вот... всё, что есть. Так это выглядит. Как видишь, ничего сверхъестественного.

Он растянулся обратно на подушках и прижал к себе подавшееся ему навстречу содрогавшееся от всхлипов девичье тело.

— Малыш у меня везунчик, — зашептал он ей тихо на ухо, привлекая её к себе. — Повезло такую диковину откопать... Нас таких всего полпроцента... Вот уж влипла, бедная моя девочка...

Марина почувствовала, как от прикосновения тёплых губ по шее побежали мурашки, глаза закрылись сами собой, и она провалилась во тьму.

МАРИНА

«Бежать...»

Инстинкт самосохранения бил во все колокола, пока Марина чуть дыша лежала в темноте, вглядываясь в очертания спящего рядом с ней непостижимого сфинкса. Тёмная копна волос обрамляла жёсткий рисунок его лица, вступающего в невозможное противоречие

с просыпающейся грудью девочки-подростка на худом до истощения, уже немолодом теле. Казалось, будто сквозь стебель отживающего растения пробивается новый чужеродный росток, забирающий себе его соки, его былую силу — так выглядели проступавшие в нём женственные черты, которые то прятались, то ярко выделялись в зависимости от света, ракурса, настроения. Черты, которые Марина замечала уже давно и боялась как следует разглядеть, боялась понять и признать в нём, потаённо, в глубине души догадываясь о том, что они несут в себе нечто зловеще неестественное...

Бежать... Бежать, пока не поздно! Забыть всё как страшный, бредовый сон. Отгородиться от этого издевательства над природой, от извращения, к которому она теперь была причастна...

Но громче страха перед непонятным и отвергаемым в сердце зазвучали совсем иные слова. Слова, неведомо откуда взявшиеся, всплывшие из глубинной детской памяти, дышавшие древностью рода человеческого:

«Любовь долго терпит, милосердствует... не ищет своего, не раздражается... всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит... Любовь никогда не перестает...»

Нет, не чувствовала она ни ужаса, ни отвращения, глядя на это усталое, истерзанное скрытой болью лицо человека, с которым породнилась душой, за которого теперь чувствовала почти материнскую ответственность.

Кто ещё спасёт его? Кто, если не она, может вырвать его из плена наваждения, вернуть на истинный путь? поможет заново обрести и принять себя?.. Любовь способна творить чудеса. Только любовью всё возможно исправить...

Нежность и бесконечная жалость переполняли её. Отчаянное желание понять, принять, отогреть это заледеневшее, ожесточившееся существо, запутавшееся в бесконечном конфликте с самим собой.

Да и что изменилось? Ведь это по-прежнему был он. Её Серёжа, которого она полюбила раньше, чем впервые увидела. И никакая одежда, никакой род и никакое имя не изменят этого, не отнимут его у неё. Это по-прежнему будет он, под любой оболочкой. Он, и никто другой. И даже если она не сможет его остановить, если лицо его изменится до неузнаваемости и черты, которые так быстро и глубоко вошли в её кровь, перестанут существовать, всё равно останется неизменным его пристальный взгляд с искоркой, знакомое движение губ при разговоре, волнующий запах его волос. Что-то всегда будет напоминать ей

о том, что он по-прежнему рядом, и никакой женский образ не сможет разлучить её с ним...

«Любовь долго терпит, милосердствует... — беззвучно повторяли губы, бредившие сквозь наваливавшуюся дрему, — всему верит... все переносит...»

— Открой его, — Марина подвела Сергея к дверцам запертого шкафа, встретившись ладонью с прохладой облупившегося лакового дерева. — Открой, я хочу посмотреть.

Сергей покачал головой.

— Нет. Ты ещё не готова.

— Ну а как мне к этому готовиться, если я ничего не видела?.. — Она с тоской, просяще посмотрела на него. — Открой. Я же вижу, ты сам этого хочешь. Вот уже два дня прошло с нашего разговора, и ты почти всё время молчишь. Ходишь со мной как чужой и чего-то всё время ждёшь. Если нам придётся сосуществовать с твоим женским образом, дай хоть взглянуть на него...

— Нет! — Сергей резко отвёл её за руку от шкафа и усадил в кресло. — Я не хочу устраивать здесь цирк! Для меня это не игра, это очень серьёзно. А ты, похоже, этого так и не поняла.

— Нет же, нет, я понимаю. Но ведь надо с чего-то начинать! Давай сходим вместе в твой клуб. Это будет маленький шаг к тому, чего ты от меня хочешь.

— Нет. Ты будешь воспринимать меня как переодетого мужика, а это откат. Я не хочу обратно в трансвеститы, я уже перешёл на другую ступень.

— Но ведь при мне ты всё время ходишь в мужской одежде и, как я теперь понимаю, всё время злишься из-за этого!

— Ничего, я потерплю. Я привык терпеть. Кто-то должен уступать желаниям другого. Ты к этому явно не готова, пусть это буду я.

— Но я тоже хочу уступить твоим желаниям!

— Не нужно таких жертв, я вполне могу походить в мужской одежде, пока ты не уедешь.

— А ты хочешь, чтобы я скорее уехала?

— Нет... — Сергей присел у ног Марины на корточки, поглаживая её колено. Голос его сделался мягче. — Конечно, нет. Просто длительное пребывание в мужской роли оттягивает назад. И это мне даётся нелегко. И ещё тяжелее видеть, что тебе нравится та часть меня, которую я ненавижу. Тебе это пока сложно понять, поэтому я тебя не виню

и даю тебе время. Может быть, ты и вовсе не захочешь больше ко мне возвращаться после всего...

— Нет, — Марина обхватила его голову руками. — Ты же видишь, я не переменялась к тебе. Поэтому я и хочу пойти тебе навстречу. Помоги мне немного, не отталкивай. Пусть вхождение в твой мир начнётся с чего-то радостного, ведь поход в клуб — это всё же праздник...

Сергей молчал, сжав тонкие губы, крепко задумавшись. Почувствовав, что он колеблется, Марина ещё настойчивее повторила:

— Открой шкаф. Покажи, что там.

Сергей глубоко вздохнул, неторопливо порылся в ящике, отыскивая ключ, и также медленно, нехотя отпер дверцу, заскулившую на старой несмазанной петле.

Осторожно приблизившись, Марина провела рукой по плотно забитому ряду тканей на вешалках. В самом углу висел приталенный пуховик цвета фуксии с оторочкой из искусственного меха. Рядом длинное женское тёмное пальто. За ними тянулись кофточки и джинсы, короткие юбки и несколько дешёвых вульгарных платьев. Если бы Марина не знала подлинной истории этих вещей, она бы подумала, что этот гардероб принадлежит даме нетяжелого поведения, которая в повседневной жизни работает кем-то вроде кассирши или маникюрши, а вечером выпивает в дешёвых, сомнительных забегаловках. С другой стороны шкафа в гораздо меньшем количестве висели мужские вещи — скудный, бедный на цвета гардероб из нескольких футболок, свитеров и простых мужских рубашек. Взгляду со стороны показалось бы, что здесь живёт несчастливая пара, в которой мужчина давно утратил право на голос и личное пространство, а женщина пытается компенсировать через одежду дефицит любви и внимания.

В одном человеке два противоположных первоначала — неразделимо слившиеся и навеки поссорившиеся.

Пройдёт всего несколько часов, как женские вещи медленно поплывут из шкафа. Будут перебираться трепещущими от нетерпения руками. Заполнят пространство обеих комнат. Сожмут квартиру до размера дамского будуара. Сделают Марину маленькой и прозрачной. Её глаза превратятся в большое зеркало, где отразится другая женщина. Она появится не сразу, заставит себя уговаривать и ждать. Но когда она уже здесь, всё вокруг подчиняется только ей. Камила вошла в комнату. Элегантное платье из чёрного гипюра с бледно-лиловой подкладкой плотно обхватывало прямую линию её талии, длинные чёрные волосы распались по бледным худым плечам.

Это платье не выплыло из заточения запертой на ключ Нарнии — оно принадлежало Марине. Вынырнув со дна её чемодана, оно мгновенно приросло к новому телу, словно Марина никогда не была его хозяйкой. Шелест гипюра наполнил пространство, щербатый паркет отозвался мелкой дробью под высокими каблуками. Из Марининых рук выплыли длинные серьги и кулон с кристаллами, заигравшими радугой под светом лампы. Но ещё ярче горели глаза напротив Марины — растворившейся, ставшей зеркалом для другого человека. Она видела этот блеск глаз, видела залившую их счастливую улыбку. Но она не видела Камилу, кружившую по комнате в радостном возбуждении сборов. Первый испуг при виде ожидаемого перевоплощения быстро сменился внутренней слепотой. И вот она снова видит перед собой Сергея, которого больше нет в комнате. Ей нравится, что он улыбается. Сердце отзывается свечению его прежде тяжёлого, сумрачного взгляда. Шелест платья, цоканье каблуков и чёрные ливни длинного парика лишь наполняют её непривычным ощущением игры, внутренней отчуждённостью от момента. Она с готовностью и воодушевлением отдаёт свои вещи, желая сделать приятно тому, кто к этому моменту уже не существует...

— Я позвонила двум нашим, никто сегодня не может. Так что идём вдвоём.

Марина с трудом сдерживает чуть было не прорвавшийся вздох облегчения.

— А Линда?

— Ей я тоже писала... — Глаза Камилы на минуту потухают, становятся жёсткими. — Мы идём вдвоём.

Железные нотки в голосе не дают возможности продолжить диалог, и Марина умолкает.

На расстеленной на столе газете под прицелом светильника дрожащая кисточка неловко скользит по длинному ногтю. Густой тёмный лак растекается бесформенной кляксой, оставляя по краям непрокрашенные борозды. Согнувшись над расставленной пятернёй своей визави, Марина тщетно пытается исправить положение.

— Прости, я не умею красить ногти, сама никогда этого не делаю. Разве что в салоне.

— Хорошо иметь возможность свободно пойти в салон... Может быть, тогда вот этим, золотым полупрозрачным? Им я и сама могу.

Губы Марины вздрагивают, она невольно прыскает, прикрываясь рукой.

— Что ты смеёшься? — Глаза напротив вскидываются, становятся острыми.

— Ничего, прости. Просто ты так серьёзно к этому относишься. В клубе темно, всё равно ничего видно не будет.

— Ну... Это ведь делаешь в первую очередь для себя.

Ватный тампон шустро счищает плоды тщетного Марининого труда, и уже новая кисточка с новым цветом куда быстрее и увереннее скользит по поверхности ногтевой пластины. В этом видна привычка, набитая рука, совершавшая это действие не раз и не два.

— А ты что думаешь надеть? Нам скоро пора выходить.

— Да какая разница, я могу и в джинсах пойти.

— Нет, так не пойдёт. Ты отдала мне своё платье, выбери какое-то из моих.

— Да что ты, зачем...

— Нет! Или я снимаю твоё и мы никуда не идём.

— Ну, хорошо, если ты так хочешь...

Спустя четверть часа Марина появляется на пороге комнаты в скромном чёрном платье с вырезом-каре и рукавами до локтя.

— Ну конечно. Как монахиня.

— В другом я буду чувствовать себя неуютно.

— Это платье моей бывшей. Не в моём вкусе. Но бери, конечно, если оно тебе нравится. Могу даже подарить, — предлагает Камила с дружеской ноткой кокетства, широко улыбаясь.

— Нет-нет, что ты, спасибо. Только на этот вечер...

Две женщины в длинных зимних пальто выходят из дома и под руку идут по ночному городу. Та, что постарше, с любопытством поглядывает на редких прохожих и чуть заметно улыбается. Та, что помладше, несколько неуверенно семенит рядом, больше поглядывая себе под ноги, будто всё время боится поскользнуться. По тому, как она льнёт к руке своей старшей спутницы, вполне можно подумать, что это мама с дочкой поздно возвращаются из гостей. Младшая вкрадчивым голосом предлагает старшей взять такси. Старшая отказывается. Дорого, да и зачем, если метро ещё работает и находится рядом.

Обычная поздняя поездка в метро двух женщин. Ничего особенного. Но для обеих она — как испытание на прочность. Как тяжелейший, нескончаемый экзамен. Ни одна чёрточка на лице младшей не должна выдать ни капли лишних эмоций. Только бодрость и абсолютная безмятежность. С беззаботными смешками она бросает своей старшей

подруге ничего не значащие фразы, будто и вовсе не замечает на себе её внимательного, изучающего взгляда.

— Ты можешь говорить, что подправить, — бросает Марине Камила. — В походке, внешнем виде, в манере держаться. Ты же смотришь со стороны, тебе виднее.

— Поправить? Не знаю, что тут можно поправить. По-моему, всё хорошо.

— Вот вы всегда так. Линда так же всегда отмахивается, дескать, и так сойдёт.

В метро для столь позднего часа довольно много людей и много света. Слишком много света.

Женщины присаживаются рядом в полупустом вагоне. Камила достаёт из сумочки телефон и погружается в переписку. Марина отлично понимает, кто там, на другом конце сигнала. Краем глаза она видит, как в чат летят сердечки и смайлики, но остроты зрения не хватает, чтобы вот так, из-за плеча, разобрать хоть слово, а откровенно полезть глазами в экран чужого телефона ей не позволяет такт. Она уже не раз замечала эти сердечки и смайлики. Они перекидываются сообщениями и утром, и вечером. Возможно, когда её нет, эта переписка вообще не прерывается круглые сутки...

Марине кажется, что мужчина напротив слишком долго и внимательно на них смотрит. Его лицо не имеет ровным счётом никакого выражения. Невозможно понять, что он видит и о чём думает. Но взгляд его задерживается на их лицах так долго, что Марина чувствует себя неуютно. Чтобы прекратить это, она начинает так же прямо и уверенно смотреть ему в глаза, пока тот не опускает взгляд.

Вкрадчивые пальцы Камилы с позолоченными ногтями дотрагиваются до её руки.

— Наша станция. Пойдём.

Замигали огоньки ночного кабаре, как маяки долгожданной гавани после опасного морского путешествия.

Охрана на входе с улыбкой пропускала посетителей через металлоискатель.

— Мадам, добрый вечер! Откройте сумочку, пожалуйста! Здравствуйте, мадам... О-о-о-о!..

При виде Камилы секьюрити заулыбались ещё шире, так что Марина почудилось на миг, что их губы от натяжения сейчас лопнут. Они всё поняли. Без сомнения.

Марина с тревогой взглянула в затылок Камиле, которая в это время суетливо снимала верхнюю одежду в гардеробе. Она явно ничего не заметила.

За гардеробом открывалась просторная лаунж-зона с разлапистыми кожаными креслами. Приглушённая подсветка потолка рассеивала лиловый свет. Оттуда, подсвеченная светодиодной лентой, шла лестница наверх.

— Давай тут присядем пока, можно не спешить. Шоу ещё не началось. — Камила кивнула в сторону кресел и упала в одно из них, закинув ногу на ногу.

— Можешь меня сфотографировать?

Марина достала телефон. Долго прицеливаясь, она поискала ракурсы и несколько раз щёлкнула кнопкой.

— Покажи.

Камила несколько минут придирчиво глядявалась в снимки.

— Этот удали. Этот тоже. Вот этот и этот пока можно оставить. — Она вернула телефон Марине. — Рановато мне фотографироваться, нужно бы несколько пластических операций.

— Что?.. Что ты выдумываешь, какие ещё пластические операции?

— Ну а куда такой нос? И губы тонкие, как ниточки. И складки эти на щеках ужасные маскулинные...

— Нет, ты несерьёзно! — Марина деланно захихикала.

— Почему? Более чем. Ладно, пойдём.

Взяв Марину за руку, Камила повела её по лестнице в просторный зал со сценой и столиками, где официанты принимали заказы у посетителей перед началом представления.

Такое заведение Марина вживую видела впервые. Маленькая Атлантида, затопленная среди питерских улиц. Отдельное микрогосударство, провозгласившее победу мировой сексуальной революции в подполье огромной консервативной страны. Царство Содомы, скажут одни. Сладостный островок свободы, воскликнут другие. Прийти сюда мог каждый, но правило было одно — принимать всех как есть и не фотографировать публику. Здесь каждый мог почувствовать себя в своей тарелке, не опасаясь, что его неправильно поймут. Лесбиянки, геи, обычные подружки-натуралки и заскучавшие семейные пары, желающие развеять свой досуг чем-то остреньким, — все стекались сюда к полуночи, чтобы выпить, потанцевать и посмотреть красочное шоу.

В клубах зеленоватого дыма на сцену выбежали девушки в обтягивающих полупрозрачных трико. Грянула музыка. Змеиные изгибы

грациозных тел ритмично задвигались в такт, постепенно наращивая темп и вводя публику в гипнотическое состояние. Только четверть часа спустя Марина осознала, что все эти умелые танцовщицы на самом деле мужского пола. Она наклонилась к уху Камилы:

— Это что, парни танцуют?

— Да-да, — Камила кивнула, — здесь в шоу только мальчики. Это же гей-кабаре.

Марина хмыкнула с пониманием.

— Хорошо танцуют. Даже не сразу догадаешься. — Она открыла лежавшее на столике меню. — Что бы ты хотел... хотела заказать?

— Не знаю. Бутылку вина и что-то на закуску. Может, возьмём сырное ассорти?..

С каждым глотком вина Марина чувствовала себя всё раскованнее. Непривычная роль сексуального меньшинства, в которой она внезапно оказалась, будоражила и веселила её, вызывая желание шкодить как ребёнок. Она примеряла на себя образ лесбиянки так же, как примеряют карнавальный костюм на Хэллоуин, одновременно веря и не веря в подлинность своего персонажа. Приняв на себя роль джентльмена, она старалась ухаживать за своей дамой сердца, щедро подливая ей в бокал, а потом и вовсе, разыгравшись, стала тихонько хватать её под столом за обтянутые чёрным капроном колени. Обеим дамам, казалось, было очень весело. На сцене тоже было на что посмотреть. Номера сменяли один другой, леди-бои пели под фонограмму и зажигательно танцевали, меняя декорации, костюмы и музыкальные ритмы. В перерывах между выступлениями к зрителям обращалась колоритная ведущая в огромном белом парике, одетая в обтягивающее платье под радужную рыбу чешую...

Огромные груди, губы и ресницы. Немыслимые каблуки и декольте. Ломливая речь и комичная жеманность движений. И веселье, веселье, неиссякаемый заряд оптимизма и безумия, изливающийся на публику снова и снова. Такими представляют трансгендеров бессчётные американские киноленты. Такими представляет их себе большинство простых обывателей. Такими они представляли и здесь, на сцене ночного питерского кабаре. Но это всего лишь травести. Профессиональные артисты, избравшие для себя ампулу противоположного пола, которое они оставляли за кулисами после каждой ночной смены. Ловко и привычно они каждый раз, как сбрую, цепляли на себя пышную резиновую грудь, покрывали лицо и шею толстым слоем грима, водружали на голову парики и облачались в откровенные, вызывающие наряды,

чтобы веселить и развлекать до самого рассвета. А утром они снова превращались в скучных, повседневных, ничем не примечательных мужчин, которые шли домой отсыпаться после тяжёлой работы. Кто ждал их дома? Как жили они посреди бела дня? Что заставило их избрать такое амплуа? Гомосексуальность? Неудавшаяся актёрская карьера? А кого-то, может, необходимость кормить детей от самой обычной, вполне натуральной жены?.. Мысли об этом проплывали в голове Марины как бы параллельно её весёлому увлечению происходящим, словно раздваивая её личность на куролесающую и созерцающую. Это чувство раздвоенности постепенно становилось для неё органичным, близким к естественному. Призрак Сергея, который неотступно следовал за ними с Камиллой по пятам, пополнялся призраком её собственным — задумчивым, молчаливым, печальным и проницательным.

Каждое слово леди-конферансье подкашивало неприветливый зал новым и новым приступом хохота. Спускаясь в зал, она вступала в комические диалоги с публикой:

— Ты сюда с кем пришла? С подружкой? Ну, вы хоть лесбиянки? Чо, натуралка!!? Фу, да иди ты в жопу тогда! А там у нас кто?.. О-о-о, вот эта сладкая парочка точно меня не подведёт! Ребятки, что отмечаем?..

Она была энергична, голосиста и необычайно вульгарна. Под стать всему, что происходило во время шоу. Сальные шутки обильно пересыпались нецензурной бранью, танцы не обходились без элементов стриптиза. Всё здесь каждую минуту напоминало о том, что сюда приходят не за простым весельем, а за бесконтактной сексуальной разрядкой. Антракты наполнялись танцами. Подвыпившие однополые пары, среди которых было подавляющее большинство мужчин, не стеснялись выражать на танцполе своё расположение друг к другу. Обхватив Камилу за шею и склонив голову ей на плечо, Марина кружилась в медленном танце. Веки сами собой опустились. Клуб исчез.

...Марина танцевала, склонив голову к плечу, прикрыв глаза. Пышные юбки белого свадебного платья нежно шуршали от её движений. Глаза Алексея, её юного новоиспечённого мужа, казалось, вбирали её всю, жадно поглощали её лицо, отчего по телу пробегала приятная волна мурашек. Они чувствовали прикованные к себе взгляды гостей, слышали обращённые к ним радостные возгласы и аплодисменты. Но им казалось, что они одни. Совсем одни не только в этом зале, но и на всей планете, которая плыла и кружилась вместе с ними, в одном с ними ритме, только для них двоих... Это было десять лет назад. Как будто в другой жизни...

— Мне кажется, на нас смотрят. — донёлся до Марининого слуха шёпот Камилы. Она открыла глаза.

— Ну так пусть смотрят. Здесь все, как мы.

— Нет. Разве ты не видишь, мы даже здесь выделяемся. Обычно мы приходим целой компанией. А в одиночку мне неуютно.

В этот момент, словно в подтверждение прозвучавших слов, изрядно выпивший посетитель за барной стойкой остановил на Камиле осоловевший взгляд, прищурился, будто вглядываясь, и тут же счастливо улыбнулся, поднимая вверх запотевшую рюмку. Сомнений не было. Он понял.

Марина с тревогой взглянула на Камилу. На её лице не отразилось никаких эмоций, так что Марине не удалось понять, заметила она или нет.

— Шоу продолжается, — бросила Камила ей с подчёркнутой лёгкостью. — Пора вернуться за наш столик.

— Ох... Здорово сходили, было весело! Только усталость навалилась, спать хочется...

Марину слегка мутило от бессонной ночи и выпитого вина. Она повисла на плече у Камилы, стоя нетвёрдыми ногами на безлюдном эскалаторе, сползавшем в пустыню недавно открывшегося после ночного перерыва метро.

Её губы потянулись в поисках поцелуя.

— Ты что это?..

— Но здесь только мы...

Две фигуры, слившись, замерли, обхватив друг друга руками. Эскалатор медленно продолжал ползти мимо круглых фонарей и рекламных щитов.

— Эй! Это что там?! Лесбиянки, что ли?! Фу-ууу! Фу, позор!

Марина быстро обернулась. Непонятно откуда возникшая группа подвыпивших мужчин улюлюкала и гневно махала в их сторону, быстро удаляясь на параллельном эскалаторе вверх. Реакция была бессознательной, моментальной. Рука Марины вскинулась в сторону обидчиков, выставляя средний палец.

— Слышь, овца! — снова закричал, уже свирепо, один из мужиков, начиная сбегать вниз против хода уползающих ступеней. — Я сейчас тебе этот палец вырву и в жопу засуну!

— Не отвечай. Идём быстро!

Камила схватила Марину за руку и резко дёрнула её вниз, заставляя почти бежать до самого конца, пока они не оказались на станции.

— Да пусти, зачем мы бежим, — Марина сопротивлялась, стараясь вырваться. — Я их не боюсь, пусти, пусть только эти козлы сунутся!

— Прекрати! — Камила тряхнула Марину за плечо и повлекла вглубь станции к подъезжавшему вагону. — Это не шутки! Такие столкновения опасны!

Чуть успокоившись и переведя дух, они закачались в пустом вагоне.

— В клубе это одно. А за его пределами нас ненавидят! Особенно таких, как я, таких — больше всего. Они-то нас за лесбиянок приняли, а к ним ещё неплохо относятся. Сколько лесбух мне встречалось, все наглые, самоуверенные. Позволяют себе даже открыто держаться на людях. Геи уже совсем иначе себя ведут, боятся. А трансы... Трансы — там, в грязи, на самом дне. Как крысы, вынуждены всё время прятаться. Даже к врачу решаются пойти только к проверенному, который в теме и не оскорбит, не выгонит с приёма со скандалом. А на улице где-нибудь в безлюдном месте вообще избить могут до полу-смерти.

— Тебя что, тоже били?.. — Марина при мысли об этом вся внутренне ждалась.

— Ну, так, было пару раз. Ночью по дороге из клуба сзади нападали. С ног сбивали, срывали парик. Даже лица их не удавалось увидеть. Но это называется ещё легко отделаться. Так, пара синяков, разбитое колено...

Марина подавленно замолчала, стиснув ладони.

Остаток пути они проехали в тишине.

— Ш-ш-ш-ш!.. Малыш слишком активный для того, кто только что хотел спать...

— Не хочу... Соскучилась по тебе...

— Но мы весь вечер были вместе.

— Нет-нет, дай ещё раз обниму, очень по тебе соскучилась...

— Ну вот, малыш не хочет спать, а у меня глаза слипаются, как же так...

— Ну, тогда спи, котик...

— Ты не обидишься?..

— Нет, конечно, спи. Люблю тебя. Спи...

— Серёжа... Серёженька... — Тонкая девичья рука сквозь сон требовательно похлопала по пустой подушке рядом. Марина потёрла зашпанные глаза. За окном стоял полдень. Повернув голову к окну, она

увидела со спины силуэт Сергея, сосредоточенно склонившийся над ручным зеркалом. Радостно улыбнувшись, она позвала его по имени, но как только фигура повернулась на стуле в её сторону, Марина сразу поникла. Сергея по-прежнему не было в комнате. В коротком малиновом халатике с цветочным рисунком сидела Камила. На ней не было ни косметики, ни парика, тёмные волосы с проседью были небрежно перехвачены сзади розовой резинкой. В позолоченных вчерашним лаком пальцах она держала пинцет, и в свете дня на подбородке ясно виднелись красные пятнышки от проводимых ею безжалостных косметических процедур.

— Полдня сидеть выщипываться, весь подбородок в зарослях.

— Что ты выдумываешь? Я же трогала твоё лицо, ещё на рассвете оно было совершенно гладким.

— Угу. Для мужчины может быть. — Камила капризно уставилась на себя в зеркало. — Когда тестостерон издевался над тобой столько лет, выкорчевать все эти бесчисленные чёрные пни с лица практически невозможно! Из-за десятилетия щетина так искалывает кожу, что вся зона вокруг рта становится пористой и отличается по цвету от щёк...

Приподнявшись на локтях на подушке, Марина вдруг почувствовала, как на неё наваливается похмелье. Выстрелом в голову по вискам и затылку разлилась резкая колющая боль, к горлу подкатил комок рвоты.

Быстро устремившись к унитазу, Марина застыла над ним словно в нерешительности. По животу вверх пробежал спазм, за ним другой. Так и не извергнув из себя содержимого, желудок понемногу стал успокаиваться. Умывшись и освежившись как следует, Марина постояла у раковины перед забрызганным высохшими водяными каплями зеркалом, глядя в свои суженные зрачки, как в чужие. Затем тихо проскользнула обратно в комнату. Камила всё также сидела, изучая отражение своего подбородка. Она ничего не заметила.

— Уже полдень. Ты вряд ли захочешь весь день просидеть дома, тем более что завтра развлекаться возможности уже не будет, мне надо на работу. Так что давай быстро позавтракаем, или, вернее, уже пополдничаем, и можем куда-нибудь отправиться, куда ты хочешь.

Марина безразлично пожалала плечами:

— Не знаю. Музеи уже порядком надоели, а просто гулять холодно.

— Тогда, может, хочешь устроить шопинг? Тебе ничего не нужно?

— Вроде нет... Хотя я думала присмотреть себе лёгкую куртку. На весну. Но я не думала сейчас...

— Ну вот и прекрасно, — не дослушав, перебила её Камила, — мне тоже надо посмотреть кое-что. Ты бывала в «Галерее» на Лиговском?..

В Питер неожиданно пришла оттепель. Давящее серое небо впервые за много дней расступилось и выпустило из прорезавшейся синевы бледный свет далёкого солнца. Под его лучами грязные снежные сугробы на обочинах набухли от воды, отяжелели, покрылись хрупкой леденистой корочкой. Ветер поутих и теперь казался не таким промозглым. В воздухе впервые будто запахло весной.

Они шли по залитой светом улице, Маринина рука крепко, но безучастно, скорее машинально сжимала ладонь Камилы. С деланной живостью Марина смотрела по сторонам, избегая лишний раз поворачивать голову в сторону своей спутницы. По случаю хорошей погоды Камила достала из шкафа приталенную стёганую куртку цвета фуксии, едва прикрывавшую поясницу, а на перехваченные заколкой искусственные чёрные кудри вместо вязаной шапки надела модную джинсовую кепочку. Накладки на бёдра, спрятанные под расклёшенными джинсами, визуально расширяли таз, что, по её собственному выражению, придавало со спины «более убедительный вид». Но размашистый шаг, с прямыми коленями и упором на пятку, вступал в резонанс с гламурной женственностью выбранного наряда.

Марина злилась. Всё внутри клокотало от раздражения. То, что в ночи походило на весёлое, щекочущее нервы приключение, при свете дня казалось нелепым, абсурдным и отвратительным. Вместо того, чтобы выйти из дому сразу после полудня, они устало выползли только в обед. Сборы Камилы заняли добрых три часа, за которые она измучила Марину бесконечными придиричивыми вопросами, какие украшения надеть, как подправить макияж и что ещё придумать, чтобы «было убедительно». Первый час Марина честно пыталась советовать: они убрали локоны парика назад и распускали их снова, меняли ботинки на сапоги и наоборот, примеряли шапочки и шарфики. Но после нескольких попыток Марина сдалась и сказала, что всё прекрасно — сделать ничего было нельзя. Рядом с ней по центральному улицам северной столицы у всех на виду шёл раскрашенный трансвестит. Его лицо, покрытое слоем тонального крема в полмизинца толщиной, прикрывал козырёк кепки и большие квадратные очки с дымчатыми стёклами (догадались надеть в последний момент!), но даже эта маскировка не спасала, а только больше привлекала внимание к неопределённому существу, походившему на городского сумасшедшего. Так

думала Марина, с тревогой поглядывая на прохожих, пытаюсь понять их реакцию, каждую минуту опасаясь неприятного инцидента.

Вслед за Камиллой она бродила по ломаным лабиринтам многоуровневой «Галереи», бутики которой по большей части были им недоступны по ценам. Но Камила хотела посмотреть на вещи, и Марина покорно изображала заинтересованность, отдавая все последние силы игре в естественность. Среди дорогих магазинов изредка встречались и те, где можно было найти что-то и на худой кошелёк. Там они задерживались особенно долго. Бродя в нерешительности между полок с дешёвым китайским ширпотребом, Камила то брала в руки понравившуюся обувь, то ставила обратно.

— На весну что-то нужно взять, но денег в обрез. Не ошибиться бы...

Пока Камила мучилась выбором, Марина присела на скамейку, рассеянно наблюдая за примеркой.

— Может быть, эти полусапожки?

— Думаю, они неудобные. Возьми лучше те, что справа.

— Без каблука?

— Зато устойчиво. И почти полностью можно будет прятать под джинсы.

— А почему сразу джинсы? Почему ты вариант с юбкой не хочешь рассматривать? — Камила остановила на Марине взгляд, который уже был той хорошо знаком. Цепкий, пронзительный. Под его темнеющей тяжестью на секунду пробирал озноб, становилось неудобно.

— Ну а что тебя в сочетании с юбкой смущает? — как можно непринужденнее парировала Марина. — По-моему, прекрасно.

— Да, прекрасно... Всегда всё прекрасно...

Казалось, это никогда не кончится. В магазине к ним то и дело подходили консультанты. Кассирша бесконечно долго пробивала чек на обувь. Продащица в чайной лавке, куда Камила пожелала заглянуть по пути домой, подходила к ним почти вплотную, чтобы дать понюхать различные сорта чая...Каждый раз Марине мерещилось, что на Камилу смотрят слишком долго и напряжённо, каждый раз она в душе проваливалась сквозь землю, не в состоянии определить, действительно ли посторонние понимают, кто перед ними, или ей так кажется только потому, что сама она знает правду...

Неприятный инцидент, которого Марина так опасалась, случился уже почти у самого дома, когда оставалось лишь повернуть за угол и скрыться за железными воротами двора.

— Бе-зу-ми-е за-ра-зительно! — раздался у самого уха нарочитый хриплый голос, и Марина увидела наскочившую на них откуда ни возьмись низенькую тучную старушонку. Старушонка смотрела в упор злыми пороссячьими глазками и сама, казалось, была не в своём уме.

— Что, простите? — с вызывающим смешком переспросила Камила, не останавливаясь.

— Бе-зу-ми-е! — повторила старушонка им вслед. — Почитайте библию, где сказано...

— Ладно, ладно!

Ускорив шаг, Марина уже не расслышала последних слов старухи, но беспокойно посмотрела на Камилу.

— Ничего, — Камила с натяжкой ободряюще ей улыбнулась. — Она приняла нас за лесбиянок. Мы слишком демонстративно шли, взявшись за руки. Это привлекает внимание.

Марина кивнула и ничего не сказала, но про себя подумала другое.

Вечер дома выдался молчаливым. Камила засела за компьютер и погрузилась в работу над заказанной музыкальной обработкой песни. Марина, чтобы занять себя чем-то и не думать, раздобыв тряпку, принялась вытирать пыль и разбирать мелкий хлам, скопившийся в каждом уголке этой тщедушной квартирки, готовой, казалось, в любую минуту развалиться, как карточный домик.

Дойдя до подзеркальника в прихожей, она под горой тряпья нашла стопку старых CD-дисков. Она взяла тот, что лежал сверху, взгляделась в него и опустилась на корточки, прислонившись спиной к стоявшей позади неё стиральной машине. С помятой обложки на неё смотрел молодой Сергей Волков. Совсем не такой, каким он представлял даже в ампула видеоблогера — щуплым интеллигентом в очках с худым, всегда как будто немного усталым лицом. Нет, с фотографии на неё смотрел сексапильный рок-музыкант в расстёгнутой чёрной рубашке. Длинные чёрные волосы взлетели вверх, энергичное танцевальное движение с электрогитарой наперевес застыло в вечности.

— А, ты нашла это старьё? Мы с ребятами записывали этот диск лет пять назад. Тогда мы ещё думали, что из нашей группы может что-то получиться.

— Диск только один?

— Нет, почему, было ещё несколько. Последний я записал два года назад, после этого забил. Концертов почти не было, нас никуда не приглашали. Никому мы не были нужны.

— Я возьму послушать?

— Конечно. Забирай все диски, какие найдёшь. Хотя они безнадежно устарели, куда удобнее mp3. У меня есть, если хочешь, я тебе запишу.

Марина кивнула.

Она почувствовала, что одолевавшие её днём раздражение и злоба, затихнув было на время, теперь накатывают с новой силой. Она исподлобья наблюдала, как Камила, чуть сутулясь, ходит мимо неё на кухню или в ванную, как заваривает купленный в лавке чай, готовит бутерброды для позднего ужина. В своём коротком малиновом халатике без рукавов она походила на старую шлюху, нелепую и отталкивающую. Шлюху, укравшую у неё любимого, желанного мужчину. Если бы не эта напасть, он мог бы и сейчас, в свои сорок пять, выглядеть так же молодо, бодро и привлекательно, как на той фотографии, что она нашла в прихожей. Его глаза так же горели бы огнём творческого энтузиазма, а тело излучало здоровье и желание жить. Но под гнётом этой ведьмы, засевшей в его теле, как сосущий паразит, её возлюбленный высыхал, потухал, выцветал на глазах, и вот теперь должен был полностью исчезнуть, рассыпаться по кусочкам, пожранный этой стареющей уродиной, которая едва ли когда-нибудь сможет как следует походить на женщину...

Сославшись на головную боль после бессонной ночи, Марина пораньше отправилась спать и выключила свет, пока Камила ещё продолжала сидеть за своим рабочим компьютером.

...Мотоцикл нёсся по пустынной дороге вдоль бескрайних зелёных лугов. Марина, сидя спиной к движению, видела лишь краем зрения окружающее их зелёное полотно и пыль, летящую на скорости из-под заднего колеса. Напротив сияло лицо Сергея — весёлое, помолодевшее, в копне треплющихся по ветру длинных тёмных волос... Он вёл этот летящий в неизвестность мотоцикл, но так же смотрел не на дорогу, а только на неё, на неё одну, обхватившую, как паук, его торс руками и ногами. И в этом удивительно ярком, живом, западающем в память сне не мелькнуло и тени страха, что они вот-вот разобьются...

— Ты уже встала?

Марина подняла глаза, и маленькая птичка в груди быстро-быстро затрепыхала крылышками, мелко-мелко застучала клювиком по рёбрам, разливая по телу радостный мандраж. Перед ней снова стоял Сергей. Свежий, утренний, казалось, вполне благодушный. Он был необычайно симпатичен в простой клетчатой рубашке и прямых серых

джинсах, маленькие прямоугольные очки, как и раньше, смягчали его взгляд, завершая милый ей образ питерского интеллигента.

— Сегодня длительные съёмки. Линда договорилась одну новую группу попиарить за деньги. Так что придётся целый день косить под мальчика, — обратился Сергей к Марине, которая уже успела умыться, принять душ и заканчивала приготовления к завтраку.

— А я могу поехать с тобой? Пожалуйста! Мне бы очень хотелось!

Сергей замялся.

— Я не знаю, надумает ли сама Линда приехать на съёмки. Она опять с утра принялась крутить непонятное кино, в своём обычном репертуаре. А так-то я не против, чтобы ты поехала, мне даже будет приятно. Хочешь, поручу тебе роль закадрового интервьюера? Вопросы уже готовы.

Марина радостно закивала и, подбежав к присевшему за стол Сергею, крепко обхватила его сзади за плечи.

— А кому ты пишешь? — Марина заглянула из-за его плеча в телефон, где быстро плыли новые сообщения.

— Линде. Пишу, что ты хочешь поехать.

За те секунды, что экран телефона оставался в поле зрения Марины, она успела прочитать только последнее короткое сообщение:

«Мур, бери малышку. Я не собиралась».

Но ещё острее в глаза бросилась аватарка в чате — в жёлтом квадрате знак инвалида.

— Это что? — ткнула пальцем в картинку Марина.

— А, — Сергей чуть поморщился, — это Линда себе вместо фото в мессенджере поставила. Она так шутит.

— Своеобразное чувство юмора.

Сергей со вздохом горько усмехнулся:

— Ну а кто мы с ней, по большому-то счету?..

Быстро проглотив кофе, Марина побежала одеваться. Её охватило восторженное желание быть для Серёжи сегодня самой красивой. Среди вещей, с избытком привезённых ею из Москвы, нашлось элегантное серое платье миди — по-деловому строгое и в то же время очень женственное. Она быстро, но тщательно нарядилась, дополнила образ маленькими золотыми серёжками и закрутила густую бронзу волос в аккуратную ракушку на затылке.

Она вышла в коридор полностью готовой ещё до того, как Сергей успела раздражить продолжительность её сборов, но в дверях он стоял уже полностью одетый. Она игриво покружилась у него перед носом.

— Угу.

Увидев, что взгляд Сергея лишь скользнул по ней, а уголок губ досадливо дёрнулся вниз, Марина сразу поникла и пристыженно, будто осознав, что сделала глупость, стала обуваться.

Погода стояла ясная уже второй день. Второй день седой город на Неве давал надежду на скорое возвращение тепла. Мощная река голубела широкими размывами среди тронувшегося льда, опрокидывая в себя мосты, дрожащую геометрию зданий и светящееся молочное небо. Счастье бытия делало шаг Марины лёгким и быстрым, она то и дело высвобождала руку из Серёжиной ладони и обнимала его за плечи, прижимаясь лбом к его старенькой чёрной куртке.

— Я не хочу, чтобы Линда продолжала от меня прятаться. Ведь она только из-за меня на съёмки не пошла. — После того, как Марина заметила аватарку Линды со знаком инвалида, её охватило чувство щемящей жалости, заглушившей на время её неприязнь. Несчастный, несчастный человек. Такой же потерянный, страдающий и одинокий, как и тот, что теперь был ей так дорог. Как тот, кого она теперь так мечтала спасти и сохранить для себя. — Нужно положить конец её обидам. В знак примирения я хочу сделать ей подарок.

Схватив Сергея за руку, Марина затащила его в первую же ювелирную лавочку.

— Что она предпочитает — жёлтый металл или белый?

— Белый.

— Отлично! Смотри, какие чудные подвески из серебра! А может, вот это кольцо? Девушка, не покажете нам поближе вон тот перстень?

Широко улыбаясь, продавщица-консультант отперла витрину и достала из-под стекла крупное серебряное кольцо с завитками, напоминающими львиную гриву.

— У вашей девушки отличный вкус, — улынулась она Сергею.

— Я не для себя, — быстро поправила её Марина и взглянула на Сергея вопросительно: — Как думаешь, ей понравится? Мне кажется, это кольцо ей подходит. Стильное, заметное, с перчинкой.

— Думаю, понравится.

Взяв кольцо, Сергей попробовал надеть его себе на палец.

— Мы смотрим для подруги, у меня с ней один размер, — быстро бросил он продавщице, брови которой при виде его жеста изумлённо поползли вверх.

Улыбнувшись клиентам ещё шире, консультант кивнула.

Заплатив, Марина торжественно передала Сергею перевязанную лентой коробочку с наставлением непременно вручить подарок Линде при первой же возможности.

Водоворот съёмов закрутил Марину, наполнил драйвом, насытил её пустоту новыми лицами, звуками, бодростью незнакомых энергичных голосов. Правда, музыка, которую исполняли эти молодые люди, совсем не понравилась ей, показалась плоской и примитивной.

— Они платят, — равнодушно пожал плечами Сергей на её вопрос. — Для Линды это самое главное, остальное не имеет значения.

— Но для тебя ведь имеет, и большое.

— Меня вообще всё это больше не интересует. У Линды теперь в руках бразды правления, пусть она и решает, что с этим делать. После перехода я всё равно не смогу остаться в прежней роли. Каждый раз косить под мальчика — нет уж, спасибо, это откат...

Когда их не слышали, Сергей продолжал говорить о себе в женском роде. Но это настолько не сочеталось с ним в тот момент, с ним — таким настоящим, будто возвратившимся из мира теней, что Маринин слух отказывался воспринимать эти глагольные окончания на «а», переводил их в разряд недоразумения, банальной речевой ошибки. Под вечер, когда усталость взяла своё, Марине хотелось только одного — поскорее оказаться дома, растянуться на старом прохудившемся диванчике, крепко сжав в объятиях дорогого человека, и вместе посмотреть какое-нибудь кино — любое, на его выбор, лишь бы можно было просто чувствовать его рядом, делая вид, что следишь за сюжетом фильма...

— Такие дни становятся всё тяжелее. Снова изображать из себя мужика... — Камила вошла в комнату в своём неизменном малиновом халатике.

Марину сразило резкое головокружение. Она снова почувствовала, что её сейчас вырвет.

— Что с тобой?

— Всё нормально... — Марина на мгновение прикрыла глаза. — Всё нормально, просто ты мог бы... — Она запнулась, подбирая слова. — Мы могли бы отдохнуть от всего этого хотя бы один вечер... То есть... В общем, дома не обязательно ходить всё время так, ведь правда?.. Мне сложно так... когда постоянно...

— Ясно.

Воздух в комнате стал тяжёлым. Марина сразу испугалась и пожалела о вырвавшихся словах. Но было уже поздно. Камила вышла,

в комнату вошёл Сергей. Вернее, то был призрак Сергея. Мрачный, как грозовая туча, он скорее походил на фантома из преисподней, чем на милого интеллигента, который ещё пару часов назад стоял за камерой небольшой студии. Лицо его было бледным, потемневший лихорадочный взгляд беспокойных глаз, казалось, смотрел, не видя.

— Всё ясно. Я должен был сразу понять. Ты держалась хорошо, поздравляю. У меня даже мелькнула надежда, что ты сможешь меня принять. Что у наших отношений есть будущее. Всё ложь... Всё игра...

— Послушай... — Марина умоляюще сложила руки, не зная, как исправить положение. — Я ведь не против выходить с тобой на люди, когда ты в женской одежде. Ты же видишь, моё отношение к тебе от этого не изменилось. Я лишь прошу небольшого компромисса...

— Вот именно! — Сергей, не глядя на неё, скорчился на стуле, как от боли, и резко перебил её на крик. — Не изменилось, а должно было измениться! Понимаешь?! Должно было!

— Ты хочешь всё и сразу, а так не бывает! Мне нужно время, чтобы привыкнуть...

— Я сам виноват, — не слушая её, продолжал Сергей, с крика перейдя на приглушённый, размеренный темп, будто обращался уже не к ней, а к самому себе. — Сам виноват. Не нужно было ничего рассказывать. Может, тебе надоело бы вскоре, ты бы меня бросила. И не было бы такой боли. Не было бы разбитой надежды, что нашёлся человек, готовый меня принять... Зачем я только согласился идти в этот клуб! — снова повысил он голос. — Понятно же было, что ты воспримешь всё как игру! А для меня это не игра! Слышишь?! Не игра!!! Не игра!!!! НЕ ИГРА!!!!!!!!!!!!!!

Он снова кричал на неё, кричал так, что Марина по-настоящему испугалась. Живот свело, из глаз брызнули слезы.

— Я понимаю, чего ты хочешь! Ты хочешь мужика, верно?! А если ты хочешь, значит, я обязан им стать! Обязан! Только вот я решил отказаться от всего гораздо раньше, чем появилась ты! Я решил, я это сделал! И тут мне сваливается на голову дамочка! Вся в своих фантазиях! И я тут же должен бросить всё и вернуться туда, откуда сбежал?! Ты ведь этого хочешь?! Этого?!!

— Извини, но... — Марина отёрла слёзы и пробовала сдержать дрожание в голосе, заговорить твёрдо. — Извини, но ты сам пошёл на сближение со мной. Никто тебя не заставлял. Ты взрослый человек, Сергей. И за отношения, в которые вступил, несёшь не меньшую от-

ветственность. Ведь это твой выбор был не сказать мне ничего с самого начала! Неужели ты не понимаешь?! Я полюбила мужчину, которого у меня теперь отбирают по кусочкам! А ты... ты, вместо того чтобы понять мои чувства, пытаешься ломать меня через колено! Сделать из меня то, что удобно тебе!

— Ломаю через колено? Чудесно! Теперь я ещё и бесчувственная сволочь! А не быть сволочью — значит, стать таким, как удобно тебе? Я бы рад — но я не могу, понимаешь?.. Я пробовал много раз, всю свою жизнь боролся с собой — ничего не получается! Да, нужно было тебе сразу сказать всю правду. И это тоже моя вина. Но не только я виноват! Не говори, что только я во всём виноват. Ведь ты же сама попросила показать тебе Камилу! Сама настаивала! Я показал, это была ошибка. Больше не повторится. Ничего не получилось... Ничего...

Марина сидела, еле дыша. В груди заняла щемящая жалость. Гнев и испуг, охватившие её минутой ранее, отступили, и вместо них накрыло чувство вины.

— Прости меня. Прости...Давай забудем мои опрометчивые слова... Конечно, ты можешь одеваться и дома, как ты хочешь, я просто должна привыкнуть...

— Забудем?.. Да как это можно забыть?!.. — Сергей истерически расхохотался, прикрыв ладонями побледневшее лицо. — Даже сейчас, когда я снова и снова пытаюсь тебе объяснить, как для меня это важно, ты говоришь, одевайся как хочешь. Но не в одежде ведь дело, пойми! Не в том, во что я одет, а в том, кто я для тебя. Как ты меня воспринимаешь, кого видишь во мне. И ты даже не понимаешь, как только что унизила меня, как показала мне моё истинное место. Больной на голову мужик, «одевайся как хочешь»... Я чувствую себя полным ничтожеством сейчас... «Ты, чмо, обезьянья рожа, да куда ты лезешь! Какая из тебя может быть женщина, не смеси людей!» — вот что теперь звучит в моей голове после твоих слов, вот что теперь я буду видеть в каждом твоём взгляде, жесте, интонации... Я и вчера почувствовал это, когда мы были в магазине. Да, трансы очень чувствительны, их невозможно обмануть. Я видел твой растерянный взгляд, когда я мерил сапоги. Ты озиралась по сторонам, боясь, что кто-то обратит на нас внимание. Тебе было стыдно со мной, вот что! Но я был так ослеплён надеждой, что не понимал этого, не желал, не желал понимать! И это твоё «Серёжа» как только мы остаёмся одни, и снова мужской род... Всё же было ясно сразу, всё было ясно...

— Да ведь ты сам сейчас говоришь о себе в мужском роде!

— А как я иначе могу говорить о себе, если ты видишь во мне мужика?! Мужик, который говорит о себе в женском роде?! Мужик, который одевается как баба?! Что может быть отвратительнее и позорнее этого!.. Ты подпустила меня поближе, заставила раскрыться, а теперь наносишь мне удар ножом прямо в спину. Наносишь смертельный удар и даже сама этого не понимаешь!..

— Не говори так. — Марина попробовала успокоить его прикосновением, но рука его была бесчувственной, чужой. — Тебе не нужно стыдиться. Ты имеешь право жить как хочешь. Но подумай о себе, о своём будущем. Как ты будешь зарабатывать на жизнь? Где жить, с кем общаться? Ведь у тебя нет никаких сбережений, нет даже собственного жилья. Найти новую работу не так просто. Тем более в том положении «перехода», о котором ты говоришь. Ведь это уже не просто ходить по улицам, где в тебя не вглядываются, это необходимость долго общаться с людьми! Как можно так опрометчиво разом отказаться от всего, даже не продумав, как жить дальше? Если бы ты согласился вот на такое двойное существование — одеваться женщиной, когда есть возможность, но быть мужчиной на работе или со старыми знакомыми, — это было бы намного легче...

— Кому?! Кому было бы легче?! Ты вообще не понимаешь, о чём говоришь! Каждое твоё слово только ещё больше повергает меня в отчаяние! Теперь ясно, что ты просто не способна меня понять!.. Ты сейчас снова занимаешься тем, что отговариваешь меня от перехода. А значит, ты будешь всё время тянуть меня назад, всё время! Линда предупредила меня об этом, но я надеялся как дурак... Это безнадежно...

Он на время умолк, Марина тихо плакала.

— Если бы ты знала, как это ужасно, всю жизнь жить не собой... — вновь заговорил Сергей после некоторого молчания. Он как будто успокоился, сник, взгляд его из подвижного, лихорадочного вновь превратился в пустой, потухший. — Каждый день видеть в зеркале лицо, которое ненавидишь, исполнять роль, которая тебе чужда. Без малейшей надежды вырваться из этого порочного круга... каждый день... каждый день... Мне нужно было так немного. Мне казалось, это немного — просто чтобы ты приняла меня. Знаешь, я был у пластического хирурга. Он сказал, что в моём случае надо менять всё — щёки, нос, надбровные дуги. Раскромсать всё лицо за космическую сумму, которой у меня нет и никогда не будет. Но гораздо хуже другое. Он сказал, что и это всё бесполезно. Что ничего из меня сделать не полу-

чится. Он заживо похоронил меня, понимаешь? Прямо в своём кабинете! Но я бы наплевал на его слова, наплевал на любые препятствия, если бы только ты одна в меня поверила. Одна — против всего мира. Этого мне было бы достаточно... Но не будем больше об этом говорить. Давай вообще оставим эту тему и никогда не будем к ней возвращаться. Не хочу больше питать никаких иллюзий. Как бы ты ни старалась снова лгать, я больше не верю тебе...

Колеса поезда мерно застучали по металлу. На нижней полке купе в уголке съёжилась Марина, обхватив руками поджатые к подбородку колени. Город-призрак, убегая от неё всё дальше по шпалам, таял в ночи. Город, в который ей незачем было возвращаться.

Нет, они не расстались. Ни у него, ни у неё не хватило духу сказать твёрдое «прости», поставить точку. Они оба по негласному сговору оставили соединяющий их мост неразведённым. Он даже нашёл в себе силы обнять её на прощание: «Помни, что ты ни в чём не виновата. Не твоя вина, что я таким родился».

— Марусь, давай съедим творожок, а Марусь?

Молодая пара с малышкой лет двух, ехавшие с Мариной в одном купе, деловито суетились у столика на нижней полке напротив. Прехорошенькая девчушка со светлыми кудряшками, как у маленького барашка, была удивительно похожа на мать. Державшая её на руках женщина была моложе Марины, ей едва ли исполнилось двадцать пять, но чувство ответственного материнства, переполнявшее каждое её движение, делало её взрослее и как будто давало ей превосходство над другими. Прежде всего, это было превосходство над молодым мужем, который услужливо, почти благоговейно натягивал носочки на воробьиные ножки дочери, в то время как та норовила пнуть папину руку и выплюнуть на стол творог, который мама сосредоточенно записывала ей в рот.

Самая обычная, нормальная семья, думала Марина. Они бы наверняка потребовали немедленно переселить их в другое купе, узнай они, с кем и как их случайная попутчица проводила последние дни...

Без сомнения, ей незачем было снова возвращаться в этот мрачный северный город. Город демонов, горгулий и химер, царство патологического сна, чудовищного болезненного наваждения... Но как ей жить теперь? Как делать вид, будто ничего не было? Притворяться, будто она прежняя, хотя она твёрдо знала, что изменилась навсегда. Отныне она всегда будет чувствовать себя изгоем. Отверженной от мира

нормальных людей, которые казались ей теперь слишком простыми, слишком понятными и плоскими. И она сама отвергала их, потянувшись к миру патологического непознанного. Она покидала Сергея, но его призрак уезжал вместе с ней. С ней он войдет в её сиротливый дом. С ним и только с ним она будет разговаривать каждый день и каждую ночь. Снова. Снова. Снова...

Продолжение — в следующем номере

ОБ АВТОРЕ

Марианна РЕЙБО — прозаик, публицист, кандидат философских наук. Родилась в 1987 г. в Москве. Окончила факультет журналистики и аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор мистико-реалистического романа «Письмо с этого света» (2015), ставшего бестселлером издательства «Вест-Консалтинг». Вторая книга, фантастическая повесть «Нано» (2018), была отмечена Международной литературно-общественной премией «Литературный Олимп». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022», дважды лауреат журнала «Зинзивер» (проза) и газеты «Литературные известия» (литературная критика). Дипломант Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2019, 2021) и I ММЛК «Веское слово» (2020) в номинации «Проза». Публиковалась в журналах «Нева», «Знамя», «Причал», «Зинзивер», «Гостиная», «Дети Ра», «Российский колокол», «Литературный Иерусалим», «Наука и религия», в газетах «Литературные известия», «НГ-Exlibris», «Поэтоград», «Литературная Россия» и др. Главный редактор нескольких литературных альманахов, член нескольких творческих союзов.

Татьяна ВОЛЬТСКАЯ
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Свет вырубился. Мы зажгли свечу,
Печь растопили, подогрели кашу.
Вокруг внезапных огненных причуд
Раскинулись по стенам тени наши,

А наши мысли вышли из углов.
Дождь кончился, в окно стучался ветер.
В печи дышала гроздь багровых дров,
Ведро воды сипело, как Дарт Вейдер.

И потянулись к нашему столу
Гуляки, зависающие в клубах,
Мазурики, прилипшие к стеклу,
Раскольники, сгорающие в срубках,
Монахи, старцы, странники, хлысты,
Философы, филологи и волки,
Глядевшие на нас из темноты,
И парень с Че Геварой на футболке,

А прочий мир исчез в ночной золе.
Все на свечу глядели, не мигая,
Пока она плясала на столе,
Испуганная, стройная, нагая,

Как будто слово уголками губ,
Творя миры без видимых усилий.
И свет зажётся — беззастенчив, груб.
И мы его, конечно, погасили.

* * *

Зима без пушистого снега — как жизнь без любви,
Как стол без вина и как праздник без песни.
Стучи каблуками всухую, по лужам плыви,
Умри от тоски на рассвете и к ночи воскресни,

А всё не поймёшь — и в какую такую дыру,
Воронку, не более норки крысиной —
Со всем реквизитом, с замёрзшим бельём на ветру,
С волнистою рощей вдали — провалилась Россия.

Вот только что были — дорога, посёлок, тайга,
В райцентре — больничка и домик купеческий старый,
И школа, и почта — и кажется, чья-то рука
Полкарты смахнула — и вот уже снега не стало.

И только война посредине стоит как скала —
Дешёвые кости, осколки и жёлтые снимки —
К ней тянутся руки, как к матери — чтобы дала
Краюху, и ржавая слава, тупая игла
Под кожу вонзается, жизнь превращая в поминки.

Ни зимней дороги, ни снега — лишь бесы кружат,
Хохочут и свищут, и свет — перевёрнутый, куцый.
Вот только бы пальцы для крестного знамени сжать,
Махнуть широко над полями — да пальцы дрожат,
Махнуть от небес до земли — да никак не проснуться.

* * *

Всем убегающим, всем уезжающим
В отсветах — ближе и ближе — пожарища,
Вместо пинков или окриков жалающих
Через дождя пелену —
Не попади на войну!

Всем, замирающим в гневе и ужасе,
 Зубы сцепляющим и остающимся —
 Тайной удачи, горчайшего мужества —
 Ибо душа на кону —
 Не попади на войну!

Всем, кто стоит с посеревшими лицами,
 Всем, кто умрут, но не станут убийцами,
 Машет Россия багровыми ситцами
 Клёнов, рябин, перелётными птицами,
 Пущенными в вышину —
 Не попади на войну!

* * *

В ресторане музыка играет,
 Женщина, свеча, бокал вина.
 Украина — это где-то с краю,
 Никому отсюда не видна.
 Рвётся пламя, рушатся кварталы,
 С площади доносится: «Ганьба!»
 Женщина движением усталым
 Поправляет волосы у лба.

Матовая белая посуда,
 Капучино с пенкой и десерт.
 Проплывает далеко отсюда
 В дымке — чья-то маленькая смерть

Точкою, горошиною, только
 Никому пока что невдомёк —
 Рухнет и сюда, за этот столик
 Весь в крови, бесформенный комок.

РАЗГОВОРЫ

Он говорит — ты знаешь, у нас тут, по ходу, ад.
Она говорит — да что ты? Он говорит — подряд
Военных и мирных валим. Она говорит — да ну!
Он говорит — по ходу зашли тут в хату одну,
Нашёл пять тысяч зелёных — а хата уже горит.
Она говорит — ни фига се, теперь закроем кредит.
Он говорит — расстреляли троих, завели в кусты.
Она говорит — не голодный? Хватает хоть вам еды?
Он — да нет, не особо. Она — совсем отощал?
Насилуй там украинок, мне только не сообщай.

Первый — приём, ну, как там? Второй — у меня тишина,
Дети шли по мосту. — Второй — какого рожна?!
— Первый — наверно, в школу, несли в рюкзаках тетрадки.
— Второй — пожалел пока? Отработаешь на обратной.

Он говорит — алё, мы их ебашим, мам.
Она говорит — скорей всё разнесите в хлам.
Он говорит — прикинь, ебашим гражданских, чо.
Она говорит — ну, да, там у вас горячо.
Он говорит — лупили четверо суток по нам,
Прикинь, мы головы не поднимали, мам.
Она говорит — убитых много ли? — До фига,
От командира, мам, осталась одна нога.
Она говорит — когда вернёшься, назвали срок?
Он говорит — делили на пятерых паёк.
Взломали квартиру, мяса нажарили, сели есть.
Она говорит — а сколько не ели? — Да суток шесть.

Он говорит — в деревне всё разбито, разнесено.
Она говорит — Россию ненавидят они давно.
Он говорит — машину вчера расстрелял, ну да.
А Колька — уже 200-й. Она говорит — беда.
Он говорит — надоело, завтра пойду в отказ.

Она говорит — посадят, зачем ты позоришь нас?
 Он говорит — Серёжка ранен, получит денег.
 Вчера нас стыдил командир, сегодня стыдил священник:
 Как детей воспитаешь, про родину и про честь.
 Я спросил командира — он не знает, зачем мы здесь.

* * *

А что если я не вернусь,
 А что если я не увижу
 Лесок, треугольную крышу,
 В канаве чернеющий груздь?

А что если намертво я
 Увязну, залипну, застряну —
 Куда-то в медовые страны
 Свернула моя колея.

А как же улитка тогда,
 Колодец, калина, калитка,
 Тропинки суровая нитка,
 Порвавшаяся у пруда?

А как же оставленный друг?
 Вот так же душа у предела

Заплачет — а как же без тела,
 А как же без глаз и без рук?

* * *

Вот страна и наведена на резкость:
 Холод, грязь, потухшие старики.
 Городков облупившиеся фрески
 Проступают тихо из-за реки.

Всё, как встарь — балаклава, дубинки, обыск,
Пёсьи головы, мётлы, бардак, правёж,
То ли Тула, то ли Тверская область,
То ли умер, то ли ещё живёшь —

Обводя глазами стоящий с горем
Пополам завод, пустыри, столбы,
Из сырой земли извлекая корень
Не делящейся ни на что судьбы.

* * *

Это Дима с мамой. Это —
В огороде прошлым летом.
Это Дима с Леной рядом.
Это Дима рядом с братом.
Это Дима на гулянке.
Это в лодке. Это в танке.
Это — каску нахлобучил:
Клёво. Это Дима в Буче.
Ну, и что, что первогодок?
Это —
больше нету фоток —
Ни с пробойной во лбу,
Ни в кювете, ни в гробу.

* * *

Кто же знает, насколько прощаться,
Жизнь на локоть вперёд не видна.

Узкий дворик по имени счастье
Не проступит теперь из окна.

Ни кивка, ни бренчанья трамвая,
Ни ступенек — коротеньких строк.

Шорох слышится — жизнь разрывает
Пополам, как бумажный листок.

Серый воздух завистлив и едок,
Небо — в клочьях, как знамя полка.
Посмотри на меня напоследок.
Поцелуй меня в слёзы. Пока.

РОЖДЕСТВО — 2022

Ни ёлки в шарах, ни подсветки на куполе.
Потёртое платье, набухшие груди.
Сегодня родился Христос в Мариуполе,
Родился в Бахмуте.

Он ищет сосок материнский, а миру-то
Видны только тени в подвале, да пламя,
Да как продвигается армия Ирода
Пустыми полями,

Бронёю мерцая, убитых и раненых
Собакам бросая и, миру на диво,
Ограбив сарай и младенцев заранее
Убив — превентивно.

Какие же быстрые танки у воинов,
И вышита правда на знамени — искони,
А кто сомневался — избиты, уволены,
Развеяны, изгнаны.

Проходят войска — и ни хлеба, ни вяленой
Рыбёшки, ни целой машины, ни школы,
За армией Ирода — только развалины,
Наречья, глаголы,

Но нет существительных — только двухсотые,
Да груды кирпичные, бывшие смыслы.
Остыла вода в батарее — и всё-таки
Христос родился.

И выбиты стёкла, и пенье вечернее
Измученных ангелов в час комендантский,
И свечка, и веерное отключение.
От маминой ласки

Сомлевший под утро, над сбитой ракетой,
В цыплячем пуху золотистого нимба
Проснулся — и жмурится в жовто-блакитное
Победное небо.

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Вольтская — поэт, эссеист, автор 16 сборников стихов и книги стихов и прозы «Почти не болит» (ЛИМБУС ПРЕСС, 2019).

Среди последних по времени изданий — «Совесть моя украинка» (Киев, «Радуга», 2022) «Дальше пешком» (М., «Стеклограф», 2021), «Спящий не спит» (Киев, «Друкарский двор»), «Стой со мною» (Санкт-Петербург, «Пальмира», 2022), .

Стихи переводились на английский, немецкий, шведский, голландский, финский, итальянский, сербский, литовский, японский языки, а также на иврит.

Лауреат Пушкинской стипендии (Германия, 1999), премии журнала «Звезда» (2002), Всероссийского конкурса «Заблудившийся трамвай» (2019) и других премий. Участница международного поэтического фестиваля в Роттердаме, Платоновского фестиваля, фестивалей «Петербургские мосты», «Киевские лавры» и др.

Работает журналистом радио «Свобода/Свободная Европа».

Татьяна Вольтская родилась и всю жизнь прожила в Петербурге, но теперь ярлык «иностранного агента» не позволяет ей жить и работать в России. В апреле 2022 года она вынужденно переехала в Грузию и своё нынешнее положение воспринимает как изгнание.

Лариса ИЦКОВИЧ
СТИХИ

КАК УНЯТЬ ЭТУ БОЛЬ...

Памяти моего мужа Семёна Ицковича

Отрыдаю, оплачу, тебя схоронив,
Твой портрет стянет чёрным тесьма...
Неизбежно нас время ведёт на обрыв
В эту пропасть, где вечности тьма...

Как унять эту боль ожидания конца
И конец, где страдания одни?
Неужели заложена в планы Творца
Эта плата за радости дни?

На надгробье две даты — рожденья и смерти,
а меж ними черта. От земной круговерти,
от любви и дерзаний, потерь и побед,
от забот повседневных и страсти мгновенья,
от восторга открытия в миг озаренья
от черте этой вы не отыщете след...

Только в детях мерцает души нашей свет.

* * *

Всё так же фонари горят,
Всё так же травы прорастают,
И шторм срывает якоря,
И айсберг в океане тает...

Всё то же... Только без тебя.
Планета с нами не лукавит —
И отпускает, не скорбя,
И при рождении не славит.

Но были мы нужны друг другу,
Ты был отцом, ты был супругом,
Сразиться мог с любой бедой...
Как айсберг, жизнью наделённый,
Ты океан, от слёз солёный,
Пополнил чистой водой.

ОБ АВТОРЕ

Лариса Ицкович родилась в Азербайджане, выросла в Украине, зрелые годы провела в Белоруссии. Физико-химик по специальности, до 1993 года работала преподавателем и научным сотрудником Белорусского политехнического института. С 1994 года живёт в Чикаго. Публиковалась в американских русскоязычных газетах, в израильской газете «Еврейский камертон», в журналах «Литературный европеец» и «Мосты», Германия, «Время и место», США, в поэтическом альманахе «Связь времён», США, в сборниках стихов.

Георгий ТАРАСОВ

НОВЕЛЛЫ

ОТ АВТОРА

Предлагаемые тексты охватывают период жизни в СССР с семидесятых по девяностые годы. Именно там, по-моему, кроются корни того, что происходит в путинской России сейчас. Конечно, закладывалось всё раньше, но я пишу о том, что сам видел и в чём сам участвовал.

ВИЗИТ ПО ОБМЕНУ

Мы грузимся в шикарный автобус, стоящий перед школой, нас везут в аэропорт. Родина возложила на нас ответственнейшую миссию, мы должны встретить группу школьников из города-побратима Манчестера и не ударить лицом в грязь. Нет, не перед ними, как потом выяснилось. Но не должны. Вообще, много чего не должны, перечень был бесконечен, и учителя нервничали оттого, что не удалось огласить его целиком на классном собрании. Попробуй этим дебилам втолковать, что детство кончилось, пора соответствовать. И не дай Бог!

Вот, кстати, чего ради они Его приплетали во время инструктажа, я так и не понял. Голову на отсечение даю, башку на плаху, всем светлым готов ответить, что не вру, помянули они эту фразу раз десять. Каждый. «Не дай вам Бог!». Странно, меня это тогда ещё поразило, поэтому так и врезалось в память.

Они-то к нему каким боком?

В автобус мы сели совершенно пришибленные, даже говорили шёпотом. Но мы-то, фигли, дети, всей глубины ответственности осо-

знать, естественно, не могли. Так, боялись, сами не знали чего. А вот учителей трясло...

Именно, не дай Бог...

Я так думаю, их бы воля, взяли б они пару комсоргов да пол-отличницы, и хватит. Но задача-то перед ними стояла даже за гранью синкретизма — и массовость обеспечить, и чтоб личности достойные, и чтоб по-английски могли прилично. Вот как такую задачу решить?

Ну, с массовостью сама система английского образования помогла, у них классы человек по пятнадцать, вдвое меньше, чем у нас, можно просеять среди наших особо неблагонадёжных. Но только особо. А в остальных откуда уверенность? Чего они выкинут? Неясно. Отличников брать? Оно бы, конечно, да, только пятёрки по предмету получать и говорить на чужом языке — это совершенно разные вещи. Иногда даже никак не коррелирующие. Свинство заключалось в том, что личности благонаправленного поведения изучали язык только на уроке, из уст в уста. Из одного, так сказать, жала. И больше хапнуть фонетики им было неоткуда. Да и незачем, для выпускного экзамена и так бы сошло. Даже для МГИМО или ИНяза. Даром, что ли, про эти заведения бездна анекдотов гуляет на английском...

Да ещё смотря какое жало. У нас было два завуча по английскому, Лидия и Ангелина. С Лидией всё в норме, она восемь лет военным переводчиком в Индии отработала, из озорства даже на уроках на пиджен переходила, когда кто-нибудь косячил с произношением. Такой кайф был слушать её и понимать, что она и издевается, и учит одновременно. Ругалась, кстати, по-аглицки смачно, заслушаешься. Хоть зли её специально.

А вот с Ангелиной... Её акцент никто б не взялся определить. Как бы объяснить...

Вот, скажем, букварь. Русский. Буква и звук рядом нарисованы. Теперь возьмите любое английское слово, напишите печатными буквами. Под ними напишите похожие по звучанию русские буквы. Под ними звуки, соответствующие русским буквам из букваря. Закройте две верхних строчки и отдельно выкрикните каждый звук, через небольшие паузы.

Вот как-то так, примерно. Приветствие звучало так:

«Гут дей, диа чилдрен, ви щел бигин аэр лессон».

Только не вздумайте смягчить или шипеть, или горлом булькать, когда вслух читать будете! Каждую букву чётко, ясно, по отдельности. Во всём порядок должен быть...

И именно «дей», а не какой-то там афтернун или морнинг, «день», ясно??? «Добрый день!» Мало ли, что на ихнем острове так не говорят, они сами английского не знают...

Даже директриса, для которой английский был вообще сплошным буреломом, соображала, что Ангелинины птенчики если чего и начирикают, то манчестерцам этот чирик придётся доо-олго переводить. Сначала обратно на русский, а уж с него...

А кто действительно владел английской речью? Да те, кто не к ночи будь помянут. Слушают всякую дрянь, бренчат на гитарах разнужданные шлягеры, тексты мерзких песен, сволочи, переводят. Со слуха. Да ещё есть подозрение, что за деньги. Это уж ни в какие ворота...

Вот как такие могут представлять нашу великую державу? Позор сплошной. А куда денешься, других-то нет. Это ж не парткомиссия, не экзамен, гости просто не поймут, и всё. И что они в своём поганом Манчестере будут говорить про советское образование? Поклёп один, да и только...

Вот и случилось чудо чудное, диво дивное. И Андрей в список попал, и Гаря, и Бом, и Сашка, и Ленка с Юлькой, и Ирка с Галкой, и ваш покорный слуга. И объясняли нам, кто мы такие, часа четыре. А потом ещё три часа собрания. Весь мозг к ежам вынесли...

Джеймса Бонда хрен так инструктировали, у него всё на халяву, какой с него спрос, раздолбайство сплошное, никакой ответственности...

А вот мы прониклись. Я так вообще до такой степени перепугался, что решил просто молчать. Наглухо. Отсижу своё, башкой покаиваю и хватит. Пусть лучше двойку по английскому в году поставят, чем нарываться. А то вот так ответишь на вопрос «What's the time?», а тебя, оказывается, уже завербовали. Да то ли ещё бывает...

Наслушался. Тёти взрослые, всё знают. И про нас, и про них.

Много лет я тосковал по тому вечеру, пока не нашёл простое до смешного решение. Доехал до станции метро «Московская», сел на автобус 39 и поехал в Пулково. И вошёл в аэропорт. Его уже нет на земле, снесли, но какое это было место! Совершенно футуристическое здание, высоченный зал с балюстрадой, стекло, песчаник, гранит, прозрачные кассы, блестящие турникеты. Всё совершенно неземное. Ну, по крайней мере, на той земле, к которой я был приколочен, такого больше нигде не водилось.

И ощущение полёта. Не твоего, неизвестно куда, но от этого ещё более заманчивого. Как альбатрос, like across, раз за тысячу миль по-

лѣта чиркнет крылом по волне с именем Пулково, и дальше на тысячу миль. Не только у чаек есть имена...

И надпись на табло: «Мадрид». Не на географической карте, не в учебнике, даже не в книге Лесажа, а вот, прямо перед глазами! Знаете, какой в ней смысл? Там, правее надписи, цифры. Это время отлѣта. Навостри уши в эту минуту, в ту, которую показывает самая правая цифра, и ты услышишь рѣв турбин, и туго, а потом всё легче помчится лайнер, стряхнѣт землю и...

Да-да, он полетит в Мадрид! Ну не может быть, чтоб такой громадный самолѣт гоняли просто так, ради иллюзии! И написано на нём «Lufthanza». Ну, наши б с ошибками написали!!!

Значит, возможно, он и есть на самом деле.

Мадрид...

А на верхней балюстраде был бар. Так и написано: «Бар». Понимаете, не кафе, не ресторан, не закусочная или рюмочная, не пиво-воды, наконец, а именно БАР! Не понимаете? Ну и ладно...

Как тут объяснишь...

Не пил я в нём, и не собирался, просто слово...

Прошло с того вечера двенадцать лет, и сразу после армии в припадке дикой ностальгии я приехал в аэропорт, зашѣл в этот бар, взял кофе и сто грамм коньяку, опѣрся на парапет и посмотрел вниз. И, ещё даже не пригубив коньяк, увидел внизу нас. Тех самых нас, небольшую серую стайку девятиклассников под надзором семи учительниц и военрука.

Мы стоим в зале прибытия, удивлѣнно вертим головами, на самолѣте до этого летала только Юлька, да и то со старого аэропорта, сейчас он на ремонте, и международные рейсы принимают в Пулково-1. И мы стоим. И ждѣм. Ждѣм тех, о существовании кого мы слышали через третьи уши, про которых мы читали в газетах, но так до конца и не верили, что они на самом деле существуют.

Дети другой страны.

Трудно объяснить, чего мы ждали, что мы думали. Не знаю...

Ну вот представьте, что вас кооптировали встречать делегацию дельфинов. Или осьминогов. Или вообще говорящих деревьев из леса Фангорн.

Или просто Белого Кролика.

Я стою в невзрачной толпе, а навстречу, горлопаня на весь аэропорт, движется пѣстрая стая таких же мальчишек. Ещё четыре дев-

чонки, страшные как смертный грех, и всего одна учительница, рыжая хохотушка с лошадиными зубами. Одеты ярко, празднично, джинсы, клетчатые юбки, свитера, куртки всех расцветок, все какие-то разные. На некоторых странная обувь, вроде и кеды, но толстые какие-то, яркие, с широкой шнуровкой, похожи на беговые шиповки или футбольные бутсы.

Они чего-то кричат, я даже не понимаю, что это за язык, и совершенно теряюсь. Полное ощущение, что проболел месяц, а тебя к доске вызвали и стегают за то, чего ты и знать-то не можешь. Всё в тумане, зачем я здесь, чёрт побери, кто я, и кто все эти люди??? И на хрен мне это вообще нужно???

Удрать бы...

Две стайки сливаются, перемешиваются, и вдруг я себя ловлю на том, что перевожу Ленке то, что тараторит какая-то девица, потом перевожу приветствие военрука этой рыжей лошади, её ответ, попутно объясняя ей, что у него за медали на кителе, потом уже подряд директрисе, какому-то парню, ещё что-то...

А тот, другой, много старший я на балюстраде, салютует мне бокалом, выпивает залпом коньяк, и я слышу собственные слова из будущего:

— Один раз живём. Давай! Это просто люди...

В общем, по дороге к автобусу и в салоне я ещё осторожничал и чинно говорил на нейтральные темы. Выяснилось, что у одного парня отец — шахтёр, у другого — драйвер трака, когда я сообщил, что мой отец «scientist», а мама — «teacher», они на меня глаза вылупили, мне показалось, что смотрят они, как на наследного принца Британской Империи. И так чё-то гордо стало. Помогли родители в свою тарелку сесть.

Дальше пошло легче, я махнул рукой, «Don't mention», и затрещали на равных. Тут выясняется, что Дик недавно из Ливерпуля, ездил на футбол. Хотел зайти в «Пещеру», но не успел, подрались с болельщиками «Ливера» и пришлось удирать. На всю эту фанатскую фигню я и внимания не обратил, просто не понял о чём речь, совершенно дикие для нас понятия, но «Пещера»!!!

— Hey, really «Cavern»? The one where «Beatles» played???

— Yep...

— Holy shit...

И тут через три ряда кресел к нам лезет по спинкам Фил, до этого болтавший с Бомом, и орёт на весь автобус:

— «Beatles»??? Wow!!! You really know «Beatles»???

— Not personally. But love them.

— She loves You, e-e-e!!!!

И дёрнул его чёрт заорать самую заводную песню...

К гостинице «Дружба» у Кировского проспекта подъехал не только олуший, но и поющий автобус. Мы оралли арии из «Христа», «Wizard» «Хипа», «Money» «Пинк Флойда», ещё что-то. А «Help» битловский вообще, кажется, спели целиком. Именно от Филя я узнал, что есть такой фильм. Глаза на лоб вылезли. А увидел я его только через пять лет на верхнем этаже «Балтики», у Коли Васина...

У гостиницы пора было прощаться. И не только с англичанами. Много ещё с чем...

Первой нашла Нина, классная, сразу же, как за этими баламутами дверь закрылась:

— О чём вы там говорили???

— Вы же слышали...

Нина преподавала английский. Мало того, я был у неё в группе, и из троек вообще никогда не вылезал с шестого класса. Мне и в голову не пришло, что кто-то там чего-то не понял. Но оказалось, что я просто издеваюсь, стараюсь унижить учителя:

— Вы так оралли, ничего не разобрать! И что это за песни??? Вопли какие-то!

— Ну-уу, Битлз...

— Ты что, не понимаешь??? Это же не наше!

— Нина Константиновна, Леннон в Коммунистической Партии США состоял. (Действительно, был такой позорный эпизод в его биографии, но это от незнания, простительно. Да и недолго...). О свободе песни... О революции... (Хотя из Белого Альбома мы ничего не пели. А уж эти — тем более...).

— Да просто нельзя себя так вести!!! Это же иностранцы!

О, как. Не дети, и вообще нелюди. Иностранцы, угроза...

И тут я замолчал. Совсем. Мало того, и думать перестал. Вообще. Рядом директриса так же препарировала Андрея, он тупо разглядывал асфальт, все куда-то смылись, остались мы вдвоём и пяток экзекуторов. Через некоторое время я сообразил, что так орать после полуночи пяти тёткам на двух пацанов посреди улицы тоже не очень-то прилично, но даже и не вякнул на эту тему. Их и танком не остановить было.

Короче, по выговору нам вlepили прямо на поле боя за недостойное поведение и посулили на завтра в школе настоящие ягоды. Потом они всей компанией уселись в такси и укатили, а мы пошли с Андрюхой пешком, метро закрылось. Ему на Васи Алексеева, а мне на 12 километров дальше. К утру пришёл, родичи чуть с ума не сошли. В начале марта дело было.

Вот никогда мне в школу так идти не корёжило, как на следующее утро. И не зря, как выяснилось. Нас с Андрюхой от Манчестера отличили намертво, даже на уроках сажали от них наискосок. Они проторчали у нас больше месяца, типа учились с нами. Откуда-то притащили математика и физичку, которые давали уроки на английском. Химичка наша сама справилась...

После долгих согласований отвальную устроили у Ленки, благо хата приличная, папа у неё полковник был. Но директриса лично проинспектировала квартиру перед мероприятием. На самом же фуршете Нина с Ангелиной восседали. Унылые подробности внеслужебного контакта мне известны от Ленки, нас с Андреем и Сашкой ещё на подходе к мероприятию шлагбаумом прихлопнули. Что подумали англичане, я не знаю, согласно распоряжениям я ни с кем не общался, только руками разводил, временно позабыв английский, но вот у лошади ихней морда растерянная была до самого аэропорта.

Итоги подводили, ясное дело, в директорском кабинете, присутствовала незнакомая тётя с какими-то пламенными значками на строгом костюме. На этот раз спасла Лидия, за что ей низкий поклон по гроб жизни. И за ним.

Комизм ситуации заключался в том, что высокая комиссия понятия не имела, за что конкретно нас следует распясть. Что вели себя мерзко, это ясно было, за поведение нам на месте преступления отвалили, потом ещё добавили, но о чём речь-то шла в разговоре с чуждыми элементами? Хрен знает, не по-нашему трепались. Одна надежда была на Лидию, на неё-то и насели:

— Вы ж там были, всё слышали, о чём они говорили?

Лидия удивлённо обвела взглядом присутствующих, из которых четверо были учителями английского языка, и ещё одна — завучем по нему же:

— Вы же тоже там были...

И тут, поняв, что наступила на страшно больную мозоль, добавила:

— Трудно было разобрать, они на шотландском говорили. Как кашей рот набит...

Видимо, соломина оказалась спасительной для всех, ну не шотландский же они преподают! А раз так, то всё ясно, почему неясно. Красивую вилку она им поставила...

Полчаса наставлений, и нас выпустили без серьёзных повреждений. Видимо, в надежде, что мы сами повесимся от позора.

Дня через три я подошёл после урока к Лидии (она заболевшую Нину подменяла):

— Лидия Александровна, вы тогда про шотландский что-то...

— Фил — шотландец. Когда забывается, акцент очень сильный, — она улыбается. — Действительно, full of porridge...

— А я как же? Ведь ни разу не шотландец...

— А у тебя, видимо, слух хороший. И, знаешь... «Uriah Heep» — тоже шотландцы, кроме Бокса. Но он не поёт почти...

Вот это номер, ай да Лидия Александровна! Байрон и Хенсли солируют, точно. А Керслейк и Бокс — бэк-вокал. Тэйн вообще только подвывает...

Кстати, официально сие мероприятие называлось «Визит по обмену». Вот только в Манчестере никто из нас не побывал...

JESUS CHRIST!

Серёга Симуни шёл по коридору и в толчее налетел на директрису. Извинился, но было поздно. В руке у него был вражеский полиэтиленовый пакет с омерзительной надписью Marlboro, под которой гарцевал разнузданный ковбой во всём вызывающе импортном и хамски улыбался. Лошадь была тоже подозрительная, не наша какая-то. Чёрт её знает, что за животное. Может, она в детстве индейцев топтала и угнетала, сволочь такая, с неё станется...

Но это были семечки. Директриса бесцеремонно запустила лапищу в пакет и извлекла магнитофонную кассету с готической надписью от руки. Хоть школа и английская, но именно с этим языком у директора было неважно. Потщила она всё добытое в кабинет и вызвала Ангелину. Завуч по английскому языку разобралась в готике быстро, и минуты через две прочитала:

«Jesus Christ Superstar»

Это уже было за гранью понимания. Советский школьник, девятиклассник, комсомолец, на такое не способен. Только враг.

В принципе, Серёгина дорога в светлое будущее обозначилась предельно ясно — выгонят из комсомола, из школы, путяга, армия. И всё это с клеймом «Антисоветчик». Что шансы на нормальную жизнь и карьере обрубают напрочь.

Но ему повезло. И повезло фантастически, по многим статьям. То, что его прищемили, заметил Бом. Зашёл в кабинет к Симе, Серёгиной маме, учителю английского, и в двух словах поведал, что сына сгрябчили и сейчас препарируют в директорском кабинете. Надо отдать должное Бому — он видел только захват и извлечение плёнки. Остальное просчитал и угадал с точностью до интонаций. Хотя, зная директрису, это было несложно.

Сима тоже сообразила мгновенно, крыльями хлопать не стала, а вошла спокойно к директрисе, неожиданно (хе) увидела сына и флегматично спросила:

— А-аа, вот ты где. Плёнку принёс?

Мгновенно придуманная ею версия прокатилась — Серёжа нёс плёнку ей для изучения. Дело в том, что она специально её заказала как уникальный фонетический объект. Христа поёт Айан Гиллан, англичанин, Иуду — Мюррей Хед, ирландец, кельт, Магдалину — гавайская певица, говорящая на редкой ветви пиджен-инглиш, ну и так далее...

Фуфлом это было, конечно, редкостным, на деле Серёга понт неудачный кинул, не подумав, каким боком это ему выйти может.

Мать Сима была первостатейная, каково в такой ситуации было спокойно, чуть лениво и слегка удивлённо разговаривать армянской еврейке с огнедышащим темпераментом? Ведь чуть на уроке что не так, и — Симу знали все — встала, ударила кулаком в стол, несильно, но жёстко, смотрит в окно и дышит так, что раздуваются ноздри. Минута, она садится и говорит:

— Продолжим.

Группа осторожно высовывает головы из воротников, оглядывается и продолжает.

Здесь же Сима вела себя столь виртуозно, что Серёгу ей отдали, пожутив обоих, и вернули плёнку вместе с пакетом. А вот это просто чудо — пакет-то вражеский Сима по легенде не заказывала. Забыли, наверное. Или мозги им запудрила так, что у них голова кругом пошла. А я думаю другое.

Бог хранит такую мать...

А Серёга...

Яблочко от яблони, как говорится. Он свято выполнил неписанные законы земщины — на допросах молчать, своих не выдавать! Он и стоял в ступоре с отвисшей челюстью, делая вид, что сейчас описается. Всё.

Через два месяца Серёга перевёлся в другую школу, а через полгода уволилась Сима.

Почему я знаю в таких подробностях эту историю с Серёгой?

Пакет ему Андрюха продал, а плёнку я переписал. И почерк на ней был мой, хоть и готический...

ГЕРОЙ

Вообще, что это я всё про бардак и чернуху?

Давайте о героизме, его в армии тоже хватает, а то как-то од- нобоко получается, в предвзятости могут обвинить...

Заместитель командира Краснознамённого Никопольского ордена Суворова, ордена Кутузова 53-го авиационного разведывательного полка подполковник Муффазалов был четырежды героем. Первый раз у него слили ночью с самолёта спирт для обдува кабины, фонарь в полёте заплыл, сажал он МиГаря вслепую, и его из кабины вырезали, пока он там парился в восьмидесятиградусной бане.

Второй раз самолётик так классно подготовили к полётам, что на посадке шасси не вышли. Все три. Он его на брюхо посадил рядом со взлёткой, даже, говорят, не очень ободрал.

Третий подвиг я лично наблюдал с земли. Сижу в начкарке в третьем карауле, тут Гришка Зорин с поста орёт:

— Жора, лётчик прыгнул!!!!

Выскакиваю — точно, висит на парашюте уже ниже самолёта, а тот вперёд себе свистит. Из правого мотора бьёт струя огня вниз и вперёд, тонкая, острая, голубая с оранжевым хвостиком. Самолёт кренится на левое крыло, раз, другой, правым серебряным крылом пару раз махнул, как ладошкой на прощанье, клюнул носом и по пологой глиссаде в землю, держа крен ровно в девяносто градусов. В двадцати километрах от нашего поста образовалась толстая колбаса пыли, этак в километр с гаком длиной, перед нею ещё одна, покорооче. Это нос от удара оторвало, и он грохнулся верстах в двух от места основной аварии.

Самого героя ветер сдул аж к станции Балхаш-товарная, и грузчики со сцепщиками здорово охренели, когда из степи вышел инопланетя-

нин в противоперегрузочном костюме, похлопывающий себя по бедру глухим ГДРовским шлемом. Полегчало им, когда звук появился — пришелец с небес матерился так, что и закоренелым железнодорожникам было чему поучиться...

Дело было в конце ноября, снега чуть-чуть, но минус десять, а печка в Женькином КраЗе не работала, да и работать не могла, запчасть к технике, в данном случае, электромотор отопителя, добыть в советской армии нереально, Родина и так на оборону последние штаны сняла.

Движение по рулёмкам автотранспорта строго регламентировано, сам схемы в штаб полка рисовал, очень красиво получилось. Твёрдо помню, что на взлётку вообще никому и никогда, кроме ТРЖК (снегочистители) нельзя. А во время полётов даже командирскому УАЗу.

Но техник на Женьку наорал, что самолёту не вырुлить, при попытке выехать по рулёмке КраЗ чуть не попал под струю от МиГаря на газовке, командир роты «веников» (аэродромной роты) рвал и метал, что техника ещё не убрана, водила рванул по взлётке, высунув башку в окно двери, т.к. лобовое не просматривалось от измороси. Шапку сдуло, боец по прибытии доложил командиру взвода и собрался бежать за шапкой, но лейтенант заорал:

— Куда, б...??? Стоять, сс...!!! Самолёт уже на газовке!!!

Понятное дело, что на время беготни полёты пришлось бы задерживать и летёхе изрядно бы влетело за такое разгильдяйство, могли и в наряд в столовую законопатить. А шапка — что ей сделается, после полётов найдёшь, а сейчас уши, падла, морозь, чтоб неповадно было в следующий раз имущество армейское терять...

Эту-то шапку разведчик погоды (у пилотов это называется «слетать на мясо»), управляемый подполковником Муффазаловым, в правый двигатель и засосал. Пока лётчик выписывал восьмёрку, двигатель шапку пережёвывал, и к концу манёвра подавился. С земли заорали летуну:

— Прыгай, у тебя авария правого двигателя!

— Я спасу самолёт!

— Прыгай, мудака, у тебя секунды!!!! Гастелло, ..., херов, ПРЫГАЙ!!!

Далее РП (руководитель полётов) вклеил такую тираду, что подполковник, не дослушав, рванул рычаг катапульты, чем себя и спас. А также шлем, костюм, стропорез, кресло, парашют и ещё немало армейского имущества. И что, думаете, отбило это ему охоту летать? Фига там. Отсидев положенное под домашним арестом, пока разбирались

с причинами «лётного происшествия», пилот встал в строй и устремился навстречу новым приключениям.

Через месяц нашёл. Точнее, подсунули.

Топливо по дороге от ГСМ до баков самолёта проверяют 14 раз. Перед запуском двигателей собственно техник самолёта тоже снизошёл до проверки и обнаружил, что в правое крыло залита вода, а не РТ-6. Когда мы принимали стоянку под охрану после этих полётов, весь состав ТЭЧи был очень сильно на взводе, технарей даже спиртное не брало. Из их ора я понял, что взлетает самолёт вроде как на левом баке, в полёте баки переключаются, и что бы было, если б в раскалённый двигатель хлынула вода? Ещё одно облачко на небесах, я думаю, хотя и не уверен, может, он вообще не взлетел бы, при такой-то обслуге...

Интереснее всего, где её на ГСМе ТЗшка насосать умудрилась? Вода там есть только в пожарном водоёме...

В жизни всегда есть место подвигу. Особенно в СССР (России), мы ведь страна героев.

Какая страна, такие и герои...

ЛЬВОВ, 1988

Я шагнул из поезда на перрон львовского вокзала и мазнул взглядом по расписанию. Ближайшая электричка на Дрогобыч через полчаса. Не хочу. Плевать, что я командированный, чтобы я, да за государственный счёт, по Львову не побродил? Утрётся министерство радиоэлектронной промышленности. Я расстегнул сумку, кинул туда «дипломат», дань имиджу, всё-таки столичный гость, надо соответствовать, визгнул молнией, закинул сумарь на плечо и пошёл. В город...

Двести шагов по бульжной мостовой, и голова отлетела напрочь. Зацокали подковы по камням, рассыпая искры, пахло конским потом, кожей, сеном, и колокольный звон смешался со струнной песней цитры и виолы бродячих музыкантов, присевших на врытые в землю тумбы у постоянного двора. Пяток ратников, составив в пирамиду алебарды, расселись вокруг бочонка, один даже развалился прямо на мостовой, и неторопливо цедили пиво, запах которого чуялся аж с два-

дцати шагов. Надо же, бардак, как в советской армии, только степенно как-то, не торопясь...

Я шёл, нога за ногу, и постепенно исчезали фонари и антенны, завернул за угол узенький трамвайчик, втягивая за собой двойной хвост блестящих рельсов, ставили вывески магазинов и киосков, уступая место пучкам остролиста, кованым сапогам и бубликам, обозначающим лавки, мастерские и питейные заведения. Вниз по улице прогрохотала карета с символическими кожаными рессорами, я склонился в поклоне, метя мостовую пером остроконечной шляпы и провожая взглядом даму неземной красоты, всю в пене кружев. Только глаза приветствовали мой поклон взмахом ресниц, и тайна того, что скрыто под одеждой, прошла ознобом по телу и сбила с ритма сердце...

Город сразу принял меня и не стал ничего скрывать, кроме одного: я бродил по нему часами, но не мог прийти в какое-то определённое место. Компас в моей голове, до этого работавший безотказно в любых городах, в степи, в море, в лесу, был бесполезен, он отказался действовать напрочь. Город был трёхмерным, не то, что ровный Питер, и я мог часами лазать вверх и вниз по его холмам, наслаждаясь домами, стенами Бог знает какой давности, и храмами. Но стоило мне нацелиться куда-то и пойти к цели, лабиринт закручивал меня и кружил, и выбрасывал, ошеломлённого, в то место, откуда я стартовал, оставляя в душе ощущение сказки и детского чуда. А я и не сопротивлялся, я уже начал играть с ним, с этим чудо-городом. Я ставил себе цель и пёр туда, выкладывая на стол весь арсенал спортивного и прочего ориентирования, и он принял мою игру легко и просто, он разбивал все мои ставки и крыл любые комбинации, тыкая меня носом в уже пройденное мною место. Мы веселились от души, но тут он обидел меня страшно, громыхнул из-за поворота трамвай, я споткнулся о рельсы, и, подняв глаза, упёрся взглядом в вокзал...

Только в электричке, тронувшейся в сторону Дрогобыча, до меня дошло, что он просто пожалел меня, своего гостя, он раньше меня понял, что я устал, лазая по непривычным для меня его горам, и вывел меня к цели. Я чуть не встал от благодарности на колени на замусоренный пол вагона, но этого не пришлось делать. Встали вокруг города крепостные стены, сложенные по приказу Даниила Галицкого, и дама, та самая, в кружевах, махнула мне с башни тонкой рукой...

Я взял шляпу на отлёт, склонился до самого седла, тронул зубчатый повод и кольнул коня шпорой, рванув с места, он со скоростью электрички стал пожирать дорогу. Какое, к чёрту, видение, она летела

рядом со мной, сидя в седле по-мужски, я пожирал её плебейскими глазами, а она смотрела прямо и гордо, лицо было строго и надменно. Холодом веяло от всего облика, от ледяных глаз до серой масти коня, но вот же она скачет со мной рядом, не сворачивая и не сбавляя скорости, прямо по дороге, и это не просто дорога...

Ямочка на конце губ и уголок глаза безошибочно говорят, что это дорога с Нею...

Ах, так!!! Ну, я сейчас...

Я рву левый повод и лечу по лугам к лесу. Я даже не оглядываюсь, я знаю, что будет. На опушке я слетаю с седла и оборачиваюсь на дробь копыт. Горящие глаза, покрасневшее лицо, сверкающая улыбка и растрёпанная грива, и сердце, бьющее так, что рвёт корсет и кружева, всё это слетает с седла и, бросившись мне на шею, шепчет чуть слышно:

— Здравствуй...

ОБ АВТОРЕ

Георгий Тарасов родился в Ленинграде в 1958 году. Закончил физический факультет университета, служба в армии в авиационной части, работа в «почтовом ящике». Потом перепробовал несколько занятий: яхт-клуб, тренер, лоцман, автосервис, водитель-испытатель...

Писать начал в 2009-м. Им изданы пять книг в Германии, Za-Za Verlag, Дюссельдорф. Часть рассказов печаталась в журналах «Вокзал Свобода», «Зарубежные Задворки», «Florida RU». Шестой, и, наверное, главный роман «Мифы СССР» издать обычным способом уже не удалось, российские издательства от него шарахались. Пришлось отпечатать его за свой счёт и распространять подпольным способом.

Себя Георгий Тарасов с долей здоровой иронии называет «антиписателем» — сначала прожил свои книги, а потом записал. Чтoб уж точно без ошибок.

Живёт под Санкт-Петербургом.

Гари ЛАЙТ
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Игрушечный поезд всамделишным утром
несёт в себе все горизонты и дали.
У водной стихии вся дань — перламутром
в озёрном краю или на океане...
Распахнуты двери, расшторены окна,
и вышли все сроки воздушной тревоги,
а песни Гомера и притчи Софокла
уже не помогут отчаянно многим.
Осеннего ветра и зимней юдоли
оправдано мало в июльском начале,
уплыл Мариуполь в фантомные боли,
в Одессе шаланды не помнят кефали...
Так утренний поезд, почти настоящий
на всех остановках прощенья просит,
котёнок учёный, почти говорящий
не ищет Шекспира в парящем вопросе.
Как прежде — не будет, всё будет иначе,
воспрянет надежда с любовью и верой,
маршрут этот долгий, но светлый и зрячий,
и вовсе не канули книги Просперо.

* * *

Очеловечиванье котов,
расчеловечиванье людей —
какой изысканный богослов
воздаст иллюзиям этих дней...
Какой мятущийся книгочей
отыщет цитаты про боль и гнев,

не лев, конечно же, царь зверей,
и в клетке маяться должен не лев.
После всего, что есть в хронике о войне,
предыдущей, прежней и многих других,
на все вопросы — по чьей вине,
ответом не станут ни слово, ни стих.
Мир так и не понял библейских основ,
даже внимая изысканной «Песне Песней».
Остаётся — очеловечиванье котов,
но также — расчеловечиванье людей.

* * *

Сегодня в Эванстоне джаз, как неуместно-органично,
так здесь встречают осень испокон на побережье моря Мичигана.
Казалось бы — сезонная печаль, и даже мягче —

меланхолия момента,

когда столь ласков бархатный сезон,

что о войне напоминать — пылить дорогой:

сочувственно-искусственно вздохнут и сменят тему,

на бейсбольную к примеру —

сезон в разгаре, множество интриг в турнирной сетке

и у звёздных игроков,

ну вот намердны — сразу две жены, у кетчера¹ и питчера релива,²
без верха загорали во Флориде и распивали контрафактный ром,
доставленный на дроне из Гаваны. Ну чем не джазово, и рейтинг

в самый раз.

---

¹ *catcher* — игровая позиция в бейсболе. Кэтчером называют игрока обороняющейся команды, который находится за последней, четвёртой базой (homeplate) и спиной бэттера, но перед судьёй, и принимает мяч, поданный питчером.

² *Relief pitcher* — игровая позиция в бейсболе. Это *питчер*, сменяющий по ходу игры *стартового питчера* из-за его *повреждения*, неэффективности, усталости, изгнания с поля или в случае какой-то конкретной ситуации.

— «Бомбили Харьков? Запорожье, это где?
 — Ну, это неприемлемо, конечно!
 России нужно срочно указать,
 что так себя вести не подобает,
 джаз в восприятии от этого горчит,
 не говоря уже о классике, какую
 с недавних пор вернули на винил.
 — Вот как бы к этому отнёсся Шостакович?
 Конечно, и к винилу в том числе...»

И всё же — джаз звучит по четвергам у «Лунных Прерий»,¹
 к которым не заказаны пути любителям шальных импровизаций,
 каким не до военных перспектив...
 К тому же, всё это в преддверии Европы, где у России —
 много меланхолий,
 переходящих в искушение убить. И убивают... «Солнцепёки»,
 «Ураганы»...

Только пока ещё не здесь.
 Пока здесь джаз...

* * *

В дождях над океаном у любви,
 есть гордость и осанка Нефертити,
 с чем вряд ли согласился бы Пракситель,
 с позирующей Фриной визави.
 Но суть не в этом, а совсем в ином —
 тот воздух, что предшествует соблазну,
 благоволит неверящим и праздным,
 потворствуя как будто вещим сном,
 где волны переходят в мёртвый штиль,
 и вот по этой глади, не иначе,
 крадётся тень, неведомая зрячим,
 в манящей одержимости пути.

¹ «Prairie Moon» — культовый ресторан в университетском пригороде Чикаго.

Вот так и возникают миражи —
непредсказуемые, яркие, чужие —
осознаёт Пракситель — окружили,
и ни одна из них не стоит этой лжи.
Но то, что у любви границы нет,
особенно в дождях над океаном,
в теории — предельно многогранно,
на самом деле — не было и нет

* * *

Вкрапленье осени в пейзаж,
где август ещё повсеместный паж,
где в нежных сумерках фонари
цитируют кратко — «не говори...»
стихи возникают из брошенных фраз,
но не для изысканных книг в этот раз,
а словно ручей в неблизких горах,
скорей в облаках, чем на мятых листках.
С не красных ещё галицийских полей,
они не проходят в «Гиперборей»...
Но в этом не видится неудач,
не сыты ещё ни ворон, ни грач,
пока не случилось надломов и краж —
вкрапленье осени в пейзаж

РЕМИНИСЦЕНЦИЯ #0

Был Монреальский кинофестиваль,
и там плохой советский фильм времён распада...
И невесомой светлая печаль
была такой, что в двадцать лет светлей не надо.
Рядом со мною девушка была,
лицом — француженка... Рождённая в Одессе,

года за три до этого она
на званой вечеринке слово «если»
не приняла за восхищение моё,
и в антураже Хэллоуина местных прерий,
глядясь в большой и пресный водоём,
сказала: «Знаешь, просто я тебе не верю...»
А после — совпадений череда,
немного взрослости добавив в перспективу,
сменив в сюжете драмы города,
внедрив иные музыкальные мотивы,
и гладь уже не озера, реки,
тоже большой, только со вкусом океана,
возобладала, как сентябрь — вопреки,
а не в зачёт канадскому туману.
Как был заманчив, вежлив Монреаль
и к нам, и к тем попутчикам случайным,
что с нами забрели на фестиваль,
и позже стали собеседниками в чайной.
Затем по королевской скоростной
в средневековье заглянули ненароком...
Она мой кофе, скучный и простой
на всю оставшуюся жизнь сменила мокко.
Я ей тогда неровные стихи
читал столь неуверенно и дерзко,
что все изгибы вдоль струившейся реки
затем сменились на постельные гротески...
Когда, вернувшись из Канады в Иллинойс,
мы выбрали дорогу откровений,
и то, что не Чикаго славил Джойс,
не отнимало в нашей памяти мгновений,
добравшихся в военный этот год
совсем иного века и расклада...
Над тем же городом всё тот же небосвод...
— «Не верь мне!» — ей сказал тогда — «не надо...»
В машине, на обочине любви
она так по-французски промолчала,
что все покинувшие гавань корабли
в ту ночь... доныне не добрались до причала.

LOWER UPPER¹

Повсеместно и всецело —
Волки сыты, овцы целы.
Приозёрные лиманы
выдержаны в стиле драмы.
В тишине аэропорта
гуси маются на взлётной.
гончары и букинисты
сгруппированы в Манисте.²
Моцарт и Равель на ферме —
май — сентябрь повседневно,
дегустационно чётко
в пику праздным звездочётам,
чтобы было неповадно
крыть провинцию изрядно,
благородству нет предела —
повсеместно и всецело

АДАЖИО

Поболеть за «Венецию», в первенстве Серии «А» — сумасбродный поступок, и не без налёта эстетства, но взглянув на таблицу, свой промах вполне осознав, предпочтение — «Лацио», как в исчезающем детстве. Нас тогда подобрался сплочённый, смешной коллектив — две сестрички-погодки из рода тбилисских красавиц, ленинградский скучающий сноб, блатной симферопольский скиф, я, москвичка Альбина, рижанка Марина и странный один итальянец. Перевальные будни в Ладисполи — тёплый февраль, все мы в раннем отрочестве, только с Альбиной — неясно, и густую романтику Блока, где рядом с аптекой фонарь, проживаем реально, наивно, с влюблённостью страстной. И порой исчезаем с уроков английского поездом в Рим,

---

¹ приозёрные, северные районы штата Мичиган.

² прибрежный городок в штате Мичиган.

в семьях всем не до нас, там решают, что дальше и как это будет,
 ну а мы на Испанских Ступенях¹ уже досконально — свои,
 узнаём перезвоны костёлов, за что нас никто не осудит.
 И когда на Ступенях народ вдруг решает идти на футбол —
 чтобы «Лацио» как-то сумел выйти в высшую лигу,
 итальянский наш друг нам мучительно всё перевёл,
 и тогда наши дамы склонились к решению — мы за интригу.
 На Олимпико Стадио, как в Колизее, грешно —
 атмосфера корриды и жуть гладиаторской бойни...
 Мы с одной из тбилисских сестричек сбежали оттуда в кино
 и потом целовались, нелепо робея у стен колокольни...
 Малолетние беженцы от комсомольской судьбы
 в зыбко-нервной Италии восьмидесятого года
 мы, наверное, били рекорды на поприще быстрой ходьбы
 до центрального Термини по Чинквеченто в любую погоду.
 Жаль, что в том непонятном сезоне мы «Лацио» не помогли,
 клуб вернулся, откуда был изгнан, когда мы уже улетели,
 только вот за такие волшебной весны февраль
 в послесловии стоило быть погружённым в большие метели.
 Мы не все попросились тогда, и не знали куда
 улетели родители скифа, Марины и сноба с Васильевских линий,
 но в принявших нас за океаном, ставших родными больших городах,
 нереально порою болеем за «Лацио» в нашем отроческом Риме...

* * *

В стихотворении обязан быть изъян —
 неправильное имя героини,
 некстати влившийся, нелепый англицизм,
 метафора, скабрёзная по форме,
 какой-нибудь зарвавшийся глагол,
 сравнение такое, чтобы критик
 не хмыкнул снисходительно, а взвыл
 и разразился грифом — «не печатать!» —
 А лучше — сразу — «на х... — расстрелять!...»

¹ Испанская лестница в Риме — одна из визитных карточек города, очень популярное место среди туристов и местных жителей.

И чтобы от расстрела рвать по крышам,
придумав к слову «выхухоль» падеж,
из-за которого раздевшаяся муза
сверкнув глазами, вышла б на балкон
и в гневе перепрыгнула б к соседу,
рискуя поцарапаться о ржавый,
торчащий там балконный самокат...
Тут не отделаешься лишней запятой,
изъян, как загулявший печенег,
обязан быть почти неисправимым,
как клякса — в семьдесят четвёртом, в сентябре,
когда чернильницы ещё не отменили,
но старшеклассницы неистово могли
цитировать Набокова и Лемма...
В изъяне этом, словно в казино,
должна таиться некая опасность,
не то, чтобы грозящая статьёй,
но чтобы ополчились либералы,
а консерваторы чтоб воротили нос,
шепча друг-другу — б..., ну как же можно!
И всё же главное — в широкой перспективе
чтобы внезапно, как в немом кино,
широким жестом, нерешённым уравнением
изъян бы испарялся в горизонт,
как неприкаянный «Голландец» из легенд,
и чтобы было не к чему придраться

* * *

*Нет в мире высшего блаженства,
чем осознание пути...*

Александр Дольский

Не остаться над схваткой —
искомый и редкий талант,
ненавязчивость мнений,
услышать и даже поверить
проступившею складкой

на лбу под дождливый диктант
и с урчащим котом на коленях,
к незапертой двери
обратиться лицом
и увидеть в проёме луну
под звучанье Шопена,
вина пригубить из бокала,
твердь сравнить с образцом,
вспомнить и не увидеть вину,
возвращаясь из плена
забытого публикой зала,
сознавая блаженную суть
осознания пути,
миг, в каком мимолётность
вступления в зиму,
выйти в осень, вдохнуть
и на выдохе вновь обрести
ту душевную лёгкость,
которая необходима...

ОБ АВТОРЕ

Гари Лайт родился в Киеве в 1967 году. С 1980 года живёт в США. Окончил университет (факультеты политологии и славистики), затем юридическую магистратуру.

В 1998 году принят в Союз писателей Москвы, в 2015 году принят в Союз писателей Украины. Состоит в ПЕН-клубе.

Публикуется в литературных журналах Америки, Израиля, Канады, Европы и Украины. Участник антологий «Строфы Века 2», «Киев. Русская поэзия. XX век», «70. Стихи к 70летию Израиля». В Киеве, Нью-Йорке, Филадельфии, Санкт-Петербурге и Москве в различных издательствах вышло несколько книг автора.

Сборник его стихов «Траектории Возвращений», опубликованный недавно одновременно издательствами в Украине и США, был удостоен литературной премии Национального Союза Писателей Украины им. Николая Ушакова.

Сборник стихов Гари Лайта на английском языке *CONFLUENCES* увидел свет в чикагском издательстве *Bagrly & Company*.

Галина КОМАРОВСКАЯ

ЧУДЕСА

Пока номер журнала готовился к выпуску, пришла печальная весть: 13 февраля после тяжелой продолжительной болезни ушла из жизни наш автор Галина Комаровская. Коллектив журнала и издательства выражает глубокие соболезнования мужу Леониду и всем близким покойной.

Каждое воскресенье их ждут, и они приходят, иногда их больше, иногда меньше. Городской рынок, заполненный продавцами, покупателями, зеваками, фотографами и журналистами со всего света, вибрирует в напряжённом нетерпении.

Они идут не быстро и не медленно, светлой стайкой рассекают толпу, молчаливо расступающуюся, благоговейно впитывающую притягательное зрелище: явление Бессмертных простому люду.

Главная Поля обычно идёт впереди, прокладывает дорогу остальным. Она самая высокая, ростом не менее двух метров. Белые, мелко кудрявые волосы одуванчиком вытягивают вверх длинную тонкую шею. Огромные, небесной чистоты голубые глаза, не затенённые ни ресницами, ни бровями искрятся радостью, заставляя не замечать плотной сеточки мелких морщин на лбу, щеках и подбородке. На розовых губах, не соответствующих блёклой коже лица, постоянно играет улыбка. Её губы очень подвижны, будто Главная Поля постоянно что-то беззвучно поёт или декламирует.

Следующая за нею Поля ростом пониже, сантиметров сто девяносто. Её седые волосы не кудрявятся мелкими завитками, а длинными локонами падают на плечи, прикрытые, как и у Главной Поли, только застиранной до белизны больничной рубахой, когда-то голубой в синий цветочек. Остальные Поли, среди которых присутствует и низкорослый, ростом чуть повыше метра восьмидесяти, старичок, идут чуть

поодаль. Старик обычно замыкает шествие. Он идёт, широко расставив руки, как бы очерчивая собой границу между Полями и зачарованной толпой.

На рынке Поли ходят между рядами, торговцы суют им в руки свой товар, но Поли принимают дары не у всех и не как попало. Они берут картошку в сумках, яйца, морковь, яблоки и другие фрукты в корзинах, молоко в бутылках, сметану в банках. Затем выходят за ворота рынка и тут же раздают только что полученные дары в протянутые руки желающих получить продукты, считающиеся целебными от прикосновения к рукам Бессмертных.

Иногда Поли, раздав всё до последней морковки, возвращаются на рынок и снова собирают подарки от одних, чтобы тут же раздать другим. От погоды их маршрут, одежда и действия не зависят. Зимой и летом они носят только рубахи на голое тело, их ноги обуты в самодельные ковровые тапочки и потому дорогу от больницы до рынка в воскресные утра ещё затемно чистят вначале уборочными машинами, а затем выметают метлами до последней грязинки или снежинки. А случись образоваться наледи, желающих сколоть лёд с бетонной дорожки, проложенной от горбольницы до рынка специально для Бессмертных, больше, чем лопат в городском хозяйстве.

С собой в отдельно стоящий больничный флигель они уносят корзину яблок, морковь, сельдерей, по сезону — лукошко ягод или вишни, редиску и зелёный лук.

Торговцы заполняют рынок плотными рядами, каждое место драгоценно и по стоимости, и по прибылям. Для Поля торговцы свой товар не только не жалеют, а напротив удручаются, если не удаётся подарить именно свой мешочек или корзинку, так как рынок своим существованием, а значит торговцы своим бизнесом, заработком и, что немаловажно, причастностью к Чуду, обязаны Бессмертным Полям.

Иногда, обычно новички-торговцы, пытаются и деньги сунуть в руку или в корзинку, прикрыв огурчиками или пучком укропа, но Поли зоркие, прямо как ястребы, осквернённые купюрами дары немедленно возвращают глупым людям.

Среди людей, почитающих Поля святыми, есть и подражатели. Некоторые носят в любую погоду только ситцевые рубахи и ковровые тапочки и, если не простужаются, не заболевают воспалением лёгких и циститом, то бывает, что избавляются от ревматоидного артрита, ишемической болезни сердца, а то и рака нескольких неоперабельных видов.

Постоянно разносятся слухи о бывших больных, особенно диабетиках, выздоровевших благодаря поеданию продуктов, полученных из рук Поль. Правда существует утверждение, что эффективна польская диета только в том случае, если кроме этих освящённых Бесмертными продуктов, ничего другого за несколько недель съедено не было.

А началась эта история много лет назад с неприятности, впрочем, много чего замечательного под нашими небесами началось с, казалось бы, плохого, как, впрочем, и много ужасного оттолкнулось от событий, по первости провозглашённых великорадостными.

В этом небольшом провинциальном городке, назовём его для краткости X, в давнем году опять прохудилась крыша в городской больнице. Свободных денег у городских администраторов на ремонт не было, а если бы и были, то на что их тратить в первую очередь, было неизвестно, так как школа также не блистала необходимым ремонтом лет уж десять, туалеты в ней, как и в больнице, были наглухо закупорены, не спрашивайте чем, и отсутствие денег в принципе освобождало ответственные головы от проблемы, на что их тратить в первую очередь.

Главный врач больницы, Максим Петрович, приятельствовал с мэром, а мэр с директором градообразующего предприятия и с главным блюстителем законов, и все они вместе, если смотреть не изнутри, были дружной компанией и по пятницам уже с обеда проводили время в бане. Эти посиделки были более обязательны для посещения, нежели заседания городского актива, так как именно по пятницам и в бане решались основные вопросы, распределялось то, что появлялось для распределения и ущемлялись те, кого можно было ущемить, отсутствующие в первую очередь.

Здание городской больницы не было уж очень старым и ещё несколько лет назад больницу называли не иначе, как новой, но построена она была тятю-ляпом, параллельно с ней известно каким чудом были построены дачи председателя горсовета и тогдашнего главврача, ныне уже усопшего, и больничка не получила кое-чего из официально причитающихся ей стройматериалов, потому и разваливалась, не дотянув до сроков запланированного документами капитального ремонта.

Когда-то больничное учреждение располагалось в бывшем графском доме на берегу реки, но в годы давно минувшей войны в центральную часть здания попал шальной снаряд и дом раскололся на

две части, однако кое-как лечебное учреждение профункционировало ещё какое-то время, так как утратив центральный вестибюль, но сохранив два двухэтажных крыла, а также восстановив водяное и электрическое снабжение, терпеливо ожидало новую больничку и дождалось, а с нею вон как вышло.

И теперь столпы города думали, что же делать с неразумным населением, не перестающим болеть и надеяться на стационар, и придумали под бутылку неведомо кем занесённого шнапса с серебристой этикеткой и готическими буквами, подтверждающими немецкое происхождение несерьёзного, но хорошо пошедшего под финский сервелат и солёные огурчики, вражьего напитка. Не вражьим он и не мог быть после детства, прошедшего под гул киношной канонады, и нет на свете языка больше немецкого, неприятно раздражающего как русское, так и русскоязычное ухо.

Идея заключалась в том, чтобы направить в ихний Бундестаг письмо с требованием восстановить разбомблённое в войну здание больницы, от которого остались два полуразрушенных двухэтажных крыла и одинокая колонна фасада. Поскольку немцы ещё не вполне оправились от радости воссоединения, то сгоряча и в праздновании могут забыть, сколько с той бомбёжки прошло лет и что им стоит отвалить некоторое количество ихних марок на восстановление порушенного медицинского памятника архитектуры, а то, что восстанавливать бывший графский дом резоннее, чем новострой, сомнений не было ни с моральной, ни с материально-финансовой точки зрения с точки зрения мэра.

Немедленно прямо в баню была вызвана молодая учительница немецкого языка, как потом оказалось — английского, но с немецким она тоже с помощью подруги по переписке справилась и письмо, надиктованное под шнапс и сервелат, было со временем переведено и отправлено секретарём мэра на бланке и с мэрской подписью, правда он об этом не знал, потому что как раз был по приглашению на охоте в соседней области.

Секретарь мэра некоторое время ждала ответа на письмо, но не особенно, так как письма к родному областному начальству тоже чаще всего были безответны, а тут — Бундестаг! Поэтому звонок из столицы, из немецкого посольства о том, что такие-то и такие-то господа желают согласовать своё прибытие в этот самый X из самого Берлина, застал врасплох мэра, а секретаршу — нет. Визит постарались отодви-

нуть, чтобы успеть отремонтировать сантехнику в гостинице и заделать несколько ям на дороге от станции до мэрии, про больницу никто не вспомнил.

Германцы приехали, графские развалины осмотрели, по их настоянию пришлось показать и ныне действующую больницу, так как на объяснение, что никакой другой больнички нет и народ пока остановился болеть и ждёт, они не купились, да и привезённая делегацией переводчица оказалась настырной, спросила у прохожих, и те показали как пройти.

Немцы, дружелюбно улыбаясь и выражая через переводчицу восхищение красотой природы, особенно с берега реки, уехали на следующий же день, ничего не пообещав и даже не обнадёжив, но начальство расстроено не было, так как расстройство, если речь не идёт о кишечном, есть следствие надежды, а надежды не было с самого начала, не считая пьяных разговоров в бане, о которых никто не помнил.

Однако через несколько месяцев новый звонок из посольства сообщил о предстоящем приезде делегации специалистов, при этом упоминались архитектор, геодезист и пара инженеров строительного направления. Приехали, осмотрели графские развалины и, извиняясь, сообщили, что пострадавшее от войны и времени здание восстановить и приспособить под нужды современного лечебного учреждения не представляется возможным. А далее почти без паузы потомки врагов и разрушителей предложили построить рядом с развалинами совершенно новую больницу по стандартному германскому проекту, рассчитанному на город примерно с таким же по численности, как в X, народонаселением.

Пока руководитель делегации продолжал свою речь, мэр подбирал слова для вежливого отказа, в котором бы удалось скрыть отсутствие финансовых средств для осуществления да хоть бы самого распрекрасного проекта, но тут переводчица, откивав немцу, начала рассказывать про какие-то чудеса.

Суть невероятного сообщения заключалась в том, что какой-то фонд, его название не переводилось с немецкого, готов оплатить архитектурный проект, возведение здания и сопутствующих служб, стройматериалов, медицинской техники и расходных материалов на первое время. Для начала работ требуется официальное согласие города и затем согласование проектной документации. Кроме того, местные врачи будут приглашены в Германию на стажировку или немецкие специалисты прибудут в X для обучения эксплуатации диа-

гностического оборудования, наличия аналогов которого в местной больнице замечено не было.

Сказать, что мэр был в восторге, так нет. Он уже представлял себе разговор с губернатором области, который ему предстоит выдержать и какие объяснения придётся давать. Свалить все на секретаршу, отправившую письмо, не представлялось возможным, так как это было ближе всего к правде, а опыт его нелёгкой жизни требовал всегда от правды держаться подальше, так как ничто не выглядит менее правдоподобно и не навлекает на голову больше бед, чем голые факты без вранья.

Можно было бы гордо заявить пруссакам, что и без них в плане развития города на ближайший год стоит возведение новой больницы, опережающей мировые инновационные технологии в медицине, но мэр не знал, что значит слово «инновационные» и поэтому, улыбаясь, промолчал.

А потом всё как-то быстро закрутилось. Оказалось, что в город Х завезли точно такой госпиталь, сначала в виде стройматериалов, какой эти же самые строители только что построили в стране также с неблагоприятным климатом, но в сторону жары, после разрушительного землетрясения, так что технология была отработана и требовала минимального взаимодействия с местным городским управлением.

Больница была также возведена на берегу реки вблизи от графских развалин, а значит не в городской черте, и зданий включала в себя целых три: основной пятиэтажный корпус с лифтами, с приёмным покоем, диагностическим центром, операционными, реанимационным отсеком и просто с палатами на одного и на двух пациентов с обязательным туалетом и душем при каждой, а детское отделение предполагало отдельные боксы для каждой матери и ребёнка или двух детей, если постарше годика.

Кроме того, были возведены два небольших двухэтажных корпуса в некотором отдалении от основного. Одно, понятное дело, было инфекционным отделением, а второе — паллиативным.

Вот это паллиативное отделение и присмотрел лично для своей семьи тогдашний главный врач Максим Петрович, а тот, что построил дачку заодно с предыдущей больничкой, уже несколько лет как помер.

Расчёт главврача был простым. Для начала паллиативное отделение заполнят кем и положено, то есть безнадежными больными, а затем вновь появляющихся в больнице умирающих, согласно обычной

практике, будут, как и раньше, вовремя выписывать домой, так как ничто так не приободряет больного, как моральная поддержка родных и близких.

Паллиативное отделение постепенно опустеет, и его можно будет перестроить в жилое помещение для персонала, а уже следующим этапом поселить в нём двух самых нуждающихся в жилплощади медиков, главврача и его жену, по совместительству — отоларинголога. Именно поэтому, ещё до введения больницы в эксплуатацию, врач с супругой зачастили хоть и в двухэтажный, но с лифтом домик, осматривали все двадцать палат с ванными комнатами и балконами и прикидывали, сколько спален оставят на втором этаже и как перекроют первый, чтобы была и просторная гостиная, и бильярдная, и сауна с джакузи, и кухня и столовая с выходом в сад и видом на противоположный берег реки. Получалось всё прекрасно.

В связи с новой больницей областной отдел здравоохранения, пережив несколько острых приступов зависти и внутреннего протеста против вопиющей несправедливости, поневоле расщедрился и изменил штатное расписание, увеличив количество штатных единиц врачей и медсестёр, сэкономив по привычке на младшем медперсонале, то есть на санитарках.

В Х прибыло несколько выпускников медицинских вузов для работы в новой больнице, в Германию на стажировку к тому времени съездили проверенные кадры, например, отоларинголог в качестве рентгенолога.

Среди новеньких был выпускник мединститута, какой-то совсем странный парень по имени Семён Осинный, честно сообщивший, что приехал на три года отработать диплом, а затем будет поступать в аспирантуру и потому карьере делать не собирается, а наоборот будет набирать материал для будущей диссертации и тема научного труда ему уже известна.

Главврач решил, что для начала будущего аспиранта можно использовать в паллиативке, а затем, при её окончательном опустении и репрофилировании, задвинуть в приёмное отделение на дежурства. Но жизнь, как известно, вносит свои коррективы в планы и гораздо более серьёзных прогнозистов.

Как только новая больница была торжественно открыта, в неё хлынула лавина такого количества нуждающихся в пребывании в стационаре, что, даже принимая только по звонкам сверху, протекции и тех,

кому невозможно отказать, все места, включая инфекционное отделение, но пока не паллиативное, заполнили за два дня.

Паллиативное отделение заполнялось медленнее и тоже по блату, но заполнилось дня за три.

Как и предполагал главврач, в паллиативном корпусе неизлечимо больные, как им и положено, быстренько стали умирать, несмотря на роскошный вид из окон и кислород, подведённый индивидуально к каждой кровати из общего кислородного резервуара с устройством, самопроизводящим чистейший животворящий газ из речной воды. Таким образом из двадцати первоначальных пациентов паллиативки через две недели пять покинули роскошные индивидуальные палаты, переселившись, хотелось бы думать, в не менее комфортабельные небесные.

История развивалась нормально, и главврач, знакомый с законами корреляции на бытовом уровне, по вечерам просматривал с женой каталог итальянской фирмы, предлагающей роскошные джакузи с установкой в любом населённом пункте не восточнее Уральской гряды.

А потом случился непредвиденный облом: на третьей неделе паллиативное отделение не потеряло ни одного пациента.

Доктора Осинного вызвали на ковёр, и он отчитался о проделанной работе, которая, как он ошибочно предполагал, заключалась в создании максимально комфортных и радостных условий для тех, кому нечего терять. У него были и специфические проблемы, с которыми он хотел бы поделиться и даже посоветоваться с боссом, но до этого не дошло. Главврач, гневаясь непонятно на кого, сетовал, что в паллиативное отделение поступили больные с ошибочными диагнозами и что это недосмотр не только предыдущих лечащих врачей, но и доктора Осинного, обязанного перепроверять диагнозы.

Тем временем у Осинного возникла проблема с визитёрами. Родственники, а порой и друзья и даже знакомые пациентов не хотели заканчивать посещение больных в определённые правилами сроки. Некоторые просиживали, глядя в окно, часами, тем более что кресла были очень удобными и до сих пор не исчезли из палат, так как главврач, ожидая обещанного фондом, оплатившим больницу, дружественного визита немецкой делегации, запретил пока растаскивать мебель, посуду и медицинскую утварь. Главврач не только надеялся, но был ошибочно уверен, что после первого и единственного визита связь с дарителями оборвётся.

Так вот, посетители удобно устраивались в палатах своих умирающих и уходили только после настойчивого требования дежурной медсестры, подозревающей, что любовь к умирающему просыпалась у родственников вместе с привязанностью к чистым и светлым комнатам, бесперебойно работающей сантехнике и приятной тихой музыке, льющейся из невидимых динамиков.

Время шло. Больных, сопротивляющихся предполагаемым срокам смертей, снова и снова возили в основной корпус в диагностический центр и выяснялось, что злокачественные опухоли находились в тех же местах, где им было положено находиться в соответствии с первоначальными диагнозами, циррозы доедали печени, а лёгочная гипертензия проявлялась в виде кровохарканья и обещала неминуемый летальный исход в различные невооружённым глазом сроки.

Сроки подходили, а умирание отодвигалось. Новые обследования подтверждали предыдущие прогнозы и, казалось бы, врачебных ошибок не было, но не было и динамики развития болезни, другими словами пациенты паллиативного отделения, как и прежде, были обречены на смерть, вот только прогнозируемые даты перехода в мир иной в очередной раз отодвигались, вроде бы и недалеко по временному вектору, но доктора уже не верили не только друг другу, но и себе, настолько очевидное было невероятным.

Человеку свойственно радоваться чуду, и многие посвящённые в паллиативную аномалию, как, например, доктор Семён Осинный, постоянно находились в состоянии эмоционального возбуждения со знаком плюс. Однако радовались не все. Плохие времена настигли главврача больницы и отоларинголога, по совместительству супругу медицинского босса. В их ранее просторной квартире в самом центре маленького города X открылся филиал ада. Дело в том, что их единственный сынуля два года назад женился и вроде бы не на ком попало, а, как водится среди непростых людей, на племяннице мэра. Собственно, это обстоятельство и унесло главврача мечтой в паллиативное отделение.

Предполагалось сыну с невесткой и народившимся внукам-близнецам оставить квартиру, а самим мыкаться в служебной жилплощади в два этажа с десятью спальнями наверху и гостиной, бильярдной, столовой, сауной и джакузи — внизу, а также с роскошным видом на реку и пологий противоположный берег с заливными лугами. Извините, что напоминаем.

У отоларинголога отношения с невесткой портились с каждым днём, и дело дошло до потасовок, но пока без членовредительства. Сын не разговаривал с отцом, считая себя обманутым, а няньки близнецов, хоть и получали зарплату санитарок горбольницы на две ставки, увольнялись одна за другой, не выдерживая беспрестанных криков детишек и воплей их мамы и бабушки. Бабушка, хоть и отоларинголог, но всё-таки врач и могла бы знать, что у нервных родителей нет шансов растить спокойных детей.

Главврач, исключая пятницу, святой банный день, всё чаще вызывал себя посредством доверенного лица на неотложные консилиумы в вечернее время и оставался на посту до утра, тем паче, что резервная палата со всеми удобствами, без орущих близнецов через стенку и депрессивной жены, всегда была наготове.

А время продолжало идти, вот и делегация приехала, осмотрела, пообещала прислать замечания на двух языках, впоследствии и прислала, но прочесть их никто не успел, так как пакет из Германии пришёл аккурат в день похорон главврача, а после похорон было уже не до замечаний и про пакет забыли навсегда.

А случилось вот что. Пятница обязывала пойти в баньку, обсудить, выпить, попариться, опять выпить, поддержать дружественные отношения и порешать вопросы с кем надо. Максиму Петровичу после такой нагрузки поехать бы в больничку и там отдохнуть, но жена в консилиум после бани при всём её желании поверить бы не смогла, и он отправился домой, а там с порога его ждало известно что, вот сердце и не выдержало, а родственники его реакцию на очередной скандал в виде хватания за левую грудь в голову не взяли и бросили помирать отца, мужа и кормильца прямо в прихожей, разбежавшись с хлопаньем дверями по разным комнатам. Нянька к тому времени уже ушла домой, а жаль, ведь она могла бы спасти работодателя.

Вот так и бывает, что человек много думающий о чужих переходах в мир иной, нетерпеливо их ждущий и более того, предвкушающий заполнение чужих свидетельств о смерти, даже и со скорбным видом, имеет шанс всех смертельно больных обогнать и раньше других поприсутствовать на собственном погребении в качестве незабвенного.

Опять-таки, как возможно предугадать и не сделать роковых ошибок на тернистом жизненном пути? Не рвался бы в своё время из невропатологов в главврачи, не обязал бы сына непременно жениться на

племяннице мэра, а не на бывшей однокласснице, по которой пацан сох десять лет подряд, гляди и дождался бы Максим Петрович, когда внуки пойдут в первый класс, а вышло наоборот.

Максим Петрович был мужчиной не старым, с городским и областным, по линии здравоохранения, начальством ладящим и потому у него не было намечено преемника, да никто и не зарился, особенно теперь, когда вспомнилась преждевременная кончина и предыдущего главврача предыдущей горбольницы.

Делать нечего, из области прислали варяга. Варяг, не сказать, чтобы первым делом, а примерно пятым, поинтересовался, почему в паллиативном отделении простаивает без дела несколько палат, в то время как с раком четвёртой стадии выписывают на руки родственников без медицинского образования. Объяснять же, что Максим Петрович имел на флигелёк свои планы, было неуместно в свете событий, послуживших причиной появления нового главврача, поэтому вину свалили на Осинного, всё равно скоро уедет в свою аспирантуру, а выговор вынесли без занесения с обещанием впоследствии дать хорошую характеристику.

Временно пустующие палаты в паллиативке заполнились молниеносно горячо желающими, но их надежды на консервацию предсмертного состояния оказались напрасными и через пару недель умер первый пациент из вновь поступивших в обитель морально и физически комфортного предсмертия, а за ним потянулись и остальные из новеньких, и только старожилы держались молодцами и прежде не ходячие начали вставать и осторожненько подходить к окнам полюбоваться на непрерываемый ход реки.

Слухи о неумирающих смертниках выплеснулись вначале за пределы X, а потом и области. Что делать, телефонную связь не отменить, и потянулись в X интересующиеся аномалией медики, больные и родственники больных, впрочем, и вполне здоровые люди проводили разведку, возможно собирая информацию на будущее.

А тут пришло время принимать очередную делегацию из Германии, а не принять было нельзя, так как расходные материалы для аппаратуры, всё ещё работающей, поступали бесперебойно и это обязывало к гостеприимству, хотя и без иностранцев обе гостиницы, старая и новая, были заполнены под завязку, и местные бабульки прямо с поезда зазывали любопытствующих приезжих на постой и были не в накладе. Говорят, что именно с безымянной бабульки началось и прикипело к Бессмертным размноженное имя Поля. Ви-

дать, про паллиативную медицину бабушка ничего не знала, а вот то, что чудеса пошли не то с Пали какого-то, то ли с Поли какой-то, она слыхала и передала дальше.

Немцев по больнице поводили и на ночёвку отвезли в гостиницу в областной центр, там их покормило ужином областное начальство, чуткое к грядущим подаркам судьбы.

На следующий день делегация пожелала вернуться в уже давно не их больницу, так как сразу же после окончания строительства лечебное учреждение перешло на баланс отдела здравоохранения, но отказать им не представилось возможности и в этот раз немцы дошли до паллиативного учреждения, хотя инстинктивно местному городскому, а также областному и всему медицинскому начальству посвящать иноземцев в наши паллиативные достижения не хотелось по крайней мере до того времени, когда они бы сами разобрались что происходит, почему и в чём именно заключается их личная заслуга.

Среди членов делегации был особенно настырный докторишка, рыжий и в очках, типичный немец и, судя по его вопросам, особо интересующийся проблемами паллиативной медицины. Он вконец утомил переводчицу вопросами и слегка опешил от информации, согласно которой пациенты с раком лёгких четвёртой степени уже пятый год находятся в стационаре, сами разносят по палатам обеды и моют полы швабрами, так как не хватает персонала, что было чистой ложью, так как не хватало не персонала, а штатных единиц санитарок, выведенных из паллиативного отделения в главный корпус.

На вопрос рыжего, почему же их не выписывают домой, доктор Осинный честно ответил, что, во-первых, они не хотят, а во-вторых, регулярные обследования подтверждают первоначальный диагноз и продемонстрировал и рентгеновские снимки, и результаты лабораторных исследований образцов крови и мочи, несовместимые с жизнью.

Вот тут доктор Осинный слегка лукавил, говорил правду, но не всю, так как он к тому времени закончил аспирантуру заочным образом и писал диссертацию, но не по своей первоначально придуманной и давно забытой теме, а совсем другую.

Мыли полы, разносили пищу и укладывали бумажные гирлянды в коробочки по заказу дружественного ООО герои его будущей диссертации, а, глядишь, и Нобелевки. Как вы уже поняли, доктор Осинный

собирал базу данных для последующей классификации, выработки научных выводов и, возможно, рекомендаций. До обобщений в своей научной работе доктор Осинный пока не дошёл, но не сомневался, что великое открытие не за горами, а пока всех первоначально поступивших больных держал годами в вверенном ему паллиативном отделении, хотя это было явным нарушением правил и ему пришлось пообещать больничному начальнику принять его в авторский коллектив.

Немцы согласовали с областным начальством сроки следующего приезда, а главврач при поддержке рыжего немецкого доктора выжал из представителя фонда обещание поставить перед коллегами вопрос дарения больнице новой установки МРТ, гематологического анализатора, а также двенадцатиканального электрокардиографа, или хотя бы чего-то одного из вышеперечисленного.

И вот мы подходим к важному событию, главному украшению нашего рассказа, а началось оно с неприятности, случившейся на железной дороге, а городок X, как известно имел свою железнодорожную станцию и проносящиеся мимо поезда, впрочем, некоторые следовали через X с остановкой. Во время одной из таких остановок из поезда высадили, но это не совсем подходящее слово, так как посадить по логике можно только тех, кто сидит, поэтому так и скажем: выложили женщину, состояние которой можно было бы назвать бессознательным, если бы не широко открытые голубые глаза. Во всём остальном она представляла из себя неподвижное тело, и старший проводник согласно инструкции удалил тело из поезда для немедленного оказания медицинской помощи на ближайшей станции, о чём и сообщил по радиосвязи дежурной по маленькому вокзалу города X.

Дежурная Оля Сироткина в соответствии с правилами должна была вызвать скорую помощь, а пока неподвижную женщину положили в зальчике ожидания на скамью, на грудь примостили её сумочку типа ридикюль, а рядом поставили ей же принадлежащий небольшой чемоданчик.

Неудачное время выбрала бессознательная женщина, чтобы оказаться на станции, так как дежурная как раз в эти минуты передавала смену, а блюститель порядка отошёл в дежурку к стрелочникам и там немного на пару часов завис по неизвестным нам надобностям. И только после новостной телепрограммы, отужинавшая и расслабившаяся в домашних условиях после тяжёлой смены Оля Сироткина, вспомнила про женщину и скорую помощь и то только потому, что

после новостей начался фильм с одноимённым названием, то есть «Скорая помощь». В её голове тут же возникла мысль, что скорую она так и не вызвала, и Оля стала звонить сменщице. Женщину, по-прежнему лежащую на лавке, нашли, правда уже без ридикюля и чемоданчика, но скорую вызвали.

Так голубоглазая незнакомка без документов, без ясного сознания и способности говорить и двигаться, оказалась в приёмном покое горбольницы, где её обследовали насколько это было приемлемо для ничейной поступившей. Случай оказался не только сложным, но и даже загадочным. Казалось бы, почти всё указывало на коматозное состояние. Вызванный в приёмное отделение невролог, применяя шкалу Глазко для определения уровня сознания больной, тут же пришёл в недоумение, так как из трёх обязательных признаков коматозного состояния: отсутствие речи, обездвиженность и закрытые глаза, один напрочь отсутствовал. Глаза недокоматозницы были открыты. Реакции на внешние раздражители совершенно отсутствовали, как на световые, так и на звуковые и даже разрешённое медициной в целях установления диагноза болевое воздействие на женщину не произвело никакого ответного впечатления. Её кололи иглой, а она даже не дрогнула. Или всё-таки неизвестный доселе вид комы в виде ступора? Температура тела была лишь немного понижена, артериальное давление также слегка не дотягивало до нормы, медленное, ритмичное дыхание наводило на мысль о беспорядке со щитовидной железой, но густые и блестящие волосы у женщины отнюдь не молодой, а также не повышенное артериальное давление отметили подозрение на гипотериоз. Оставалось дожидаться результатов биохимического анализа крови, но где же она могла его дожидаться? В коридоре приёмного покоя? А вдруг у неё пока не выявленная инфекция? Да и мало радости проходить мимо пялящихся в потолок голубых глаз по всем остальным видимым признакам живой покойницы.

По правилам медицинского стационара больных с неустановленным диагнозом следует поместить в закрытый бокс инфекционного отделения, чтобы в случае диагностирования со временем сибирской язвы или холеры не было бы поздно кивать на неявные признаки. Но и тут всё складывалось, как это бывает при поверхностной оценке — крайне неудачно, а в перспективе — лучше не бывает.

Дело в том, что к ужасу главврача, санэпидемстанции и горздравотдела, в очередной раз оскандалилось кафе «Куриное счастье», награ-

див несколько десятков любителей куры-гриль сальмонеллёзом, что означало полный аншлаг в инфекционном отделении, и только поэтому недокоматозница была направлена в паллиативное отделение к доктору Осинному, который поначалу отчаянно и бесполезно сопротивлялся, о чём потом с ужасом вспоминал.

На всякий случай к женщине был ограничен вход до одного доктора в день и одной медсестры в медицинских перчатках и маске. Доктор Осинный в своих медицинских научных интересах был целенаправлен на паллиативные аномалии, но и случай голубоглазой женщины его заинтересовал, и когда пришёл результат свободного от инфекций биохимического анализа, расставаться с прежде нежелательной пациенткой он не захотел, а начал изучать её неизвестное науке состояние, что безусловно говорит о пытливой научной мысли даже тех некоторых аспирантов, кто учился заочно.

Доктор изучил разновидности комы и пришёл к выводу, что аномальная пациентка скорее всего переживает уровень коматозного состояния между оглушением и ступором. Далее его пытливая мысль побежала в сторону причин возникновения такого состояния и пришёл он к умозаключению, что женщина пережила сильное нервное потрясение, из которого не нашла выхода. Какое же может быть потрясение у немолодой женщины с правильными чертами и огромными глазами с малозаметной сеточкой морщин на всё ещё вполне привлекательном лице? Конечно, любовное. Семён Осинный, концентрируясь на науке, много лет подряд отбивался от врачей и медсестричек и точно знал, что молодые женщины любовные неудачи, в отличие от пожилых и совсем юных, переносят с оптимизмом, вены не режут и в ступор не впадают. А вот с пассажирками последнего любовного поезда могут случиться любые неприятности.

И дальше доктор Осинный придумал целую историю про то, как она поехала с мужем, например, отдыхать на курорт, а он возьми и заяви ей, что у него роман на стороне и она должна поехать одна, а он остаётся для развития своей любовной связи и покидает купе и вагон. Она впадает в ступор. Или всё наоборот. Она сбегает от мужа с молодым любовником, чтобы обрести счастье в другом краю, а любовник дрейфит в последний момент и оставляет её в одиночестве в том же купе и вагоне. И опять она впадает в ступор. Так что истории возможны по крайней мере две или больше, если фантазия не иссякнет на достигнутом.

Осинный по-прежнему изучал своих первоначальных неумирающих смертников, но каждую свободную минуту забегал к безымянной пациентке, к которой его тянула тайна и неизведанность. Он знал, что существует мнение, что люди, находящиеся в коматозном состоянии, способны слышать и понимать, не проявляя признаков сознания, и решил попробовать поговорить с женщиной в одностороннем порядке и начал рассказывать ей историю своей жизни и паллиативного отделения, а также чудесного неумирания больных, обречённых на смерть страшными диагнозами.

С этого всё и началось. Доктор Осинный не разбирался в тонкостях душевного строения человеческого существа и не осознавал, что, открываясь душой другому человеку, приближаешься к нему на критическое расстояние, как это происходит с ртутными шариками, оказавшимися слишком близко друг от друга. Бац! И они слились в одно целое.

В один прекрасный день доктор Осинный сидел рядом с коматозницей, рассказывал ей о своём детстве, о каких-то смешных пустяках и вдруг заметил, что бледно-розовые губы его безответной собеседницы дрогнули и чуть-чуть растянулись в намёке на улыбку. Короче, через неделю её уже учили ходить на ослабевших от долгого лежания ногах и держать в руке ложку. Она не помнила, как её зовут, откуда она взялась и что было в её жизни плохого и хорошего до паллиативного отделения, но, когда медсестра настойчиво спросила у сидящей в кресле перед окном пациентки — не вспомнит ли она своё имя, хотя бы без фамилии, та ответила что-то типа: Поля. И это было недоразумением, так как на самом деле женщина смотрела на противоположный берег реки. Она, будучи городской жительницей, не отличала луг от поля, но вспомнила вдруг давно не произносимое слово и ласково покатила его между языком и нёбом, а вопрос медсестры она просто не расслышала.

Тем временем в город X, а точнее в горбольницу, а ещё точнее, в паллиативное отделение, началось нашествие учёных нескольких смежных областей медицины. Геронтологи, специалисты паллиативной медицины, онкологи, клиницисты-неврологи не только из областных центров, но и из столицы, заинтересовались происходящими в X феноменальными отклонениями в ходе протекания последней стадии неизлечимых заболеваний. Отношение к происходящему почти у всех приезжих интересантов проходило по оди-

наковой схеме. Вначале — скептическое отношение к провинциальному, так сказать, чуду, обусловленному ошибочными диагнозами, или, что ещё хуже, намеренному введению в заблуждение с целью прославиться и получить дополнительные средства, которых всегда и у всех не хватает. Второй этап характеризовался недоумением и подозрением в каком-то умело организованном подвохе. Большинство на втором этапе и останавливалось, хотя бы потому что не знало, как подступиться к третьему и удалялось туда, откуда прибыло.

Были и настырные, которым грозило превратиться в фанатов, одержимых конспирологическими идеями типа тайных опытов с таблетками бессмертия, присутствия именно в паллиативном отделении источника пока неизвестного науке излучения, а также глубоко законспирированных и одобренных правительствами по крайней мере двух стран контактов с иноземной цивилизацией и заключения с ней договора о совместной научной работе, причём у этой теории были некоторые основания для существования в виде вопроса: «А почему это именно здесь немцы построили больницу, да ещё и с редким по тем временам паллиативным отделением, отстоящим от основного корпуса ещё дальше, чем инфекционное?»

Не начинать же им рассказывать про баню и письмо в Бундестаг людей, кстати говоря, уже всех усопших по возрастной причине.

Сам же доктор Осинный голову сломал над вопросом, почему не умирают много лет подряд пациенты, первыми заселившиеся в его флигель? И почему те, что поступали в последующие недели и годы, уходят в мир иной, не опровергая медицинские прогнозы? Без ответа на эти вопросы вся его статистика, все собранные за долгие годы результаты КТ и МРТ, анализы и электрокардиограммы ничего не стоят и не являются научным трудом.

На основе имеющегося материала можно статью написать в медицинский журнал, что он уже не единожды делал, но открытия и даже просто обобщения с мало-мальски логичными выводами по-прежнему нет.

Вот об этом доктор Осинный и говорил Поле. Привык к её внимательному молчанию, выговаривался, а она слушала и неожиданно дала совет, невероятно простой.

— Чудеса, конечно, бывают, — сказала Поля, — но для их возникновения должна быть какая-то причина и она, конечно, есть, и ис-

кать её нужно в самом начале, то есть в истоках чуда. Вспомни, как и с чего всё начиналось, что происходило, что делал ты и что делали другие люди и, главное, попробуй вспомнить, чем отличались те несколько человек, что умерли в первые недели от тех, что стали бессмертными.

— Я не помню, — ответил Осинный, потрясённый тем, что она произнесла запретное слово.

— Напрягись и вспомнишь.

— Но ведь ты же не вспоминаешь.

— Я не хочу вспоминать, боюсь, вдруг там что-то такое страшное, что мой организм не смог перенести.

И в этот самый момент Семён Осинный понял, как глубоко и сильно любит женщину, которая старше его на неизвестное количество лет. И ещё он подумал, что разница в возрасте в их случае не может быть определена конкретным числом.

Тем временем город Х жил нормальной жизнью людей, а, значит, в нём кипели страсти, змеились подковерные интриги, банально питаемые тщеславием и жадностью.

Сеть продуктовых магазинов «Двадцаточка» плела козни против рынка, что было естественно, как солнце и дождь. «Двадцаточка» за годы материального поддержания городского начальства навела мосты и обрела влияние, достаточное для вынесения городским советом и глубоко в душе рыдающими: мэром, санэпиднадзором и пожарными решения о закрытии фермерского рынка. Санэпидемцы и остальные теряли щедрого кормильца, но не могли сопротивляться, так как были нагнуты железной рукой областного начальства, заинтересованного «Двадцаточкой» старым способом. На всякий случай организованное ветеранами труда общественное мнение решение горячо поддержало, но быстро забыло что.

Население, оповещённое о грядущих переменах водителями и домработницами хозяев города, заволновалось. Стало понятно, что, лишаясь рынка со свежими и сравнительно дешёвыми продуктами, небогатый и многочисленный в процентном отношении слой населения окажется в полной зависимости от цен и качества продуктов из «Двадцатки». А жаловаться некому, разве что сетовать. Вот медсестра Танечка и посетовала Главной Поле на беспредел городского начальства, и это привело к новым событиям. Следующим же утром стайка пациентов, а точнее жильцов паллиативки, вышла из корпуса и гусь-

ком направилась по ухабистой дороге, разбитой непогодой и машинами скорой помощи в сторону рынка. Медсестра Танечка после ночной смены шла по другой стороне как бы совершенно независимо, а на самом деле показывая дорогу.

Пока Поли ходили по рядам вибрирующего от людского наплыва рынка, разборчиво принимая дары и загадочно улыбаясь. Весть о явлении Бессмертных народу разнеслась по городу X, а также соседним и далеко отстоящим населённым пунктам вплоть до зарубежных, с такой же скоростью, с какой городским начальством было принято новое решение: рынок не сносить. Такой резкой перемене мнений удивлялись многие граждане, но только не те, кто был осведомлён о том, что номера в обеих местных гостиницах были в тот же день забронированы на полгода вперёд, а плата за постой поднята в три раза. Но и это обстоятельство не было столь важно в отличие от того, что хозяйкой действующих гостиниц, а также строящегося на пятьсот мест отеля с рестораном и парикмахерской, значилась тёща мэра.

Опять сменился главврач, у Осинного уже серебрились не только виски, а постоянный состав пациентов паллиативки по-прежнему жил дружно и весело. Из ровесников и родственников, когда-то их навещавших, уж никого и не осталось. Взрослые дети состарились, некоторые даже ненадолго поселились в соседних палатах, умоляя взять их в компанию упорно неумирающих, но кто ж это решает?

Осинный вернулся к своим записям, историям болезни сорокалетней давности, просиживал над ними всё свободное от текучки время и вдруг его осенило, он понял, чем отличались ставшие бессмертными от тех, кто поступил в паллиативное отделение в то же самое время, но кого настиг летальный исход согласно прогнозу и нормальному развитию болезни. Он хотел немедленно поделиться своим открытием с Полей, но, поразмыслив, передумал, решил провести Полю той же дорогой, дать ей тот же шанс, тем более что в паллиативном отделении начали твориться новые чудеса. Мало того, что в старожилах остановилось развитие болезней, постепенно злокачественные опухоли переродились в доброкачественные, а затем и рассосались, печени регенерировались, слизистые оболочки обновились, так эти счастливики ещё и прибавили в росте.

Вначале Осинный заметил это на одной больной, а среди них преимущественно были женщины, в пропорции четыре к одному, но постепенно и мужчины, включая и когда-то безнадежного силикозни-

ка, распрямили плечи и начали расти вверх. Вес оставался прежним, а потому у перерожденцев появилась балетная тонкость и плавность движений. Нагрязнула комиссия, изучаемых хотели было разогнать, но после почти сорока лет отсутствия в обществе идти им было некуда, да и оповещённая доктором Осинным научная общественность, в том числе и зарубежная, возмутилась и вопрос оставили нерешённым на неопределённое время.

Опыт над Полей в соответствии с тем, что он когда-то предпринял по отношению к ныне бессмертным, доктор проводил и предполагал, что успешно, так как его любимая женщина тоже подросла и была выше Сени уже сантиметров на пять, но это не мешало ей наклоняться и нежно целовать его в губы, пока никто не видел.

Ключ к разгадке бессмертия он нашёл, как и предполагала Поля, в историях болезни своих пациентов, первыми поступивших в паллиативку. Был один единственный признак, по которому вскоре умершие отличались от тех, кто не умер никогда. Умершие поступили в отделение в бессознательном состоянии, и вначале Осинный подумал, что просто их состояние было намного хуже выживших, если бы не Петров.

Состояние Петрова согласно истории болезни было намного лучше, чем у остальных, но у него была непереносимость обычных анальгетиков и до прибытия особых, заказанных состоятельными родственниками за границей, его ввели в искусственную кому и вывели, когда анальгетики уже были, а жизни всё равно осталось всего два дня.

Семён Осинный понял, что он действительно сделал открытие, невероятное и настолько простое, что его нужно не торопясь осмыслить, посоветоваться с Полей, затем быстренько написать и опубликовать статью, так как известно, что открытия имеют свойство выстреливать одновременно в разных частях света у разных, незнакомых между собой учёных или изобретателей, и тому есть множество примеров, а возможно, и причин.

Такие примерно мысли бежали в голове доктора Осинного, а сам он бежал из главного корпуса в свой родной, после утренней летучки и сетовал, что дворник плохо очистил дорожку от снега и наледи, того и гляди упадёшь. Но доктор не упал, а упала сосулька, нависающая над входом в паллиативное отделение. Упала прямо на голову Семёна Осинного, пробила череп и повредила мозг. Что ж делать, черепно-

мозговые травмы держат первенство среди травм со смертельным исходом.

Похоронили доктора с почестями, паллиативное отделение и его подопечных не разогнали, а, напротив, окружили заботой, чтобы не позориться перед мировым научным сообществом, зорко следящим за тем, что происходит в городе X.

Бессмертные продолжают подрастать, город X расцвёл. Построены пять новых гостиниц, а значит, народ приезжает, питается в кафе, покупает в магазинах, но больше на рынке, который никто закрыть не смеет, так как, если не рынок, то куда будут Бессмертные ходить? Торговля и в древние времена обогащала города и страны и X этому подтверждение, правда, Бессмертные появляются далеко не везде, как чудеса, для возникновения которых должна быть причина.

ОБ АВТОРЕ

Галина Комаровская — драматург и писатель, многие годы была ведущей еженедельной передачи Бостонского русского радио и сотрудницей журнала «Русский бюллетень». Родилась в Узбекистане, училась в Ленинграде, закончила институт киноинженеров, работала в Ташкенте на Узбекфильме и в Москве в Научно-исследовательском кинофотоинституте.

Сотрудничала с русскоязычными художественными журналами «Время и место» и «Времена». В журнале «Современная драматургия» была напечатана её пьеса «Гадалка». Позже пьеса была поставлена в театре «Атриум» в Чикаго и в драматическом театре в Смоленске.

Галина Комаровская — автор романов «Золотой Президент», «Тайны Принстон Тауэр» и «Цаца», а также нескольких повестей и рассказов.

Эдуард ЯКУБОВИЧ ПУТЕШЕСТВИЕ

---

*Я сижу, и смотрю в чужое небо из чужого окна,
И не вижу ни одной знакомой звезды,
Я ходил по всем дорогам и туда и сюда,
Обернулся, и не смог разглядеть следы...*

Рок-группа «Кино»

Он начал свой путь из села Ущерпья в Брянской области. Просто так получилось.

Через село проходила неровная лента асфальтированной дороги, покрытая трещинами и выбоинами. По обе её стороны теснились дощатые домики под серыми скатными крышами, местами позеленевшими от времени. Дома соединяли высокие заборы из самых разнообразных материалов: вот серый шиферный тянется от тускло-коричневого дома с пятнами голубых ставень и уступает место сплошной деревянной ограде, которая когда-то давно была покрашена, а теперь стала невыразительно бурой, с моховой зеленцой на досках, неровно прибитых поверху. Дальше — старые деревянные ворота с проржавевшим металлическим козырьком. Затем снова выцветший, блёклый забор, который сменился на редкий серый штакетник перед бледно-зеленым фасадом очередного дощатого дома. И снова забор, но уже некрашенный, из чёрных от времени и разошедшихся неровных досок. Сделанные точно из таких же досок, в дворах были видны сарайчики, кривые и вросшие в землю. Казалось, что в селе вообще не было ярких красок. Здесь, в самых разнообразных сочетаниях, царили выцветшие тускло-зелёные, бледно-синие и бурые оттенки. Вдоль сплошных стен из домов и заборов — дикорастущая пыльная зелень кустов, высокая трава с проплешинами тропинок около ворот и калиток и хаотично растущие деревья. Кое-где как попало приткнулись видавшие виды «лады» и «ВАЗы».

Путешественник двинулся по центральной улице, осматриваясь по сторонам. Указателей не было видно, но, судя по карте, это была «Советская». Справа, за высоким бурьяном, показались два дома из грязно-белого кирпича под старыми, серо-зелеными шиферными крышами. Дальше — снова дощатые дома. Спустия какое-то время длинные стены, образованные заборами и фасадами домов, оборвал перекрёсток. Справа наискосок — два заброшенных бревенчатых строения с пустыми провалами окон и окончательно повалившейся оградой. Перед ними, около дороги, большой ржавый мусорный бак без крышки. Путешественник миновал перекрёсток, и по обе стороны снова потянулись всё те же пасмурные стены.

На выезде из Ущерпя неожиданно ярким пятном сверкнули два метра нового синего забора из металлического профиля. Он нагло выделялся, зажатый, с одной стороны, небольшим строением из грязного красно-белого кирпича, а с другой — дощатым тускло-коричневым домиком с навесом над окнами из кое-как прибитых металлических листов и бледным, сине-зеленым штакетником. Яркий забор словно был пойман старыми постройками, которые терпеливо ждали, когда же он станет таким же как они — блёклым и невыразительным.

Село позади, и вот впереди только небо и дорога, по обе стороны от которой потянулись дикие поля, заросшие мелким кустарником и травой. Попадались группки деревьев, иногда сливавшееся в подобие леса.

Замелькали бетонные столбы линий электропередач. Поля окончательно сменились зарослями высоких берёз. Слева показалась полужаросшая автобусная остановка из выщербленного, многократно крашенного кирпича, с оббитой бетонной крышей, из которой торчали ржавые и гнутые щупальца арматуры. Берёзовые рощи разбавили сосны, затем появилось небольшое поле, заросшее высокой травой, и указатель: «Писаревка». Однако дальше, по обе стороны дороги были всё те же заросли, без признаков жилья. А вот налево уходила дорога из серых бетонных плит, стыки которых поросли изумрудным мхом. Путешественник повернул и двинулся по плитам.

Писаревкой оказалось несколько домов, виднеющихся в буйных зарослях. Серый шифер, чёрные старые доски и брус, светло-серый и тускло-красный кирпич. Непременные покосившиеся заборы и заросли производили впечатление заброшенности, но люди тут жили: за окнами в старых деревянных рамах были видны белые занавески, а за одним из домов темнел довольно большой участок свежераспаханной земли. Хотя, несколько явно заброшенных построек тоже встретились.

Сделав крюк, путешественник вернулся на основную дорогу и двинулся дальше. И снова впереди только потрескавшийся серый асфальт под вечерним небом. То там, то тут в сторону убежали грунтовые просёлочные дороги, прихотливо извиваясь через лесочки и поля.

Дорога привела в очередное село. На въезде, слева, два строения: отделанный серо-желтым сайдингом небольшой магазин с решётками на окнах и вывеской «Надежда», и примыкающий к нему кирпичный домик, выкрашенный жёлтой краской, на вывеске которого была надпись «Ритуальные услуги». Перед «Надеждой» уложено несколько метров тротуарной плитки, возле стены разбиты клумбы с цветущими кустами. Дальше — обычные сельские дома, лишь изредка могущие похвастаться свежей краской. Промелькнула кирпичная одноэтажка местной администрации, крашенная в поросячий розовый цвет.

А вот и указатель на выезде — белый прямоугольник с перечёркнутой красной полосой названием: «Петрова Буда». После Петровой Буды снова заросшие поля, леса и темнеющие на горизонте тучи.

Теперь путешественник двигался быстрее, уже не задерживаясь в сёлах, которые были похожи друг на друга и не представляли из себя ничего интересного.

Добравшись до посёлка под названием «Красная гора», путешественник остановился, чтобы осмотреться. Тут уже попадались многоквартирные кирпичные двухэтажки, кое-где украшенные геометрическим узором из красного кирпича. На широком зелёном лугу между двумя рядами домов расположилась большая современная детская площадка, дальше за деревьями пряталась кирпичная школа. Путешественник добрался до перекрёстка с круговым движением — посередине зелёный пятачок, на нём монумент из полос, отделанных блестящим металлом, сходящихся вверху, и гордой надписью «Основана в 1387 году». Вероятно, это было о «Красной горе». Чуть правее небольшая кирпичная желто-синяя будка с криво выведенными буквами «ДПС». За будкой — квадратное строение под шифером, на стене которого большая вывеска извещала: «Авто, Мото, Вело». На столбах застыли флажки синего, белого и красного цветов.

Обогнув монумент, путешественник свернул с улицы «Партизанской» на «Советскую», и посёлок, основанный в далёком 14 веке, остался далеко позади.

До границы с Беларусью оставалось совсем немного. И тут ему пришлось остановиться. Да, такое было и раньше. Например, в Китае. Жаль, но видимо придётся проскочить Беларусь по карте. Путешественник

ещё раз всё проверил. Так и есть, осмотреться можно было только в Минске, но темно-синяя лента ранее проложенного им маршрута огибала столицу Беларуси. Да и потом, в последнее время ему нравились путешествовать по небольшим посёлкам, минуя крупные города.

Пришлось двигаться только по карте, до самой границы с Польшей.

Быстро добравшись до пропускного пункта «Бобровники», путешественник осмотрелся. Несколько больших зданий, стоянки, развязки и много автомобилей — грузовые длинные фуры, множество легковых машин, стоящих в очереди друг за другом. Проволочный забор с аккуратными красно-белыми знаками. Легко миновав терминал и таможеню, нашёл нужное направление и двинулся дальше по широкой, аккуратно размеченной белыми линиями дороге. Судя по указателю, до польского Белостока, который он планировал обогнуть, было километров шестьдесят. Прямая гладкая дорога местами расширялась, съезды для парковки были выложены серой плиткой с грубой поверхностью. Впереди блестело заходящее солнце, отражавшееся бликами на прямой, как стрела дороге, которая шла через густой лес.

Скоро показались пригороды Белостока. Дорога расширилась, вдоль неё потянулись плиточные тротуары, огороженные бордюрами. За ними стояли невысокие металлические заборчики, с отделкой из камня или красного кирпича, огораживающие участки с домами. Заборчики совершенно не мешали обзору. Специально высаженные и ухоженные кусты, декоративные деревья, между которыми вымощенные камнем или плиткой дорожки вели через аккуратные газоны ко входам в двух- и одноэтажные дома. Попадались и небольшие трехэтажные домики, как правило, с воротами гаража, занимающего первый этаж.

Дома, в большинстве, были оштукатурены, кое-где отделаны темно-коричневым деревом или сайдингом, и выкрашены в светло-серые, кофейные, бежевые тона, с аккуратными скатными или прямыми металлическим крышами красного и коричневого цветов. Попадались и небольшие балкончики, уставленные цветочными горшками.

Свернув на улицу «Rolna», он обнаружил пришельца из другого мира, который смотрелся здесь примерно так же, как и ярко-синий забор в деревне Ущерпье Брянской области. Это был дощатый старый дом, такой же, как и в российских деревнях — когда-то крашенный коричневой краской, с белыми деревянными окнами и маленькой застеклённой верандой. Отличие было только в том, что крыт он был черепицей и стоял на участке с изумрудным газоном, прямыми дорожками, выложенными плиткой, и большой голубой елью в центре.

Совсем рядом с древним строением возвышался современный трехэтажный коттедж, аккуратный и небольшой. Скорее всего, долгожителя просто не снесли в своё время, и среди чистых тротуаров, ярко-зелёных газонов, стриженных кустов, без гуляющих кур и покосившихся сараев, он явно чувствовал себя не совсем уютно.

Рассматривая оба дома, путешественник подумал о том, что он двигается не только по карте, но и во времени. Можно было вернуться назад, в прошлое. А можно двигаться дальше — в будущее.

Он очень хотел в будущее.

Обогнув Белосток (никаких крупных городов), он направился дальше, на северно-запад, по широкой автомагистрали. Пересёк несколько автомобильных развязок. Путешественник почти не видел бесхозных полей, беспорядочно заросших кустарником и травой. Слева и справа квадратами тянулись посадки, что-то зеленело, колосилось, росло и убиралось. Скоростная трасса ему быстро наскучила, и он повернул в сторону Мазовецкого воеводства. Судя по карте, вдоль этой дороги было несколько небольших деревень и посёлков, и ему захотелось побывать там. Слева потянулось поле с кукурузой, справа — что-то похожее на овёс.

Солнце теперь стояло высоко, облака разошлись. Путешественник добрался до перекрёстка с зелёной стрелкой указателя, на которой увидел надпись — «Rabedy 0,2».

А вот и первые строения деревни. Направо — длинные хозяйственные постройки из блоков, рядом стояла сельхозтехника, трактора. Дальше — невысокий забор из крашеного штакетника, яблоневый сад и двухэтажный дом из белого кирпича с мансардой. Дом был квадратным и без изысков, но ухоженным. Далее — то же самое — небольшой сад, яблони, цветущие кусты, квадратный кирпичный дом, но уже с балконом. А вот напротив, через дорогу, другой домик, чистого, светло-желтого цвета, оштукатуренный, с большой лоджией на втором этаже. На зелёной стриженной траве традиционного газона — небольшие декоративные деревья и ёлочки. Всего в деревеньке было не больше двадцати домов, не считая сельскохозяйственных построек. Был даже трехэтажный коттедж с большими балконами и несколькими скатными крышами. На участке чуть подальше, с небольшой бежево-коричневой двухэтажкой, путешественник заметил большой батут, затянутый сеткой, и детские качели.

Но пора было двигаться дальше. Карта вела его через Варшаву, Лодзь и Познань к границе с Германией. Путешественник решил из-

менить маршрут и перескочить к Щецину, заглядывая в небольшие посёлки и деревни. Все они были похожи — самые разнообразные дома, где-то попроще, где-то поизысканнее, но везде очень аккуратные, небольшие зелёные участки, тротуары и ровный асфальт дорог.

Почти добравшись до Германии, путешественник обнаружил неприятное: тут тоже придётся прыгать по карте, осмотреться можно было только в крупных городах. Он уже подумал было отправиться южнее, через Чехию, там возможностей для путешествия было много, но потом всё-таки двинулся на север.

Несмотря на ограниченные возможности, ему всё-таки удалось попасть в пригород немецкого Гамбурга. Заборов тут почти не было, а если и были, то миниатюрные или в виде живой изгороди, тщательно подстриженной. Чем дальше в будущее, тем ниже заборы, подумал путешественник. Возможно, что есть место, где заборов вообще нет?

Дома пригорода были добротными. Сложенные из красного, чёрного и коричневого кирпича, с высокими скатными крышами, и, в отличие от пригорода польского Белостока, все в одном архитектурном стиле. Они не были абсолютно похожи между собой, отличия были: тут белый балкончик с цветами; там — ставни на окнах, такого же ярко-белого цвета. А вот здесь — нет ни балкончика, ни ставней, зато огромные окна во весь первый этаж. И всё это утопало в декоративной зелени, которая, казалось, была ровно там, где нужно, не скрывая, но подчёркивая дома и аккуратные, идеально чистые, дорожки.

Добравшись до указателя, путешественник прочитал: «Август-Бебель-Штрассе», и решил поставить отметку на карту, чтобы когда-нибудь ещё раз попасть сюда.

Он бросил взгляд на часы. Пора было дальше, он всё-таки хотел ещё сегодня успеть в Швецию, а времени было всё меньше.

Граница между Германией и Данией выглядела как... Да никак она не выглядела. Её не было. Несколько идеально ровных дорог, зелёные стриженные лужайки между ними, на одной из них синий указатель: значки флагов Германии и Дании и эмблема Евросоюза между ними. И всё. Нет ни таможни, ни пограничников. Даже полиции не было видно. Дальше — та же ровная дорога, только ещё с велосипедной дорожкой справа. Перекрёсток, светофоры, несколько магазинов, солидно-сдержанных, с аккуратными вывесками и витринами. Так, а куда ведут дороги на перекрёстке? Проверим.

Путешественник открыл карту. Итак, он попал в Падборг. Свернул на перекрёстке налево, на окраины городка.

На окраинах Падборга эволюция заборов продолжалась, здесь они были исключительно в виде подстриженных прямоугольных декоративных зарослей. Фигурные кусты символически отделяли некоторые участки от проезжей дороги посередине улицы. Вдоль дороги — чистые тротуары, деревьев было немного, лишь изредка они попадались на придомовых участках. Тут были популярны одноэтажные длинные дома из светло-коричневого или жёлтого кирпича, с терракотовыми низкими скатными крышами. Почти при каждом доме — ровная дорожка из мелкого гравия, уходящая от проезжей дороги к открытому навесу гаража. Участки ухоженные — короткая трава, подстриженная зелень, деревья. Попадались и кипенно-белые одноэтажные дома, с крышами глубокого темно-серого цвета. Около тротуара, напротив каждого дома, обязательно стояли два небольших пластиковых мусорных бака с крышками. Чистые, ясные цвета, ровные линии, простор и огромное небо над головой, свободное от силуэтов многоэтажек. Очень спокойная улица. Как она называется? А вот и синяя табличка на отдельном столбике — «Vikingvej». Трудно было представить, что тут есть нечто, связанное с воинственными викингами.

Но пора было двигаться дальше. Снова трасса, тут асфальт изменил свой цвет — он стал темно-серым, с частыми белыми вкраплениями. В остальном — такой же ровный, словно вычерченный с линейкой и остро отточенным графитом. Небо с темно-серыми частыми облаками стало будто бы ниже. Потянулись возделанные поля, вдоль дороги замелькали еловые лесочки. Казалось, будто здесь совсем не осталось диких мест, поля, дороги, посёлки — всё было аккуратно расчерчено и ухожено. Двигаясь по трассе, он проскочил Клиплев, не осматриваясь, и решил заглянуть в какой-нибудь совсем небольшой посёлок. Деревень и сел не было, попадались либо фермы (как правило, несколько хозяйственных одноэтажных белых зданий, с тракторами и прочей техникой, добротный двухэтажный кирпичный дом, и засеянные поля вокруг), либо посёлки и городки.

После Мидельфарта путешественник повернул к узкому заливу (тут это называлось фьордом) и оказался в небольшом посёлке под названием Гамбург. Дорога к нему шла через широко раскинувшиеся поля. На полях были видны огромные вышки ЛЭП, которые словно вышагивали, неся на огромных «рогах» электрические провода, тянущиеся, как казалось, в бесконечность. День снова был солнечным, свет ярко отражался от уже привычных белых домиков с серыми крышами. Тут же были и низкие дома из темно-красного кирпича, и даже двухэтаж-

ные. А вот что-то новое: путешественник с любопытством разглядывал длинный дом, стены которого была выложены из кирпича между мощными деревянными балками, с выступом мансарды на высокой скатной крыше. Совсем как в исторических фильмах про средневековье. Ступени крыльца сложены полукругом из подогнанных друг к другу камней, а возле второго входа — две вазы с цветами. Перед домом, на гравийной дорожке — серебристый «СААБ», слева за живой изгородью спрятался дворик с зелёным газоном, где стоял прицеп с лодкой. Ну да, фьорд же рядом, как же без лодки?

Путешественник двинулся дальше и оказался в центре посёлка. Симпатичные дома вокруг, скверик с парой простых деревянных скамеек, в центре которого росло раскидистое дерево, похожее на каштан. Дерево окружало живописное кольцо камней. Рядом со сквером расположилась парковка, почти полностью свободная от машин, и остановка автобуса. Остановкой был светлый пластиковый навес с плавными линиями, внутри крепился пластиковый же диванчик и стойка с расписанием, а неподалёку на столбике со знаком автобуса висела пластиковая зелёная урна. Дальше в том же духе — белые и терракотовые коттеджи, гравийные дорожки, фигурно выстриженная зелень кустов. Посёлок закончился, справа раскинулось небольшое поле, которое оканчивалось заливом, над которым висела лёгкая белая дымка. Ещё дальше — пристань с двумя десятками катеров и яхт. Берег, примыкающий к пристани, был огромным газоном: трава подстрижена; то тут, то там фигурные кусты огораживают стол и пару скамеек друг напротив друга, с неизменным пластиковым баком урны. Тут, наверное, очень приятно устроить пикник с видом на фьорд. Однако людей не было видно, и путешественник отправился дальше.

После берега фьорда дорога снова повела через засеянные поля. Закат сменился на полуденное солнце, а потом, почти сразу — на поздний рассвет.

Границу между Данией и Швецией путешественник снова прозевал. А может, её и не было. Он же движется в будущее. А в будущем границ точно должно быть меньше.

Путешественник проигнорировал города Мальмё и Лунд, забираясь всё дальше и дальше на Север. Время поджимало, и он прыгал через целые области по карте.

Так, что у нас тут... небольшой шведский город под названием Лукселе. А тут интересно. Городок был расположен на берегах большого спокойного озера. Здесь путешественник с удовольствием рас-

сматривал дощатые дома, свежескрашенные в сочный кармин, с аккуратными белыми резными крылечками и такими же белыми окнами. Около построек — прямоугольники газонов, небольшие гаражи или навесы, выполненные из тех же материалов, что и дома, и крашенные в те же цвета. Ровные асфальтированные дорожки. Вот стоит пара велосипедов, а дальше — внедорожник. Редкие сосны на улице, и тёмный лес стеной совсем неподалёку. Разглядывая один из домов, путешественнику вдруг показалось, что так не бывает. Что вся эта чистота, свежесть, прямые линии, яркость красок, всё это — просто выставка, и стоит лишь отвернуться, как дом скукожится, потеряв крыльцо, и отрастит кривую веранду с узкими подслеповатыми окошками, краска облезет, новая металлическая черепица станет старым серо-зеленым шифером, а из земли полезут кривые заборы всех оттенков серости...

* * *

...Денис!

Он вздрогнул и моргнул. Отозвался: — Да, мам.

— Сколько можно звать? Ужин на столе. Выключай! — дверь хлопнула.

В небольшой комнате полутьма. На широком мониторе компьютера по-прежнему улицы далёкого шведского городка Лукселе. Это такой режим сервиса Google: переносишь оранжевого человечка на карту, и открывается трёхмерное панорамное фото этого самого места. Ведёшь мышкой — и можно осмотреться вокруг, повернул колёсико — увеличил детали, щёлкнул клавишей — двинулся вперёд, словно прошёл или проехал дальше. Чем не путешествие?

Денис выключил компьютер и поплёлся на кухню. По глазам ударил резкий свет, по ушам — шум телевизора. Денис прищурился, сел за стол, двинул к себе тарелку с котлетой и макаронами.

Отец, грузный и высокий, в потрёпанной футболке камуфляжной расцветки, уже успел поужинать, и, навалившись на стол, потягивал пиво из бутылки.

— Приятного, — буркнул отец, не отрываясь от экрана телевизора.

— Спасибо, — Денис взял вилку и поковырялся в тарелке.

На экране пожилой человек с тусклыми мёртвыми глазами рассказывал что-то о трудностях и врагах. Денис привык пропускать мимо ушей бессмысленное бормотание телевизора, но сейчас что-то царапнуло слух. Да, точно. Слово «границы». Денис прислушался.

— Ну правильно, а чо? — отец ладонью провёл по лысине. Он любил поговорить с телевизором.

— Европа эта... На черта она нам нужна? — продолжал отец. — Вся гадость от них же. Правильно, закрыть границы. Нечего там смотреть, кататься туда, слышь. Мы и не собирались туда никогда. Они там вообще все сдохнут скоро.

— А я бы поехал, — буркнул Денис.

— Куда это? — повернулся к нему отец.

— Ну... в Европу. Я бы хотел посмотреть. Данию там... или Швецию, — Денис коротко глянул на отца.

— Сиди, какая тебе Дания? — возмутился тот. — Знаешь, что они там делают? А? Детей там отбирают! У нормальных семей! И в ненормальные их определяют. Тоже хочешь, да? Дания... Европа нас всегда ненавидела. Забыл, что ли, уроки истории, а? Двоечник.

Денис промолчал. Он знал, что спорить бессмысленно. Отец завёлся, а слова, подкиннутые в костёр возмущения, только сильнее расплаляли его. К тому же, рядом с открытой бутылкой пива на столе стояли две предыдущие, уже пустые.

Слушая отца, Денис почему-то вспомнил миниатюрные заборчики около домов в пригороде немецкого Гамбурга.

— Да я бы вообще долбанул по ним уже, бомбой, сразу все заткнутся...

И прямую, как стрела, идеально ровную дорогу, которая резала возделанные поля.

— Да скоро им конец, там бензин уже столько стоит, что...

И огромный ухоженный газон на берегу фьорда, с лавочками и стриженными кустами.

— Они же всё у нас украли, все наши изобретения...

И одноэтажные, идеально выкрашенные, аккуратные дома с терракотовыми крышами датского Падборга.

Денис кое-как доел котлету, оставив макароны на тарелке, и ушёл в свою комнату. Было душно. Он приоткрыл окно. Сел на кровать, задумчиво разглядывая выцветший ковёр на полу.

Потом встал, достал из рюкзака ручку, сел за стол. Бросил вороватый взгляд на дверь, прислушался. Потянул на себя ящика стола, сунул руку под ворох тетрадей и извлёк личный дневник, который он завёл не так давно. Записей было немного. Полистал, склонив голову набок, цепляясь взглядом за отдельные фразы.

Нет, писать не хотелось. Вернее, он не знал, как описать то, что ощущал. Все слова, которые Денис мысленно подбирал, казались слишком

громоздкими и неточными. А на бумаге всё это будет смотреться ещё хуже.

Задумавшись, Денис аккуратно вывел ручкой на своём запястье знак, похожий на латинскую «R», но состоящий только из прямых линий.

Посидел немного. Потом вздохнул, бросил ручку, убрал дневник на место. Лёг на кровать, закинув за голову руки, и прикрыл глаза...

...Прохладный ветер легко взлохматил его волосы. Денис не спеша огляделся вокруг. Он стоял на неширокой улице. Под ногами твёрдый асфальт. Чистые тротуары, ровные линии стриженных газончиков. Вокруг знакомые светлые одноэтажные дома под кирпично-красными и светло-серыми крышами, с резными, идеально-белыми верандами. Кое-где припаркованы автомобили. Дальше — перекрёсток, ещё линия домиков, а за ними хвойной стеной темнел лес. На перекрёстке флашток, и лениво трепыхается флаг. Денис прищурился. Вроде бы, бело-синий.

Денис полной грудью вдохнул свежий осенний воздух, приправленный лёгким ароматом хвои, и сделал первый шаг.

24.06.2022.

ОБ АВТОРЕ

Эдуард Якубович родился в 1976 году в Житомире. Выпускник юридического факультета Московского института экономики, менеджмента и права. В настоящее время работает юрисконсультом одного из холдингов Москвы.

С детства увлекается литературной фантастикой. Дебютом в жанре стала публикация в журнале «Если» рассказа «Как дети» (2004) в рамках конкурса «Альтернативная реальность». Победитель конкурса «Альтернативная реальность», который проводил в 2004 году журнал «Если», с рассказом «Как дети». В дальнейшем рассказ читался на «Радио Энергия» в рубрике «Модель для сборки», и с тех пор попадает в сборниках аудиокниг. В 2005 году в журнале «Если» был опубликован рассказ «Линия жизни». В том же году в интернет-журнале молодых писателей России «Пролог» был опубликован рассказ «Юрист». Лауреат международного конкурса литературной фантастики «Кубок Брэдли-2018», рассказ «Проводник» занял второе место в жанре «Мистика».

В прошлом номере журнала «ВРЕМЕНА» опубликован рассказ Якубовича «Взрослые».

Валерий БАЗАРОВ
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ГДЕ БРАТ ТВОЙ...

От страха не в себе,
Один и неприкаян,
Вовсю гремит с небес —
Где брат твой? Где он, Каин?
И нечем отвечать,
И нет угла забиться.
Уже горит печать
На потном лбу убийцы.

* * *

Я в раздумье брожу по виа и пъяцца Помпей,
не спеша прохожу сквозь домов опустевшие клетки;
тут и там натыкаюсь на здесь обитавших людей,
а точнее, на их живописно отлитые слепки.
Их засыпало пеплом, заслонила веков круговерть —
Геркуланум, Помпеи, Стабии...
повелители мух им не слали из бункера смерть,
их никто не бомбил — они жертвами пали стихии.
Я иду напролом сквозь мгновения длившийся ад
и от мысли одной погружаюсь в мучительный ступор —
через десять веков на наречье чужом наугад
из десятков других назовут Мелитополь, Херсон, Мариуполь.

* * *

Старые правила новой игры,
 Те же названия криком с газет.
 Мюнхен мелькнул, провалился блицкриг...
 И перестроилась свастика в «Зет».
 По переулкам к реке кровосток,
 В мёртвых глазницах домов черно.
 То, что не запад шлёт смерть, а восток,
 Наверно, истории всё равно.
 Брови нахмурил, суров суверен —
 Стрелки на карте стремятся назад.
 Полночь приблизилась... Где же ты, Венк?
 Кто мне доглядит мундир на парад?
 И повторяется старый ликбез —
 Трудно в руке пистолет удержать...
 В бункере с Евой он был или без,
 Вряд ли захочет история знать.

* * *

Если б война убивала только плохих,
 Если б война забирала только чужих,
 Обходя далеко всех своих и родных стороной,
 Мог бы плюнуть в сердцах и сказать — да чёрт с нею, с войной!
 Но быть может, плохие не так уж плохи?
 Может, кто-то из них пишет любимой стихи?
 Да и чужой, может, он не для всех далёк
 И для другого чужого зажёт в ночи огонёк...
 А вот хороший бывает иногда нехорош
 И продаст своего, не поморщась, за медный грош...
 Мне б подождать, разобраться, чего-то понять...
 Только меня приучили не думать, научили стрелять.
 Дайте, пожалуйста, мне хоть на миг тишины!
 Но кто-то уже прицелился с той стороны.
 Постой, погоди, я же свой, я хоро...
 Но палец нажал, и я не услышал, как щёлкнул курок...

* * *

Крутится, вертится шар голубой,
Серая пыль по равнине рябой.
Серая пыль, серебристый ковыль —
Дней уходящих печальная быль.
Крутится, вертится шар голубой,
Волны кивают седой головой.
Боль не уходит с прибором в песок,
Пальчиком детским стучится в висок.
Крутятся чёрные в море шары,
Их разбросали для чёрной игры —
Жизнь так легко умножают на ноль,
Где-то бездомная бродит Ассоль.
Вот уж архангел подходит с трубой,
Чтобы умчать нас в простор голубой.
Крутится шарик и нечего нить,
Что оборвётся когда-нибудь нить...

* * *

Рвутся бомбы, спорят бонзы
о конце начал,
на обочинах обозы,
замолчал причал.
На подворье гости строги —
матка, яйца, шнель!
А на них святой Георгий,
русская шинель.
Вылезай с подвала, Ганка,
обними, приветь —
нам ещё шагать до Ганга,
лебенсраум, ведь.
Набухают реки кровью
из варягов в грек...
за окном средневековье —
двадцать первый век.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Шесть дней творенья промелькнули,
 Эксперимента номер шесть.
 Устал творец, глаза сомкнулись,
 И принеслась благая весть.
 Что будет мир прекрасным, добрым
 В безоблачной голубизне,
 Недаром был в раю он собран
 (Напомню — только в Божьем сне).
 Был каждый, словно голубь, кроток,
 Ягнёнку тигр и друг, и брат,
 И не в чести костёр с гарротой,
 До старости дожил Сократ.
 Здесь Вавилонской башни вышка
 Антенной служит для 5G,
 А если кот играет с мышкой,
 То мышь от страха не дрожит...
 Короче, всё, что Он задумал,
 Весь план, записанный в скрижаль,
 Пред ним пронёсся краткой суммой
 (Во сне, напомню, как ни жаль).
 Проснулся Он, отдёрнул штору,
 Увидел явь и задрожал —
 Опять Содом, опять Гоморра!
 ... И кнопку красную нажал.

БЕЖЕНКА

Ты бредёшь легко ступая
 чемодан в руке
 разлилась судьба слепая
 влагой по строке
 от заката до рассвета
 миллион подруг

нынче здесь а завтра где-то
и не замкнут круг
было небо море скалы
детские глаза
а теперь одна усталость
и уснуть нельзя
а когда домой вернёшься
тенью по стене
и крылом плеча коснёшься
знать пора и мне

РАЗОРВАННАЯ ТИШИНА

«... Спросите вы у тишины»

Евг. Евтушенко

Хотят ли русские войны?
Спросил у грозной тишины...
но не ответила она,
разрывом бомб оглушена.
Тогда спросил я у солдат,
тех, что под Бахмутом лежат.
Ответить не успели мне
живьём сгоревшие в огне.
Они молчат, а их сыны,
увы, не будут рождены.
И я спросил у матерей,
кричавших чмобикам «Убей!»
Но те застенчиво молчат
И прячут ключ от «Москвича».
Убиты дети их в бою,
упав на землю не свою...
Так, чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли,
проснись, Нью-Йорк, вставай, Париж,
пока, мой Киев, ты горишь,

покуда дикая орда
 с землёй ровняет города...
 Спросите вы у сатаны,
 хотят ли русские войны?
 И Сатана всея Руси
 ответит: «Мира не проси,
 и в том огне, что я разжѐг,
 сгорит к чертям прощенья Бог,
 сгорят Шевченко и Толстой,
 культуры общей тонкий слой.
 Весь старый мир сожжѐм в грозе,
 построим новый, в стиле Z...»

Кого ж мы спрашивать должны,
 хотят ли русские войны?

STARWARS

Сполоумели, гуманоиды?
 Видно, мало родной земли —
 Дотянулись до астероида,
 Чтоб осталась лишь горсть золы.
 Сколько радости — в пабах харкают,
 Захлебнулся слюною чтец.
 Что с того, что пожары в Харькове,
 Или взорвана в Киеве ТЭЦ?
 Что с того, что тропюю адовой
 По руинам бредѐт страна?
 Что с того, что ракеты падают
 И взрывается тишина?
 Разверните ракет прицелы вы,
 Астероиды нафиг вам?
 Пусть сгорят их хоромы белые,
 Словно ветхий лесной вигвам.
 Набегут пусть гуртом пожарные —
 Мол, курили там, где нельзя...
 Догорит, и тогда — пожалуйста!

Пешку в дамки и вон ферзя!
Что ж, болеет цивилизация...
Пульс её — общей крови бег.
Равнодушно кривую акции
Нарисует себе Блумбёрг.
Так чего вы решили, братчики?
Миру быть или быть войне?
А про то знают только вкладчики,
Да и то, может быть, во сне...

СОН РАЗУМА

Сон разума рождает чудовищ.
Франсиско Гойя

Спит разум. У чудовищ нерест.
Торопятся у безвременья зон,
пока в горах не зеленеет вереск
и не наводит на чудовищ сон...
Чудовищу приснилось — он не огр.
Наоборот — он нежен, мягок, добр...
Для оскорблённых и униженных отец,
а кто не с ним, понятно, тем конец,
и инструменты — дыба да топор
не заржавели с этих самых пор.
Теперь чудовище в кошмарном *déjà vu* —
работает во сне и наяву.
И хочет он понять, в чём сна иль яви суть
(ему бы с Гамлетом на миг перемигнуться),
чтоб мог он, наконец, без снов уснуть...
иль, хоть в аду, но всё-таки проснуться.
А разум спит. Как сладок его сон,
и как он всем чудовищам на руку...
А что ещё навывторяет он,
узнаем мы наутро по фейсбуку.

КОГДА-НИБУДЬ...

Когда-нибудь к весне растает лёд,
 Когда-нибудь домой вернутся птицы.
 И пчёлы зажужжат, пакуя в соты мёд,
 А бомб разрывы будут только сниться.
 Когда-нибудь, когда небесный свод
 Всем спектром на закате разгорится,
 То это будет красок хоровод,
 А не войны зловещие зарницы.
 Когда-нибудь проснёмся на заре,
 От счастья жить боясь пошевелиться,
 И дробь дождя по лужам во дворе
 Не позовёт в убежище забиться.
 Надежда вьётся Фениксом в руках,
 Конец переливается в начало...
 Как много раз на разных языках
 «Когда-нибудь...» в ряду веков звучало!

01.27.2023

ОБ АВТОРЕ

Валерий Базаров вырос в Одессе. Окончил английское отделение Одесского госуниверситета. Работал преподавателем, переводчиком, журналистом.

В США с 1988 года и с того же года начал работать в ХИАСе. Руководил отделом поиска и истории семей. Автор статей и книг по истории ХИАСа и еврейской генеалогии.

Увлекается поэзией. Выпустил несколько книг стихов, последняя по времени — «Третий звонок».

Живёт в Калифорнии.

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

БРЫЗГИ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

Брызги лет разлетаются в стороны,¹ —
не атлант я давно, не атлет,
и угрюмые чёрные вóроны
удручённо мне каркают вслед.

Разбрелись, разлетелись, разъехались
поезда, самолёты, авто;
кто-то вдруг отзовется — не эхом ли? —
обернётся: лицо — да не то,

вроде бы и одежда гражданская,
и идёт, не печатая шаг,
а присмотришься: площадь Лубянская, —
а прищуришься: видишь Гулаг...

Я уехал от вас, соплеменники,
вы за мною захлопнули дверь,
нет, не все вы — мои современники,
я не с вами, гэбэшная серь.

Пейте в стольный свой праздник «Столичную»,
славьте лысого и усача,
за похлёбку свою чечевичную,
как и прежде, рубите сплеча,

---

¹ Строка из стихотворения «В городских садах с цветниками...» (1994) Василия Бетаки (1930–2013)

позабудьте Варлама Шаламова,
Соловки и колымскую стынь.
Проклинаю отродие хамово, —
миллионы рабов и рабынь,

на просторах Руси в вечность канувших,
проклянут вас на веки веков, —
за нерожденных Додиков, Аннушек,
не познавших запоров, замков,

лая псов и заборов колючечных,
вохры и уголовной братвы,
полуспившихся, дрюченных, ссученных,
с кем нельзя ни на ты, ни на вы...

Брызги лет разлетаются в стороны,
не догнать этих прожитых лет,
лишь угрюмые чёрные вёроны
удручённо им каркают вслед.

* * *

В еврейской хижине лампада¹
Уже затеплена чуть свет.
Туманом стелется прохлада,
Но снегопада нет как нет.

К столу приставлен табурет,
В судке остатки маринада,
Со стенки смотрит страж уклада —
В пыли и копоти портрет.

¹ Строка из незавершённого стихотворения «В еврейской хижине лампада...» (1826) А. С. Пушкина

Хозяин, молодой еврей,
Отец трёх славных дочерей,
До завтрака читает Тору.

Хозяйка чистит чесночок,
Селёдку, зелени пучок
И молча раздвигает шторы...

ВИАДУКИ ПАМЯТИ

Я там был, но забыл когда —
и, конечно, уже не буду;
те полжизни, божью причуду,
постараюсь — и те года

выжгу в памяти навсегда,
как навязчивую простуду,
черепков и осколков груду,
вдаль бегущие поезда...

Только речь, лишь слова и звуки —
те нетленные виадуки
через жизнь, из конца в конец, —

только им изменить не в силах,
изливаю в строках чернильных,
что нашёптывал мне творец...

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Бушует ветер на исходе лета¹
и в клочья тучи рвёт, гремит гроза,
и всё же ясно слышен звон брегета, —
до ужина осталось полчаса,

уже на кухне видно шевеленье,
кухарка раздувает самовар
и достаёт брусничное варенье —
лесов окрестных драгоценный дар,

слезится сыр на блюдечке с каймою,
севрюга с хреном, волжский балычок,
под вышитой салфеткой с бахромою
краюха хлеба, свежий чесночок,

уже несут из ледника соленья:
капусту в кадке, грузди, черемшу,
ждёт не дождётся вырезка оленья,
чугунчик разварного кулешу,

блины с икрой — конечно же, без счёту,
смородиновки пьяной потный штоф,
ещё кадушка липового мёду,
холодный квас немислимых сортов...

Часы бьют восемь, гости на веранде
садутся чинно-мирно вокруг стола.
Никто ещё не думал об Антанте,
и говорили «свёкла» — не «свекла́» ...

---

¹ Заключительная строка стихотворения «Настеньке Томашевской в Крым» (1964) Иосифа Бродского (1940–1996).

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ПАМЯТИ

Вид издали на жизнь, что пролетела,¹
для краткости мы памятью зовём,
распутывая хлопотное дело
про что-то там из жизни хромосом.
Нет, я не ставлю маркеров и меток,
не лезу в их интимный микромир,
мне б вспомнить про родителей и деток,
про чахлое убранство их квартир.

Я вспоминаю о друзьях из детства,
заморышах — таких же, как и я:
сугубо ограниченные средства
тогда имела каждая семья.
Картошка, макароны, щи да каша
на завтрак, ужин, то же — на обед
(ведь *щи да каша — это пицца наша*),
На кухне — стол да шаткий табурет...

Года и лета быстро пролетели,
настала юность, в памяти моей
учебные последние недели
остались отголоском школьных дней.
За юностью пришла пора взросленья,
а вместе с нею — новые друзья,
потом — семья, заботы и сомненья,
а у друзей — то жёны, то мужья,

то в отпуске, то времени в обрез,
хандра, наука, дети и болезни,
покинул кто-то этот край чудес,
один сказал: «Вы стали бесполезны» ...

---

¹ Строка из стихотворения «На выставке Карла Вейлинка» (1984) Иосифа Бродского (1940–1996).

К тому же разлетелись — кто куда:
Россия велика, да что Россия! —
иные укатили навсегда,
и память их сковала амнезия.

По счастью, не у многих, Бог судья
себя лишившим памяти манкуртам,
и времени неспешная ладья
несёт нас, отдавая дань абсурдам
нежданных расставаний, редких встреч
и радости общенья — хоть по скайпу,
жива в нас память — общая, — сиречь
мы родственны по духу, не по скарбу.

Наш возраст позволяет, как с холма,
прожитые года окинуть взором,
мелькнувших лет земная кутерьма
живёт в нас несмываемым узором.
Друзья, нас память держит на плаву,
мы — просто поседевшие подростки,
нам память назначает рандеву
в урочный час на ближнем перекрёстке.

Воздух памяти

Не о грядущем, но о прошлом¹
Я размышляю и пишу,
Я этим воздухом дышу
И не считаю это пошлым,

Я верю парусу — не вёслам, —
И приближаясь к рубежу,
Рукой тянусь к карандашу,
Не изменю своим ремёслам;

---

¹ Строка из стихотворения «С видом на море» (1969) Иосифа Бродского (1940–1996).

Пока позволит голова,
Продолжу связывать слова,
Плести рифмованные строки, —

Покуда мысль рождает мысль,
Пока отпущенные строки
Имеют смысл, имеют смысл...

НА ВЫСТАВКЕ КОНСТАНТИНА КОРОВИНА

Plus quam perfect, plus quam perfect —
Давно прошедшая эпоха.
Как мне представить из далёка,
Что бесконечно одинока
(Неотразим её эффект!)
Та дама на картине в раме?
Спокойствие и тишина,
От суеты отрешена,
Не зная, что обречена, —
Эпоха в розовом тумане.
Неважно, город ли, деревня,
Особняки, дома, домишки,
Луг — шелест трав поди услышь-ка,
Лов рыбы с лодки на мормышку...
И чудится во всём смиренье,
Немыслима здесь суета,
И днём, и ночью — безмятежность,
И в лицах на портретах — нежность
И углублённая безбрежность...
Священна эта простота,
Ушедший благородный век...
Увядающая навеки эпоха,
Сквозь заросли чертополоха
Глядит с насмешкой скомороха
Plus quam perfect, plus quam perfect...

У ПРОШЛОГО В ДОЛГУ

*Действительность — поклон календарю*¹
в стремлении умиловить даты.
Я думаю о том, что говорю.
Чем мы ещё, по существу, богаты?

То празднуем День мирного труда,
то юбилей забытого артиста,
то чествуем — бывает иногда —
упавшего со сцены пианиста.

Эпоха грузно двигается вспять,
и вот опять цари в большом почёте,
толпе баранов не на что пенять,
они слегка ошиблись при расчёте,

привыкли, что на первый и второй
их в армии по осени считают, —
ан нет, есть только первый, рот закрой
всяк прочий, кто того не понимает.

И вот толпа ждёт нового царя,
который будет править справедливо,
а тех, кто протестует втихаря,
спровадит быстро, как судью, на мыло.

Потом развяжет пару честных войн,
Потом народ поставит на колени,
а если кто-то там поднимет вой,
он всем покажет, кто холоп, кто гений.

---

¹ Строка из стихотворения «Оставив простодушного скупца...» (1964) Иосифа Бродского (1940–1996).

Действительность у прошлого в долгу,
пришла пора запрячь страну в оглобли,
а тем, кто против, вставить в нос серьгу,
на цепь — и в каторгу. Колпак соболий

Владимир-царь напялит на башку,
протрёт суконкой скипетр и державу
и, усладив по прошлому тоску,
страну согнёт он в рог — и на боку,
как в сказке, будет царствовать на славу.

ОБ АВТОРЕ

Марк Полыковский — поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентования в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук.

В 1991 году репатрировался в Израиль. Живёт в Ашдоде.

В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Вслед за ним вышли в свет более 10 сборников стихов и переводов с английского. Печатается в журналах Израиля и за границей. Был литературным редактором издававшегося в Ашдоде журнала «Начало».

Евгений КИСИН

ИЗРАИЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

МИНИ-ДНЕВНИК

ОТ АВТОРА

В конце прошлого года у меня выдалось несколько свободных дней, и я решил провести их в Израиле: хотелось и немного посмотреть любимую страну, и пообщаться хотя бы с некоторыми из живущих там многочисленных друзей и знакомых. Вышло так, что в основном я именно общался с людьми самых разных судеб, поколений, профессий, общественного положения, политических взглядов.

Много лет назад, когда я единственный раз в жизни был у астролога (я тогда жил в Лондоне, и мы были соседями по лестничной клетке), она, составив мой гороскоп, сказала, что у меня из десяти планет семь в воздухе и ни одной на земле, поэтому меня интересуют не материальные вещи, а идеи, и я люблю общаться с интересными людьми, которые «снабжают» меня идеями. Не знаю, считать ли астрологию после такого наукой, но трудно описать мой характер точнее.

Во время пребывания в Израиле я делал записи, в результате чего получился своего рода дневник. Мне подумалось, что, может быть, эти «заметки по свежим следам» будут небезынтересны читателям журнала «Времена», и потому я перевёл их с идиша на русский.

24 ДЕКАБРЯ

Прилетел вчера (на самом деле уже сегодня) очень поздно, почти в два часа ночи. Долго ждали в венском аэропорту, где была пересадка: сначала никак не могли включить моторы, а потом объявили, что тель-авивский аэропорт ночью закроют на час, поэтому нам придётся вылететь позже, чтобы прилететь, когда он уже снова будет открыт.

До гостиницы добрался после трёх. Таксист, который меня вёз, сказал, что поработает ещё пару часов, а потом поедет домой спать. «Думаете, что сейчас вас кто-нибудь остановит? улицы совсем пустые» — поинтересовался я. — «Сегодня ж пятница, молодёжь гуляет». — «Где же она гуляет?» — «В центре и на набережной».

Летел я сюда с большой радостью, но была в душе ложка дёгтя: перед отлётом из Праги прочитал, что новое правительство Израиля приняло решение о введении смертной казни для террористов. Помню, что об этом начали говорить ещё в конце 2017-го года. Даже в путинской России официально смертной казни нет...

Во время поездки проверил до конца напечатанный вариант моего трио¹ и написал Саше² обо всех опечатках. Их всё ещё много; некоторые ошибки, как оказалось, я сам сделал в рукописи. Столько времени это занимает... Да, видимо, действительно придётся мне научиться писать музыку на компьютере — но неужели все композиторы всегда так мучились до тех пор, пока не изобрели компьютерные программы для записывания музыки? К тому же, хотя я не Бетховен, почерк у меня гораздо яснее, чем был у него, и тем не менее...

Днём Галя с Наташей возили меня в Аполлонию — древний город на берегу моря между Тель-Авивом и Кесарией. Никогда я там раньше не бывал. Очень красиво, живописно, тихо — хотя, как рассказала Галя, весной там очень шумно: приезжает много народу с детьми, вокруг расхаживают актёры в средневековых одеждах, детям покупают шлемы, мечи и так далее. Кроме крепости крестоносцев, там сохранились древние колодцы.

В море недалеко от берега — большие камни, отвалившиеся части крепости, а у самого берега вода жёлтая из-за водорослей особого вида. Галя много рассказывала об истории этого места с любопытными подробностями: у финикийцев, которые поселились там первыми, оказывается, была богиня проституток, и в этом месте стоял посвящённый ей храм; финикийцы делали красную краску из улиток, и для того, чтобы получить один грамм краски, нужно было убить двенадцать тысяч улиток...

---

¹ Трио для скрипки, виолончели и фортепиано о войне в Украине, написанное весной-летом 2022-го года.

² Александр Корсантия (род. 1965) — грузинско-американский пианист и педагог.

К счастью, с погодой повезло, дождь шёл только до и после нашей прогулки.

Когда у нас зашёл разговор об идише, Галя сказала, что в своё время просила отца научить её идишу, но он не захотел: «Пятого пункта по инвалидности тебе хватит!». После этого я спросил, был ли её папа счастлив в Израиле, и она ответила: «Нет». Почему нет? «Он был за советскую власть». Как же он мог быть за советскую власть, зная, что в Советском Союзе государственный антисемитизм? «У папы было много противоречий».

В детстве он ходил в хедер; потом, учась в Ленинградском университете, занимался историей семитов, поскольку знал иврит. После репатриации семья поселилась в Бней-Браке, и там оказалось, что он разбирается в еврейских делах лучше некоторых тамошних раввинов».

Тут я вспомнил, как много лет назад Галина сестра рассказала мне, что однажды их папа лежал в больнице и, узнав, что его сосед верующий, начал тому доказывать, что религия — это чушь, говоря: «Ну, что тебе эта вера даст? Копейку в кармане?» — а потом оказалось, что этим соседом был Леви Леваев — израильский бизнесмен, филантроп, еврей бухарского происхождения, известный как «бриллиантовый король».

С отцом Гали я общался лишь однажды, и в конце этой единственной нашей встречи он уверенно заявил, что «другого мира нет». Галя назвала это «отрицанием отрицания», попытками на протяжении всей жизни убедить самого себя в том, что выученное в детстве — это неправда, но, по её словам, в последние годы он всё-таки в какой-то степени вернулся к вере, потому что «если человек ходил в хедер, то у него невозможно отнять веру». «Но ведь многие люди, которые ходили в хедер, потом стали убеждёнными атеистами», — сказал я. «Якобы» — ответила Галя. Интересно... Конечно, Галя, будучи психологом с многолетним стажем и при этом человеком неверующим, знает, что говорит, — но неужели такие люди, как Диманштейн, Альтшулер, Бельский и им подобные были только «якобы» атеистами?

В прошлом году я провёл некоторое время с Галей и Наташей в Иерусалиме, и тогда выяснилось, что Галя правая, а Наташа — левая. Поскольку они обе — профессиональные психологи, я стал спрашивать у них, как они, несмотря на политические разногласия, могут быть такими близкими подругами. Сегодня, когда мы говорили о войне в Украине, Путине и так далее, я подумал — и сразу же сказал: «Думаю, что сейчас у меня есть ответ на вопрос, который я вам задал в прошлом году: мне кажется, что несмотря на разногласия, всё-таки есть больше

важных вещей, которые вас объединяют», — и они согласились. Однако, когда на мой вопрос, почему Галя (как она сказала в прошлом году в Иерусалиме) не села бы за один стол с Йосси Бейлиным, последовал ответ, что она не садится за один стол с людьми из «Шалом ахшав», которые считают, что правы арабы, и хотят отдать полстраны, Наташа тихо спросила: «А ты знаешь, за кого я голосовала?» Галя сказала: «Это твоё право», и Наташа как бы подвела итог: «Ну, мы договорились не обсуждать политику». «Жаль», — сказал я, — было бы очень интересно послушать, как вы спорите о политике». «Зачем тебе это?» — спросила Галя. «Потому что я хочу разобраться в этих вещах, а для этого мне нужно слушать не только разные мнения, но и как одна сторона отвечает на аргументы другой, и наоборот».

Спросил Галю, почему, если она не сядет за один стол с Бейлиным, она уважает Шимона Переса: ведь Бейлина называли «пуделем Переса». Галя ответила, что Перес достойно вёл себя в жизни и принадлежал к «Аводе», а Бейлин — к «Шалом ахшав», которые были крайне левыми.

Потом она рассказала мне об интересной паре, с которой она дружила и у которой она с её бывшим мужем были в гостях, когда хозяйка выгнала Переса из дома (он в то время был министром иностранных дел в правительстве Рабина). Муж, Юлиус-Иегуда Хиршберг, родился в Польше, и во время войны бандеровцы спасли его и его отца, потому что отец его был врачом. Поскольку маленький Юлиус был очень низкого роста, они спрятали его в большом кувшине для молока. Потом нацисты отправили его мать в гетто, и бандеровцы спасли её оттуда. Здесь он стал крупным бизнесменом: помимо всего прочего, построил часть Университета имени Бен-Гуриона в Негеве и первым заключил договор на импорт машин скорой помощи в Израиль. Его жена Вера, репатриировавшаяся из Англии, стала здесь сторонницей «Ликуда», сам Юлиус-Иегуда — центристом, а их дети — левыми, поэтому один туалет в их квартире был украшен правыми наклейками, а другой — левыми.

Галя такая молодец, полна энергии и позитива, как всегда, — хотя, как она рассказала мне, потеряла массу друзей из-за ковида...

Вечером встречался с Сарой. К сожалению, в ресторане, в который она меня пригласила, было очень шумно, мне трудно в таких местах разговаривать, видимо, потому, что у меня слабые связи. «Согласно статистике, в Израиле много бедных, — сказала она, — но этого не видно, во всяком случае, не в Тель-Авиве: в ресторанах, в магазинах

полно народу. В Тель-Авиве много молодых айтишников, но я боюсь, что сейчас они начнут уезжать, потому что с новым правительством Израиль может стать религиозной страной».

Несколько дней назад Сара написала мне, что здесь творится кошмар из-за нового правительства, поэтому, когда мы подняли бокалы, я сказал: «Лэхаим! Хорошо быть в Израиле: всё, что здесь хорошее, — наше, и всё, что здесь плохое, — наше». «Да», — ответила Сара, — но я не могу понять, что делает Биби... Он же умный человек, он не идиот!».

Она мне, в частности, написала тогда, что из-за экстремистов в новом правительстве Нетаньяху, помимо прочего, хочет разрушить систему образования, и сегодня я спросил её, что она имела в виду. «Существует закон, согласно которому религиозные школы, в которых не обучают базовым предметам, не получают финансовой помощи от государства, а теперь они хотят отменить этот закон. Но это не получится, потому что разные мэры, в частности, мэр Тель-Авива, уже заявили: не в моём городе!».

Сара считает, что Нетаньяху находится под сильным влиянием жены и одного из сыновей. На английском Биби говорит одно, на иврите — совершенно другое. «Как Арафат когда-то?» — спросил я. «Да, ты помнишь?» — слегка улыбнулась она. «Он точно такой же, как Трамп, но умнее».

«А вообще, отношение к Трампу в Израиле изменилось?»

«Да. Считают, что он был хорош для Израиля, но сущность его поняли».

Продолжили разговор о Нетаньяху. «Все говорят, что Биби избавится от экстремистов в новом правительстве после того, как продавит закон, согласно которому то, за что его сейчас судят, больше не будет считаться преступлениями. Не знаю... Я не верю ни одному его слову».

«Кто это говорит?»

«Лапид, Беннетт, Либерман».

Когда я упомянул о скандале в связи с тайными сделками Либермана с арабами и тому подобным, Сара ответила, что никогда об этом не слышала.

Каждый раз, когда я нахожусь здесь, меня возбуждает сознание того, что всё, что я вижу вокруг, — дороги, тротуары, дома, фонари, провода — создано евреями. Как у Маяковского: «В наш вагон на нашем пути наши грузят дрова». Один мой хороший знакомый, который дружил с гроссмейстером Леонидом Штейном, рассказывал мне, как

после возвращения с Олимпиады в Тель-Авиве в середине 1960-х тот говорил ему с воодушевлением: «Представляешь: даже проститутки — еврейки!». Сегодня, однако, я вдруг вспомнил анекдот, который услышал во время своей самой первой поездки в Израиль в 1988-м году от нашего переводчика и гида Ярона. Анекдот такой:

Старик гуляет с внуком и рассказывает ему:

«Когда я был молодой, я строил этот завод; когда я был молодой, я строил эту электростанцию...» — и так далее. В конце концов внук спрашивает:

«Скажи, дедушка: а что, когда ты был молодой, ты был арабом?»

Я уже не помню, как Ярон тогда объяснил нам этот анекдот, и спросил сегодня об этом у Сары. Она этого анекдота не знала, он ей очень понравился, и она ответила на мой вопрос: «Да, потому что до Шести-дневной войны большинство рабочих в строительном бизнесе были арабы».

25 ДЕКАБРЯ

Сегодня у меня были целых три встречи: с Ципи Ливни, с Даниэлем¹ и другими идишистами в Доме Лейвика,² и со Шмуликом³ и Поволоцкими у них дома.

С Ливни мы встретились, как она предложила, в кафе «Пастель», рядом с Тель-Авивским музеем искусств. Выглядит она роскошно, и я не могу понять, почему Бенцион Нетаньяху в своё время сказал в интервью, что у неё плохой английский: мне кажется, она владеет им в совершенстве и говорит очень бегло (когда я слушал её речь в Иерусалиме в 2009-м году, у меня было такое же впечатление). Встреча наша длилась всего час, но была исключительно интересной и содержательной. Задавал ей всё время разные вопросы. Она рассказала мне, что сейчас занимается консультированием разных компаний и участвует в международных конференциях: например, недавно принимала участие в международной конференции бывших министров иностранных дел, которые работали с Мадлен Олбрайт, в Праге, где Олбрайт родилась.

---

¹ Даниэль Галай (род. 1945) — израильский идишский поэт, композитор и руководитель «Дома Лейвика»

² «Дом Лейвика» («Лейвик-хойз») — тель-авивская идишская культурная организация.

³ Шмуэль Ацмон (род. 1929) — израильский театральный актер и режиссёр, основатель и многолетний руководитель тель-авивского идишского театра «Идишпиль»

«Когда же проходила эта конференция, я же живу в Праге!»

«Вы живёте в Праге?! Come on!» — воскликнула она, слегка хлопнув меня по руке. Выяснилось, что конференция началась 8-го декабря, накануне моего отъезда в Лондон, так что мы в любом случае не могли бы там встретиться. Договорились, что она даст мне знать заранее, если снова приедет в Прагу.

Ливни также рассказала кое-что интересное о Нетаньяху. «Он израильтянин, но он американский республиканец, и это его мировоззрение» — сказала она. — «Он слабый человек. Ему трудно принимать решения. Он очень умный, он знает историю, он видит геополитическую картину мира, но ему трудно принять решение, он собирает разные варианты и принимает решение в последний момент. Я провела много часов в беседах с ним. Он говорил мне, что политики верят в силу, а не в права человека и тому подобное. Он не верит в демократию».

Последнее меня удивило, поскольку Нетаньяху всегда выступал как сторонник демократии, поэтому я переспросил: «Он не верит в демократию?». — «Он верит в демократию как в избирательную систему, но не как в систему ценностей: в независимую полицию, независимые суды, независимую прессу. Раньше он поддерживал Верховный суд, но после того, как Верховный суд начал выдвигать против него обвинения, он стал выступать против Верховного суда. На английском он говорит по «Фокс ньюз» и так далее одно, а на иврите — совершенно другое».

Ливни также сказала, что с самого начала нынешней войны она считала, что Израиль должен встать на сторону Украины а потом оказывать Украине военную помощь (кроме той, которая может раскрыть израильские военные секреты), поскольку координация наших действий в Сирии с Путиным — это тактический вопрос, а координация нашей политики с США — вопрос стратегический; нынешняя война — это не война России с Украиной, а война Путина с Западом, и Израиль должен быть частью Запада. Она считает, что Израиль не оказывал Украине военной помощи по двум причинам: потому, что нам нужно было координировать с Путиным наши действия в Сирии, и потому, что в начале войны, до зверств в Буче и так далее, многие «русские» израильтяне отождествляли себя с Россией. Она также считает, что, может быть, Нетаньяху попытается сделать что-то против Ирана вместе с Америкой, а Америка в ответ потребует, чтобы Израиль действовал вместе с ней против России в помощь Украине.

Я спросил у Ливни, почему она ушла из «Ликуда». «Я ушла вместе с Ариком Шароном, потому что «Ликуд» изменился» — ответила она. —

В юности я была членом «Бейтара», я считаю себя последовательницей Жаботинского, но «Ликуд» больше не следует принципам Жаботинского. Я считаю, что нужно пытаться достичь мира с палестинцами, но боюсь, что новое правительство будет делать противоположное: строить новые поселения, легализовать незаконные форпосты, постепенно аннексировать Западный берег, не делая его палестинских жителей израильскими гражданами, и в результате Израиль станет государством апартеида».

«А как можно достичь мира с палестинцами?»

«Сейчас это невозможно, но можно делать шаги в этом направлении: не строить новых поселений, не легализовать незаконных форпостов, разрешать палестинцам ездить в сектор С, оказывать им финансовую помощь».

«А как можно оказывать им финансовую помощь? Разве правительство Палестинской автономии не коррумпировано?»

«Конечно, оно коррумпировано, но можно помогать не ему, например, участвовать в европейских программах, которые оказывают помощь именно простым палестинцам. Однако новое правительство верит в Великий Израиль».

«Но Жаботинский тоже верил в Великий Израиль», — сказал я.

«Да, но он также верил в равноправие. Сегодня вечером я буду выступать перед бейтаровцами, это будет нелегко, они наверняка будут задавать мне «обвинительные» вопросы, но я буду им всё объяснять».

«А вы в юности верили в Великий Израиль?» — спросил я.

«Я считаю, что евреи имеют право жить на всей территории до реки Иордан. Мои родители были членами «Иргуна»; когда они поженились, это была самая первая свадьба в новообразованном государстве Израиль — и они верили в Великий Израиль. Я помню, как после Шестидневной войны мой отец возил меня в Иерусалим, на могилу Рахили — это всё моё. Однако из практических соображений, ради моих детей и внуков, я считаю, что нам следует отдать палестинцам часть этой земли. Не потому, что я их люблю, а потому, что я хочу развестись с ними!».

Мы немного говорили о Газе, и когда я спросил у Ливни, был ли, по её мнению, уход из Газы правильным, она ответила утвердительно. «Смотрите: в политике всегда приходится выбирать между плохим и худшим. Какая была альтернатива? Когда мы были в Газе, они напали на еврейские поселения и убивали наших детей. Я абсолютно не вегетарианка; я всегда считала и считаю, что надо сражаться с Хамасом».

В этом ей, собственно, не нужно было меня уверять: я очень хорошо помню и её речь в Иерусалиме в 2009-м году, и интервью с Примаковым, в котором он сказал, что после разговора с Ливни понял, что Израиль хочет не просто изолировать, но уничтожить Хамас.

«И по вашей речи на вечере памяти лорда Вайденфельда, и по нашей короткой беседе после моего последнего концерта в Иерусалиме, и по нашему нынешнему разговору я чувствую, что вы сильно обеспокоены тем, что происходит в стране. Почему бы тогда вам не вернуться в политику, чтобы что-то изменить?»

«Я послужила моей стране, и я не хотела возвращаться к политической деятельности. Однако позавчера, когда был объявлен состав нового правительства, я не смогла сдержаться и публично выступила. С тех пор ко мне подходят разные люди — в том числе и в этом кафе — и просят: вернитесь в политику! Так что я должна буду подумать об этом, но я должна понять, есть ли у меня возможности для того, чтобы осуществить изменения, нужные Израилю».

Когда я вышел из «Пастеля», слегка накрапывал дождь, он всё усиливался, так что на встречу с идишистами в Дом Лейвика я пришёл весь промокший.

Кроме Даниэля и меня, там были Эмиль Калин с женой, Серго¹ со своим учеником Дмитрием Данковским, Броха Финкельштейн из Нью-Йорка и Ася Лейдерман из России, которая репатриировалась несколько месяцев назад. Даниэль принёс пончики: сейчас ведь Ханука! Мы позвонили Ривке Басман Бен-Хаим,² но, к сожалению, она сейчас нехорошо себя чувствует, и было даже трудно понять её речь... Позвонили также Боре.³

Даниэль хотел, чтобы каждый из нас немножко почитал вслух из разных книг. Дмитрий спел нам — очень хорошо — пару еврейских песен, и Серго ему подпевал, тихо, но с энтузиазмом. Интересно, что хотя Эмиль и его жена выучили идиш во взрослом возрасте, они говорят на галицианском диалекте. У Даниэля идиш был первым языком, но он говорит на литературном идише. Даниэль подарил мне несколько книжек, в том числе башевисевского «Шарлатана», а Серго — ко-

¹ Серго Бенгельсдорф (род. 1937) — еврейский журналист и радиоведущий, пианист, концертмейстер, музыкальный критик.

² Ривка Басман Бен-Хаим (род. 1925) — идишская поэтесса.

³ Борис Сандлер (род. 1950) — идишский прозаик, поэт, драматург.

пии разных стихотворений своей матери на отдельных листах бумаги. Я принёс с собой четыре экземпляра моей второй книги (больше у меня не было, потому что последний экземпляр я оставил для Шмулика) и подарил их Даниэлю, Эмилю, Серго и Асе. С Брохой мы договорились встретиться, когда я буду в Нью-Йорке через несколько месяцев, и обменялись электронными адресами. Как всегда, всё было очень тепло и по-домашнему — «һэймиш», как говорится на идише.

У Поволоцких меня ждал приятный сюрприз: оказалось, что и Саша, и Аня, которых я знаю уже так много лет, понимают идиш, так что мы разговаривали и по-русски, и на идише (слушая это, Марьяша сказала, что чувствует себя гойкой). Саша рассказал забавную историю, произошедшую в еврейской колонии в Украине, где родилась его мама и где, как сказал Саша, «люди молились Богу, но верили в советскую власть». У самого бедного жителя этой колонии было не то 9, не то 10 детей, и самого младшего из них он назвал Лениным. И вот однажды в субботу один из его сыновей, парнишка лет шести, вбежал в синагогу и стал кричать: «Папа! Папа!». «Тихо!» — сказал отец, — «Здесь же молятся!» — «Папа, караул!» — продолжал кричать мальчик. — «Что ты орёшь? Что случилось?» — «Ленин обкакался!».

Шмулик вспоминал много интересного о своей молодости, в частности, о том, как первые двадцать лет жизни в Израиле он стеснялся публично говорить на идише из-за негативного отношения к мамэлошн, распространённого здесь в то время, но потом наступил момент, когда он понял, что его долг — играть именно на идише. Рассказывал он также о своей дружбе с Александром Пенном — тот научил его пить водку. «Но коммунистом он тебя не сделал?» — спросил я в шутку. — «Нет», — успокоил меня Шмулик. Он был очень доволен и благодарен, потому что это был его первый выход из дома после смерти жены...

26 ДЕКАБРЯ

Сегодня опять, как и обещал прогноз погоды, весь день лил дождь, и в Тель-Авиве, и в Нетании.

Днём я впервые в жизни поехал в Нетанию навестить Владимира Львовича¹ и его детей. Из-за дождя мне в Нетании, увы, ничего не удалось посмотреть, кроме Площади независимости, рядом с которой сейчас живёт Владимир Львович. Мальчики его очень красивые, а Маша стала просто очаровательной молодой женщиной. По профессии она

---

¹ Владимир Леви (род. 1938) — врач-психотерапевт, психиатр, писатель.

тоже психолог. Хотя она еврейка по Галахе, получила израильский паспорт и успешно изучает в ульпане иврит, в еврейских делах она ещё, как говорится, «не в теме»; я ей рассказывал немного о Хануке (сегодня она как раз закончилась) и довольно много об идише. Младший сын Илюша выше и вообще крупнее своего старшего брата Иосика, и когда я назвал его Илюшей, он громко возразил: «Илья!». Он мальчик активный, шумный, а Иосик — задумчивый. Когда они отошли, я сказал Владимиру Львовичу, что Илюша — явный сангвиник, а Иосик — меланхолик или флегматик. «Не флегматик», — ответил папа, — «меланхолический холерик, как я». Что же касается самого Владимира Львовича, Маша сказала, что несмотря на возраст, отец её всё ещё ходит так быстро, что она буквально не может за ним угнаться.

Мне хотелось их о многом расспросить, но я чувствовал, что Маше было интересно расспрашивать меня, поэтому во время нашей встречи мне пришлось разговаривать больше, чем обычно.

Вечер я провёл у супругов Перайя в их квартире на улице Пинкаса. Было очень мило. В гостиницу вернулся пешком: к тому времени дождь наконец-то прекратился. Был уже двенадцатый час. Улица Пинкаса как будто спала. На улице Ибн-Гвириля были люди, кто-то из них — с собакой, было ещё открыто какое-то кафе, и проезжало немало машин. Я быстрым шагом шёл в гостиницу, а в голове у меня попеременно звучали 1-я часть 1-й симфонии Вайнберга и украинский гимн, и крутился текст открытого письма Нетаньяху, который я сочинил за несколько часов до того, пока ждал машину и ехал к Перайям:

«Уважаемый г-н премьер-министр!

Вы всегда являлись убеждённым поборником демократии. Я помню, как ещё в 1994-м году читал в «Джерузалем пост» Вашу статью, в которой Вы ясно объясняли, что арабо-израильский конфликт — это конфликт между демократией и недемократией, и что в такого рода конфликте мир может быть основан только на сдерживающем факторе, поэтому так называемый «мирный процесс» того времени был обречён на провал. Как мы знаем, Вы оказались правы.

На протяжении последних десяти месяцев весь цивилизованный мир с ужасом наблюдает ещё за одним конфликтом между демократией и недемократией: путинской кровавой войной в Украине. Ясно, что этот конфликт может быть разрешён не дипломатией и посредничеством, но только однозначной и массивной поддержкой демократической Украины, которая отважно сражается за свою независимость и террито-

риальную целостность, за жизни своих граждан. Казалось бы, Израиль должен был первым предоставить Украине такую поддержку: не только потому, что мы хорошо знаем, что такое сражаться за своё существование, когда тебя хотят уничтожить, но также потому, что мы, евреи, всегда были самыми большими жертвами русской ксенофобии. Однако Израиль, кажется, является единственной развитой демократией мира, которая продолжает отказываться помочь Украине оружием.

Сначала казалось, что наша страна была вынуждена соблюдать осторожность в отношениях с Путиным из-за присутствия российских вооружённых сил в Сирии. Однако сейчас большая часть российских вооружённых сил выведена из Сирии, поскольку Путин отчаянно нуждается в них в Украине. Так чего же нам теперь бояться?

Уважаемый г-н премьер-министр, во время Вашей предвыборной кампании Вы обещали рассмотреть вопрос оказания военной помощи Украине. Пожалуйста, рассмотрите его как можно скорее — и покажите всему миру, что Израиль, который всегда славился своей храбростью, не боится кровавого русского диктатора, который не только разбомбил Бабий Яр и несколько синагог в Украине, но также вступил в союз с нашими злейшими врагами, запретил деятельность Сохнута в России и объявил ряд российских еврейских организаций «иноагентами». Пожалуйста, используйте нашу славную военную мощь, чтобы помочь единственной стране в мире, кроме Израиля, президентом которой является еврей, в её отважной и праведной борьбе с русскими захватчиками, убийцами, насильниками и кровавыми садистами, которые всегда были самыми злейшими врагами и нашего народа».

Теперь нужно будет посоветоваться с Р., как опубликовать это письмо...

27 ДЕКАБРЯ

Сегодня встретился с Даном Лаором.¹ Он был очень мил, подарил мне «Простую историю» Агнона и предложил познакомить меня с дочерью Пенна и с людьми из «Дома Шолом-Алейхема».² От него я тоже узнал немало интересного: например, что, переводя свои произведе-

---

¹ Дан Лаор (род. 1944) — израильский писатель, профессор еврейской литературы Тель-Авивского университета.

² «Дом Шолом-Алейхема» — тель-авивская идишская культурная организация.

ния с идиша на иврит, Менделе Мойхер-Сфорим делал существенные изменения; что Альтерман много переводил идишских поэтов на иврит. К концу нашей встречи он показал мне дом на улице Дизенгоф, в котором жил Пенн; сейчас там магазины одежды и драгоценностей. Я спросил о политических взглядах его самого и его семьи; он ответил, что они с женой всегда были сторонниками «Аводы», что на последних выборах он голосовал за «Йеш атид», а что касается его четырёх детей, они все придерживаются разных взглядов, но, несмотря на это, близки друг с другом.

Лаор очень хорошо относится к Ливни и в своё время голосовал за «Кадиму» только потому, что хотел, чтобы Ливни стала премьер-министром. Оказалось также, что он с детства знает Дана Меридора; он подтвердил, что Меридор был очень порядочным политиком, независимо от того, соглашаться с его политикой или нет.

Поскольку я так и не получил ответа от нескольких знакомых, с которыми хотел здесь пообщаться, то позвонил Гале и предложил встретиться сегодня, если она свободна. Милая Галя отменила все свои сегодняшние дела и приехала в Тель-Авив. Много часов мы с ней гуляли, и она подробно рассказывала мне почти о каждом здании: сначала в Яффо («по помойкам», как она говорила), потом в Неве Цедек и дальше к северу...

В Яффо мы зашли на территорию тамошней Большой мечети, и я вошёл в саму мечеть. Было там всего 2–3 человека. Красиво, тихо — успокаивающая атмосфера, как во всех храмах. Не помню уже, заходили ли мы в Голубую мечеть во время экскурсии по Иерусалиму в 1988-м году, так что, может быть, сегодня я впервые в жизни побывал в мечети. Пробыл там несколько минут, посмотрел, походил немного, потом повернулся к Гале, которая ждала у входа, — и она подала мне знак, чтобы я вышел. «Что случилось?», — спросил я. «Потом расскажу», — ответила Галя. Мы погуляли несколько минут по территории мечети, я снова пару раз спросил, что случилось, и Галя продолжала отвечать: «Потом расскажу». Когда мы вышли, она сказала: «Там был криминальный элемент. Потом расскажу, откуда я его знаю».

Примерно пару часов спустя мы подошли к небольшому зданию с надписью «Coffee Roasters Noga Square». К одному из его окон был прикреплен украинский флаг. Галя сказала, что это самая лучшая кофейня в Тель-Авиве. Мы взяли по чашке кофе и единственный оставшийся кусок морковного торта, сели за столик снаружи — и тогда Галя мне, наконец, объяснила, что произошло в мечети.

— Года полтора назад зашла я как-то в Яффо, встретила там моего знакомого араба-христианина, и он пригласил меня к себе домой выпить кофе. Спрашиваю я у него, где тут поблизости можно купить пару бутылок вина, и он мне показывает в окно: «Видишь вон ту узкую улицу? Нужно дойти до её конца и повернуть направо, там ты увидишь винный магазин. Только эту улицу надо очень быстро пробежать, потому что если туда заедет машина, то шофёр тебя может не увидеть. Можешь стометровку пробежать?» — «Могу». Бегу я по этой улице и в какой-то момент слышу, что за мной действительно едет машина, понимаю, что водитель меня действительно не видит и что я не успею добежать до конца. Вижу справа в дверях дома какого-то человека и падаю на него с криком: «Спаси!». Одна машина проезжает, другая... Я оборачиваюсь и вижу, что человек этот огромного роста, я ему по грудь, и что у него совершенно зверская рожа. Тогда эта рожа начинает улыбаться, и он спрашивает: «Что ты тут делаешь? Чего тебе тут нужно?». Я ему объясняю всё как есть. Заводит он меня в дом, и там я вижу нескольких женщин с закрытыми лицами и кучу детей. Выводит он меня наружу из заднего входа и говорит: «Иди налево, это параллельная улица». Иду я налево и вижу, что на той улице, куда я иду, демонстрация против евреев! Проезжает мимо полицейская машина, я к ней бросаюсь: спаси! Полицейский спрашивает: «Что ты здесь делаешь? Чего тебе здесь нужно?». Я ему всё объясняю. «Что?! Из какого дома ты вышла? Из того? Этот дом под наблюдением! Ты что, с ума сошла?! Ты что, газет не читаешь, не знаешь, что сегодня здесь эта демонстрация?». В общем, вывез он меня оттуда — а сегодня в мечети был тот самый человек, который меня спас от машин и чей дом находится под наблюдением полиции! Он меня узнал, подошёл ко мне и сказал: «Галина? Надо выйти». Я поняла, что там может произойти что-то неприятное, поэтому и подала тебе знак. Когда я ещё работала, мои арабские коллеги мне иногда звонили и говорили: «Галинуши, сегодня мы тебя повезём на работу», — потому что дорога из Бат-Яма в Тель-Авив лежит через Яффо, и в те дни в Яффо происходило что-то нехорошее, так что безопаснее было ехать в машине с арабом за рулём. Мы с ними до сих пор дружим, и они мне иногда звонят и предупреждают: «Галинуши, ты любишь гулять — сегодня в Яффо не ходи!».

О многом мы с Галей говорили... В какой-то момент она начала мне объяснять, что такое психология нищего, и я спросил: «А, как у жены Нетаньяху?». «Я не знаю насчёт жены Нетаньяху...» — «Ну, я имею в виду, что она брала своё грязное бельё за границу, чтобы постирать

его там за государственный счёт». — «Я об этом никогда не слышала. О ней говорят много гадостей, которые не имеют под собой доказательств, чтобы свалить Нетаньяху. О жене Рабина тоже всякие гадости говорили». — «А что о жене Рабина говорили? Её обвиняли в том, что у неё был банковский счёт за границей в то время, когда это было запрещено». — «Ну, о ней ещё говорили, что она такая сволочь». — «И тоже чтобы свалить Рабина?» — «Конечно! Они все одним миром мазаны. Сейчас процесс над Нетаньяху разваливается на глазах. Недавно выяснилось, что, когда Беннетт был у власти, он себе целый дом за государственный счёт отгрохал!».

28 ДЕКАБРЯ

Сегодня впервые в жизни ездил в Зихрон Яаков навестить Гершона¹ и его семью. У них с Ситорой две очаровательных дочери. Гершон показал мне свой кабинет: десятки длинных полок с тысячами книг, многие из них — об исламе и мусульманской истории, некоторые на арабском. «Ты их все читал?» — спросил я. «Каждый, кто сюда заходит, этот вопрос задаёт! Не все, но большинство частично читал».

Оказалось, что Гершон в определённой степени соблюдает кашрут: он не ест свинины и морских гадов, некошерную говядину и прочее мясо ест, но не смешивает его с молоком; курицу, однако, он мясом не считает. «А ваши родители?» — спросил я его. «Моя мама очень верующая, папа атеист, и они развелись из-за религии. Нас с братом и сестрой воспитывал папа, поэтому в подростковом возрасте я ел всё, но потом мне захотелось вернуться к своему наследию в этом смысле». «А вы?» — спросил я у Ситоры. «Я иногда ем креветки и тому подобное вне дома, но домой этого не приношу».

Пока Ситора готовила ужин, Гершон повёл меня и девочек на прогулку по холмам. Очень красиво там, совершенно другой Израиль.

Гершон показал мне пещеру, в которой недавно нашли останки первобытных людей, приют для раненых ястребов и орлов. С холма мы увидели вдалеке арабский город Джиср Аз-Зарка, и Гершон сказал, что это один из городов, в которых практикуется институциональная дискриминация: «Арабским городам не дают разрешения расширяться. Даже друзским городам его не дают, хотя друзья служат в армии и их

---

¹ Гершон Левенталь — израильский историк, профессор истории ислама иерусалимского колледжа Шалем и приглашенный адъюнкт-профессор истории Ближнего Востока Оклахомского университета.

лояльность государству вне вопросов. Я говорил с мэром одного друзского города и с бывшим друзским членом Кнессета, и их самая большая жалоба была на нехватку земли для строительства домов. Когда я разговариваю с арабами — журналистами, политиками, учёными, интеллектуалами — они говорят, что это их самая большая проблема. В результате качество жизни в этих городах ухудшается, там очень мало полиции, и уровень насилия и убийств в арабском обществе сильно повышается». Я спросил, было ли при левоцентристских правительствах иначе, и Гершон ответил, что, к сожалению, они проводили такую же политику. «Сейчас даже Биби понял, что это проблема, и его правительство заявило, что выделит деньги на развитие арабских городов, но пока что сделано очень мало. Поскольку арабам не дают достаточно земли на строительство домов, им приходится делать это нелегально. В Негеве есть нелегальные бедуинские города. Биби их не разрушает, потому что он умный и понимает, что это может привести к серьёзным последствиям, но их не легализовали. Теперь экстремистские члены нового правительства говорят, что если будут легализованы бедуинские города, то должны быть легализованы все еврейские поселения на Западном берегу. Общее отношение таково: если арабы убивают друг друга, то это их проблема. Однако это не так, потому что потом евреи тоже становятся жертвами этих преступлений».

После этого прошлись по центру города. Возле многих домов стены — на иврите и английском рассказывается об их первых хозяевах, приехавших в Палестину в конце 19-го — начале 20-го веков. Пока мы стояли в очереди за мороженым, я открыл свою электронную почту и вслух прочитал новости относительно нового правительства. Там было написано, среди прочего, что Амир Охана будет первым открытым геем — спикером Кнессета. «Думаю, что это пиар ход для некоего баланса», — сказал Гершон, — «потому что члены партии Смотрича предложили принять закон, который разрешит магазинам и врачам выбирать, каких клиентов обслуживать и каких пациентов лечить. Никто не говорит этого открыто, но всем ясно, что речь идёт о гомосексуалах и арабах. «Национальное единство» заявило, что они с этим согласны. У «Шас» и «Яхадут ха-Тора» раньше хватало ума не предлагать таких вещей, но сейчас они тоже заявили, что согласны с этим. Ассоциация врачей уже выступила с заявлением, что «врачи будут продолжать соблюдать клятву Гиппократата». Когда мы вернулись домой, Гершон рассказал мне, что пять лет назад Смотрич заявил, что не хочет, чтобы его жена рожала в палате, в которой будет находиться араб. «Какое глупое

заявление, поскольку так много врачей в Израиле — арабы! И такой закон, собственно, разрешил бы арабским врачам отказываться лечить евреев! Биби сказал, что этого не произойдёт. Посмотрим. Сейчас будет очень трудно защищать Израиль, потому что из-за всего этого станут говорить: Израиль — это не либеральная страна, не демократия. Кто знает — может быть, если действительно будет принят такой закон, то это вызовет сопротивление, поскольку большинство израильтян против этого». — «Конечно, ведь Бен Гвир и Смотрич получили всего 11% голосов». — «Более того, левые партии получили большинство голосов, просто некоторые из них не преодолели 3.25%-го барьера — как, например, партия «Мерец», которую я поддерживаю».

Зашёл разговор о Кариночкиных детях.

Я рассказал, что Даня делает дипломный проект об архитектуре кибуцев и что его руководительница, австралийка, поинтересовалась, в частности, почему у него к этому исключительно романтическое отношение и почему он не рассматривает кибуцы как форму колониализма. «Да, в научной среде есть эта проблема», — сказал Гершон, — «Есть такая организация 'Североамериканская ассоциация изучения Ближнего Востока', членом которой я являлся. Я не продлил своего членства на после 31-го декабря, потому что они одобрили BDS».

Ситора спросила меня, был ли в Москве сильный антисемитизм, когда я там рос, и ощущал ли я его на себе. Я в свою очередь — сталкивается ли она здесь с национальной враждебностью, и она ответила: «Разные люди — друзья, знакомые, даже люди на улице — спрашивают меня, почему я не приму гиюр. Я ходила на курс об этом, было интересно, но это не для меня. Раввин сказал, что «арабы — наши братья, но мы — избранные», и мне это не понравилось. Религия не для меня, ни иудаизм, ни ислам; я считаю, что она разделяет людей».

Нетаньягу, по мнению Герсона, корыстный и беспринципный человек: «Сначала он резко критиковал Ословское соглашение, но потом сам стал вести переговоры с Арафатом, подписал соглашение в Уай Ривер и отдал Хеврон, такой важный город для еврейской истории. Он всегда изображает себя очень правым, но до сих пор после каждых выборов был готов вступить в коалицию с левыми. Говорят, что арабы на английском говорят одно, а на арабском совершенно другое, — так это именно то, что Биби сейчас делает! Биби на английском я не поддерживаю, но он не вызывает у меня беспокойства; Биби на иврите вызывает у меня беспокойство».

И о войне в Украине Гершон говорил: что реакция Израиля очень разочаровывает, что только Лapid осудил Россию, но гораздо меньше, чем мог бы и должен был бы, а Беннетт вообще молчал. «И, кажется, причин этому нет: у Турции, например, тоже общая граница с Сирией и свои заботы там, но она критиковала Россию гораздо больше, чем это делал Израиль. А сейчас большую часть российских вооружённых сил вывели из Сирии. Россия не является важным стратегическим партнёром Израиля, это не Америка, даже не Британия, не Франция и не Германия. Россия не голосует за Израиль в ООН. Но я думаю, что, может быть, Биби изменит эту политику в качестве торга с Америкой: для того, чтобы уговорить Америку сделать что-то для Израиля, может быть, он объединится с Америкой против России. В начале войны происходили ужасные вещи: Израиль принимал нееврейских беженцев из Украины только если они платили определённую сумму, которая им возвращалась при отъезде, — в качестве гарантии, что они уедут. Израиль установил лимит на число украинских беженцев в двадцать пять тысяч человек. Но их число никогда не достигло двадцати пяти тысяч, что естественно: зачем им бежать именно в Израиль? Естественно, большинство людей бежало в Чехию, Польшу, Германию. Сразу после начала войны группу украинских беженцев три дня продержали в аэропорту без еды, они спали на полу.

Гершон посетовал и ещё кое о чём — вопреки еврейской традиции многие израильтяне не читают книг, и когда Мири Регев заявила: «Кто такой Чехов? Я никогда не читала Чехова!» (что неправда, поскольку Чехов входит здесь в учебную программу старших классов в школе), она подыгрывала своему электорату. «А этот электорат в основном справа или на всем политическом спектре?» — спросил я. «В основном справа», — ответил Гершон...

29 ДЕКАБРЯ

Перед отъездом в аэропорт я встретился со Шмуликом. Он пришёл вместе со своим товарищем, и мы пару часов провели втроём. Шмулик подарил мне две книги Луцкого, его товарищ — два номера журнала «Ктав эт хатэатрон». Шмулик предложил организовать вечер в «Доме Шолом-Алейхема», чтобы мы вместе декламировали мои стихи.

Пока я ждал Шмулика, мне позвонила секретарша президента Герцога и спросила, смогу ли я поговорить с президентом по телефону в 4.30. Я ответил, что да, если только не буду в этот самый момент проходить через секьюрити в аэропорту. Президент позвонил, когда

я стоял в длинной очереди на регистрацию. Поговорили очень мило, президент сказал, что никогда не забудет, как я был у него дома и играл на его рояле, и попросил дать ему знать заранее о моём следующем визите в Израиль, чтобы он смог снова пригласить меня к себе в гости. Сказал ему, что у меня будет концерт в Тель-Авиве в следующем году, 28-го марта.

Пять с половиной дней в Израиле... Ну, лучше мало, чем ничего. Обязательно использую первую же возможность вернуться сюда просто так, без концертов, и очень надеюсь, что Кариночка сможет приехать со мной. Всё, что здесь хорошее, — моё, и всё, что здесь плохое, — моё. Будем надеяться, что новое правительство всё-таки не будет делать того, чего большинство израильтян не хочет. И абсолютно прав был Жаботинский, что мы «занимаем среди исторических наций если не первое место, то и не последнее».

Давид ГАЙ

МОЛЧАЛИВАЯ АГОНИЯ

Путин и народ — БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ

1

Война в Украине продолжается уже больше года и конца-края не видно. Агрессия России против соседней страны захлебнулась, но и о безоговорочной победе доблестных украинских воинов тоже говорить рано. Для такой победы необходимо в больших количествах современное оружие. Запад его поставляет, прежде всего, США, честь и хвала американцам, однако система американских самозапретов рухнет слишком медленно. Снято табу на поставки Patriot — но президент Байден подчёркивает, что это «оборонительное, а не эскалационное» вооружение. Сегодня пытаться избежать «эскалации» — значит расписываться в нежелании остановить геноцид и террор. Европа смотрит на Америку и тоже осторожничает, особенно Германия и Франция. В кошмарном сне некоторым лидерам Запада видится вовлечение в войну НАТО. Любой ценой стремятся не допустить этого. Цена же — кровь воинов-украинцев, чудовищные разрушения инфраструктуры, гибель тысяч мирных граждан, в том числе детей.

Возможно, одна из главных причин нерешительности западных союзников — укоренившиеся страхи по поводу «неуправляемого поражения» ядерной России, её распада и смуты...

А что же кремлёвский вурдалак? Приведу мнение Виталия Портникова, которого считаю лучшим украинским журналистом, аналитиком: *«Ошибаются те, кто считает, что Путин... в ужасе от того, что у него вот-вот завершатся ресурсы, что у него не хватит солдат и техники. Этот человек — если вообще можно назвать то, что мы видим перед собой на телевизионных экранах, человеком — ещё никогда не жил так хорошо, как сейчас. Потому что именно сейчас, спустя 23 года после прихода к власти, он занимается именно тем, что ему нравится больше всего, —*

систематическим уничтожением тех, кого ненавидит больше всего. А ненавидит он тех, кто ему не подчиняется».

Вот уже прошло больше года с 24 февраля, врезавшейся в память ожоговым тавро нарицательной даты, сравнимой с 22 июня, но политологи, аналитики, публицисты, простые люди разных стран не перестают задавать отнюдь не риторический вопрос: совершил бы кремлёвский правитель содеянное в Украине, если бы заранее знал, чем оно обернётся? «Чудовищно обманутый собственной интуицией» (цитирую фразу Владимира Богомолова о Сталине в июне 1941-го из знаменитого романа «Момент истины»), отдал бы Путин приказ перейти границы соседнего суверенного государства?

Портников считает: да, отдал бы приказ, даже если бы мог предвидеть крайне негативные последствия для России.

Многие, однако, могут с журналистом не согласиться.

Почему же российский диктатор решил положить конец мирной эпохе и толкнул нас всех к эпохе войны, которая может оказаться хуже всего, что мы когда-либо знали?

Наш разговор пойдёт о причинах и следствиях.

2

О нём написаны сотни статей на многих языках мира, десятки книг. Грешен и я — десять лет назад опубликовал в США на русском и английском роман «Террариум», а позднее — «Исчезновение». Да и в других своих текстах нет-нет и упоминаю ВВП. Много, легально изданное в России ранее, подвергнуто сейчас цензуре, изъято из обихода, ибо не вписывается в сияющий образ завоевателя новых земель, называемых теперь российскими.

Так кто же он такой, российский Дракон, ранее заслуживший от коллег-гэбистов обиднейшие и презрительные прозвища «моль» и «окурок»? Сумасшедший, маньяк или расчётливый, осторожный политик, знающий, с каким поразительным народом имеет дело, и потому умело потакающий инстинктам толпы? Безжалостный, начисто лишённый эмпатии, садист, растлитель душ, сумевший организовать невиданную пропагандистскую машину теле лжи, на протяжении многих лет сознательно зомбирующую податливое население? Или одержимый мессианской идеей воссоздания империи на обломках

отжившего Союза, без тени сомнения позволяющий сравнивать себя с Петром Великим? Этакий Яго: «Не могу не делать зло. Не могу не мучить, не уничтожать» — существо, которое причиняет другим боль, не имея при этом никакой другой цели. Или вкусивший сладкие плоды абсолютной власти и презирующий всех иных, включая западных президентов и премьеров, отчасти заслуживающих (скажем без обид) такое отношение?

Самопровозглашенный президент Беларуси Лукашенко назвал Путина и себя самыми токсичными людьми на планете. В каждой шутке, как известно, есть доля шутки...

Не берусь превратить вопросительные знаки в исчерпывающие точки. Да и кому это по силам... Лишь некоторые разрозненные мысли, коими хочу поделиться.

Начну с Карла Юнга. *«Там, где господствует любовь, отсутствует воля к власти, там, где первостепенно стремление к власти, любовь отсутствует. Одна не является тенью другого».* Российский Дракон не знал настоящей любви — изучая его жизнь, обретаю в этом ледяном предположении всё большую уверенность. Попадавшие на его пути женщины существовали как объект вожделения — не более.

Идём дальше. Некоторые высказывания ВВП напоминают фантазмагорию «Повелителя мух» Голдинга. Дракон ведёт себя как 14-летний, слушающие его ржут как 11-летние. Вменяемый человек, допустим, сказал бы: «Вы ударите первыми, мы ответим, и все попадут в ад». Фраза взрослого. А он говорит: «Вы ударите, мы ответим, вы попадёте в ад, а мы — в рай». Разве не диагноз?!

Приведу анализ калифорнийского профессора Фэллоуна, написавшего ставшую бестселлером работу «Психопат изнутри». Относительно недавно он выступил в Нью-Йорке с докладом «Внутри путинского мозга». *«У диктаторов и закоренелых преступников немало сходных черт: нарциссизм, словоохотливость, определённое обаяние, великолепная память, безудержная лживость, коварство, садизм... Им неведомо чувство вины. Гиперсексуальность или, наоборот, асексуальность (Гитлер). Нарцисс с преувеличенным представлением о собственной персоне и собственной избранности верит, что осуществляет некую Миссию. Человек может быть нарциссом и не страдать расстройством личности. Путин не страдает таким расстройством, но у него много нарциссических черт характера, и при этом он прекрасно отдаёт отчёт в своих действиях. И уверен, что аморализм и бессердечность абсолютно нормальны и приемлемы. Он не психопат, а социопат, то есть по-*

лучивший психическую травму в очень раннем детстве, до десяти лет. Возможно, его избивали, унижали, издевались над ним, и он озлобился на весь мир. В каком-то смысле ему на всё наплевать. «Будет так, как я хочу, и вам придётся с этим смириться».

Итак, начнём с истоков. С детства ВВП. Попытаемся расшифровать то, на что намекал профессор Фэллоун.

«Жизнь надо прожить так, чтобы даже гробовщик плакал у твоего гроба (Марк Твен)». Российский диктатор заслужил только проклятия и пожелания поскорее уйти на тот свет, оказавшись в аду. Тут уместно вспомнить, что биография его соткана из лжи, недомолвок, подтасовок. Прежде всего, касается это первых девяти детских лет. В метрике его не значилось имя отца, стоял прочерк. Незаконнорождённый, Володя был произведён на свет божий Верой Путиной от Платона Привалова, скрывшего от неё, что женат. Произошло это в 1950-м, так что ВВП сегодня 72, а не 70.

В 2000-м году под видеозапись грузинским журналистам Вера Николаевна Путина рассказала следующее:

Происхождением я с Урала. Город Агора Пермской области. Там же получила образование в техникуме. Во время учёбы я познакомилась с одним парнем. От него в 1950 году я родила Вову. Его отца я даже не хочу вспоминать. Он меня обманул. Я уже была беременна, когда узнала, что у него есть семья. Я сразу же ушла от него. Целый год Вову фактически растили мои родители.

Потом, когда была на практике в Ташкенте, я познакомилась с моим нынешним мужем Георгием Осепашвили. Он был в армии тогда. Когда я вышла за него замуж, мы переехали в село Метехи примерно в ста километрах от Тбилиси, и через некоторое время моя мать привезла Вову сюда. Тогда ему было три года.

У нас пошли собственные дети. Муж был недоволен, что Вова находится здесь. Бить он его не бил, просто не хотел, чтобы Вова находился здесь, — кто хочет чужого ребёнка! Один раз сестра мужа даже тайком от меня отдала Вову какому-то бездетному майору. Я его еле отыскала и вернула обратно.

Пришлось отвезти Вову к моим родителям, которые хотели, чтобы я сохранила свою новую семью. Фактически получилось, что я поменяла Вову на девочек. (Всего у Веры Николаевны четверо дочерей и один сын, не считая Володи — Д.Г.) После этого я больше не

видела Вову, хотя постоянно искала его и спрашивала у родителей, где он. Никто ничего мне не хотел говорить. Позже я узнала, что Вова, уже будучи в КГБ, запретил всем говорить мне, где он находится.

...Ко мне приезжали люди из «органов», забрали все мои семейные фотографии и сказали, чтобы я никому не говорила о Вове.

...Бабушка и дедушка Володи, в свою очередь, почти сразу передали его своему бездетному родственнику Владимиру Спиридоновичу Путину, который увёз его в Ленинград и усыновил будущего президента России. Вере Николаевне сказали, что сына отдали в интернат.

Два слова о родословной будущего президента. Дед Спиридон Иванович трудился поваром в Горках, готовил еду для Надежды Крупской, Марии и Дмитрия Ульяновых. Потом он стал старшим поваром пансионата Московского горкома партии. Сын его, приёмный отец Володи, малообразованный, интеллектуально убогий, яркий сталинист, сначала воевал в составе диверсионного отряда НКВД, потом в стрелковом полку, оборонял Невский пяточок, был ранен. Это — по официальной версии — хотя существовала и неофициальная, связанная якобы с его предательством и службой во власовской армии (этому нет серьёзных подтверждений). По окончании войны он работал во вневедомственной охране одного из заводов, там поднялся по партийной линии.

Важна характеристика, данная приёмному отцу сыном: «Отец в принципе мною не занимался». По свидетельству знавших Володю в детстве, Владимир Спиридонович часто поколачивал сына... Жизнь будущего президента проходила во дворе.

«Жить во дворе и в нём воспитываться — это всё равно, что жить в джунглях. Очень похоже. Очень! Уличная жизнь сама по себе очень вольная. Совсем как в фильме «Генералы песчаных карьеров». У нас было то же самое. Разница была, наверное, только в погодных условиях. В «Генералах» было теплее, и там ребята собирались на пляже. Но в остальном, что у них, что у нас — абсолютно одинаково» (О.Блоцкий. «Владимир Путин. История жизни». 2002 г.).

Занятое признание. Россию возглавляет человек, воспитанный по закону джунглей. Т.е. признающий только силу и личные эгоистические интересы.

Книга Блоцкого ныне выведена из оборота, по сути, запрещена.

В плане образования годы обучения в местной грузинской школе оказались потраченными впустую. В Ленинграде вместо четвёртого класса Володя, которому через месяц с небольшим исполнялось 10 лет, 1 сентября 1960 года пошёл в первый класс. Именно тогда пришлось изменить год его рождения в метрике — с 1950-го на 1952-й. С этого момента и ведёт отсчёт официальная биография президента России.

Добавлю, что 9 марта 2000-го при взлёте из Шереметьева рухнул самолёт ЯК-40 и погибли находившиеся на борту главный редактор популярного издания «Совершенно секретно» Артём Боровик и его друг, чеченский бизнесмен Бажаев. Это была спланированная и осуществлённая сотрудниками ФСБ акция. Было известно, что Боровик подготовил скандальную публикацию материалов, связанных с тайнами детских лет Путина, выбиравшегося в президенты и скрывавшего эти факты. Статья тем не менее появилась в «Сов.секретно» в апреле под заголовком «Генацвале Путин».

Такая история... Многое, если не всё, закладывается в человеке в раннем детстве. Американские психологи, изучавшие особенности личности Путина, признали его социопатом. Разовью сказанное выше: такую личность характеризует бессердечное равнодушие к чувствам других. Грубая и стойкая позиция безответственности и пренебрежения социальными правилами и обязанностями. Неспособность испытывать чувство вины. Выраженная склонность обвинять окружающих или выдвигать благовидные объяснения своему поведению, приводящему субъекта к конфликту с обществом. Кроме того, социопаты мастера вводить в заблуждение, приукрашивать правду или попросту врать, чтобы добиться своего, а некоторые проявляют себя прямо-таки патологическими лжецами. Такие люди часто убеждены, что превосходят окружающих, а многим из них необходимо постоянное ощущение риска, вызова, конфликта, чтобы поддерживать чувство противостояния миру.

Отринутый, одинокий, недолюбленный, в ранние годы по-настоящему не знавший материнской ласки и отцовского воспитания — таким рос остервенелый крысеныш, тот, кто повинен в чудовищных преступлениях, кто грозит миру ядерным Апокалипсисом.

Вовсе не собираюсь заниматься путинским «поминальником»: родился, учился, женился и пр. Всё более-менее описано, хотя и наврано с три короба, но суть не в этом — касаться этого противно, мерзко. Будто в дерьме копаюсь... Тем не менее, не могу упустить некоторые важ-

ные подробности. Ну, например, как юный пионер Вова Путин казнил утку.

Написала об этом достойном эпизоде дуреха-училка с еврейской фамилией. Дуболомы в издательстве не заметили, пропустили. Понятно, воспоминания потом «закрыли». Я же обнаружил, собирая материалы для романа «Террариум».

Уток всем классом вырастили летом на предмет пополнения пищевого рациона. Пришло время забить одну из уток. Все отказывались рубить голову бедняжке. Чтобы не так печально всё выглядело, ребята разыграли сценку. Устроили суд над уткой, обвинив её в том, что, дескать, дерзко нарушала правила жизни: ела больше всех, уплывала дальше, чем положено, позже всех засыпала. Привязали бедняжку за шею, и один из ребят с грустными причитаниями потащил виновницу к плахе — ею было обыкновенное бревно. На палача накинули красное одеяло. Во время процессии к плахе несчастную с «плачем» сопровождали желающие. Слабонервные, вроде меня, удалились от места казни подальше... Доля палача выпала на мальчика, который категорически отказался: «Делайте со мной что хотите, но я рубить голову не буду, не умею и не хочу». На помощь пришёл Володя Путин, накинул на себя одеяло, сказал: «Введите несчастную, положите её так, чтобы я мог одним ударом отсечь ей голову»...

Всё начиналось с уток...

3

Своей политической карьерой и начальным обогащением ВВП обязан первому мэру Петербурга Анатолию Собчаку. В 1990 году подполковник КГБ при непонятных обстоятельствах стал членом команды председателя Ленсовета, а позднее мэра города на Неве Собчака, возглавил комитет по внешним связям мэрии, а в 1997 году помог своему покровителю бежать за границу.

Он вытащил счастливый билет — не будь такого тандема, не видать Кремля подполковнику как своих ушей. Слышавший истинным демократом (так ли это — большой вопрос), мэр как бы бросал отсвет своей незаурядной личности на помощника. А тот не терялся, пользуясь моментом и благорасположением шефа.

Широко известно о связях, которые он завёл с героями «бандитско-го Петербурга», махинациях вокруг продажи сырья за границу, приватизации порта, процветавшей в городе наркоторговле.

...Вот уже 20 с лишним лет путинская пропаганда излагает историю этого знакомства одинаково. В апреле 1990 года Собчак выбрали депутатом Ленсовета. Он набирал штат помощников и вдруг очень захотел, чтобы его помощником стал Путин. Вот просто захотел, и всё. При этом заметьте: Путина он едва знал, их сводили какие-то общие знакомые, имена которых не раскрываются.

Собчак якобы не ведал, что Путин — чекист, а когда узнал,отреагировал матом: «Да и х.. с ним!» (как вспоминал сам Путин в автобиографии «От первого лица», 2000).

Собчак на тот момент был публичным политиком, оппозиционером, ему предстояло работать в органах управления городом. А Путин не имел никакого отношения ни к политике, ни к оппозиции, ни к городскому хозяйству. Он только вернулся из Дрездена и тихо сидел в ректорате ЛГУ подкрышником от КГБ.

Таинственные «общие знакомые», которые их свели, — это, надо полагать, товарищи «оттуда».

Ещё в 90-е годы появились публикации о том, что Собчак был осведомителем спецслужб. Писала об этом и питерская пресса в 90-е. Например, газета «Новый Петербург» в декабре 1998 года. Это была нашумевшая статья, что профессор Собчак, работая в ЛГУ, был осведомителем. И якобы Путин, когда в начале 1990 года пришёл работать в ЛГУ, получил доступ к личным делам агентуры среди студентов и преподавателей. Поэтому Собчак и сделал его своим помощником: стукач позвал на работу своего же куратора.

История их дальнейших взаимоотношений полна «загадок», напоминающих секреты Полишинеля. Я имею в виду спасение Собчака, его возвращение из Парижа и странную смерть перед выборами Путина президентом. Удивительно, что на подоплёку всего этого никто не обратил внимания. Или не захотел обратить.

ВВП действительно помог бывшему шефу бежать во Францию, дабы избежать ареста по подозрению в коррупции. В Пулковое разыгрался чистый детектив. Описывать не стану — всё известно в деталях. Важно понять, для чего 7 ноября 1997-го ВВП организовал рискованную операцию «Спасение». Твёрдо убеждён: он не мог допустить, чтобы Собчак попал в руки генпрокурора Скуратова. Можно не сомневаться: при

допросах «с пристрастием» Анатолий Александрович выложил бы на блюдечке всё, что знал о махинациях ВВП и его дружков. А он знал много чего. И хана Путину!.. Спасая шефа, ВВП прежде всего спасал себя.

Возвращение Собчака на родину произошло 12 июля 1999-го. Он выглядел вполне здоровым, хотя считался сердечником (при вскрытии на его сердечной мышце не обнаружили ни одного рубца, как бывает при инфарктах), вёл активный образ жизни. Стал доверенным лицом Путина, ездил по стране, агитируя за него, когда тот баллотировался в президенты России. Собчаку прочили как минимум должность генерального прокурора.

Кстати, любопытно вспомнить, что демократ Собчак в разные годы говорил об Украине. Он, например, пугал, что армия независимой республики представляет угрозу для человечества и она её обязательно пустит в ход, а принадлежность Крымского полуострова Украине назвал «нелепостью». Вот так-то!

19 февраля 2000-го Анатолий Александрович скончался в Светлогорске Калининградской области, как утверждала медэкспертиза, от острой сердечной недостаточности. И тут же поползли слухи — дескать, умер на девушке, был сильно пьян, принимал виагру...Одновременно заговорили об убийстве.

Я — принципиальный противник конспирологии, теории заговоров. И однако большие сомнения по части причины смерти бывшего мэра Санкт-Петербурга остаются. Слишком много в этом деле нестыковок. Два раза делали вскрытие. Данные экспертиз частично скрывали. Последними у него в гостиничном номере были Шабтай Калманович и Андрей Бурлаков, два друга-мафиози, которых потом самих убили в разборках. Это добавляло интриги в ситуацию.

Если предположить, что его убили, мотив мог быть только один: Собчак слишком много знал, при этом был крайне амбициозен и не сдержан на язык. Кто-то счёл, что это неуправляемый и нежелательный свидетель. Кто мог так считать? Надеюсь, понятно...

4

Как всё-таки ВВП стал президентом? Почему выбор так и не оклемавшегося после операции на сердце Ельцина в конечном итоге пал именно на него? Не стану повторять общеизвестное: спешествовала этому назначению семья Бориса Николаевича: дочка

Таня и её муж Валентин Юмашев, пару лет работавший руководителем Администрации президента, некоторые другие влиятельные персоны, скажем, Александр Волошин, сменивший Юмашева на посту главы Администрации, Анатолий Чубайс, Роман Абрамович. Дочка и зять пеклись только о себе, о своей безопасности после ухода отца и тестя со сцены, они хотели гарантий безбедной спокойной жизни, и они получили их от ВВП. Слово своё он сдержал.

Меня в этой ситуации интересует лишь один момент: отношение Ельцина к КГБ. Он, всерьёз размышлявший о преемнике в лице реального демократа Бориса Немцова, согласился на фигуру невзрачного по всем параметрам Путина, будучи прекрасно осведомлён о его чекистском прошлом (настоящем). Неужто ничто не дрогнуло внутри, не ёкнуло подновлённое сердечко, не подсказало — от выкормышей Лубянки надо держаться подальше и уж тем более не доверять им страну. Не дрогнуло, не ёкнуло, не подсказало. А если и возникали сомнения, то быстро развеивались Таней, Валей и пр.

У Бориса Николаевича, стихийного демократа, но плоть от плоти советской Системы, не было органического неприятия «органов», стойкого иммунитета от КГБ. В этом всё дело. В Кремле его окружало немало людей «оттуда», один Коржаков, руководитель Службы безопасности, чего стоил...

Вспомним. В августе 1991-го многие думали, что у Лубянки нет шансов. Люди в массе своей начали избавляться от леденящего страха. По свидетельству надёжных источников, сотрудники спецслужб были объаты паникой, готовы были сдать с потрохами друг друга и бесценные архивы. Но... Штурма и захвата Лубянки не произошло. Всё ограничилось ритуальным демонтажем статуи «железного Феликса». КГБ выжил. Началось лишь его «реформирование».

Президент «свободной России» принимал в этом процессе самое деятельное участие. А как иначе?! По его распоряжениям «органы» прошли череду реорганизаций и ребрендингов и сумели показать новой власти нужность и полезность в грядущей борьбе с политическими оппонентами. Ельцина это вполне устраивало. У руля преступной организации по-прежнему находились мастодонты советской эпохи со своим менталитетом. Молодых офицеров, юристов, либерально мыслящих людей к руководству не подпускали (Вадим Бакатин не в счёт, да и рулил он Лубянкой в 1991-м считанные месяцы. Позже Ельцин в оправдание себе писал в мемуарах, что целью назначения

было избавление от КГБ как органа запугивания и подавления. Кто ему поверит? И если, допустим, это были благие намерения, то хорошо известно, куда ими вымощена дорога...).

КГБ лишь менял названия, дойдя до ФСБ. Набирал обороты процесс чекистской «реконкисты».

Таким образом, предпосылки для путинизма создавались самим Ельциным ещё в 90-х.

5

Итак, ВВП волей обстоятельств и чудовищного везения возглавил страну.

Дабы избежать пространных описаний, упомяну лишь ключевые моменты становления и укрепления его неограниченной власти. Взрывы домов в нескольких городах и гибель сотен жителей (чекистская операция, Путин — уже премьер, только что пересел из кресла шефа ФСБ). Вторая чеченская война. Разгром телекомпании НТВ, арест и посадка Ходорковского в назидание другим олигархам. Норд-Ост и Беслан. Политические убийства: Щекочихин, Юшенков, Литвиненко, Политковская, Эстемирова, Магнитский, Березовский, Немцов, а в последнее время — отравления Навального, Кара-Мурзы, Скрипалей... Некоторых (Немцова) убивают по прямому указанию ВВП, некоторых — при согласии президента «убрать».

Вначале пробовал на зуб, как, скажем, отреагирует общество на разгром НТВ, на арест Ходорковского. И остался вполне удовлетворён — никак не отреагировало, во всяком случае, серьёзных протестов не было, а арест олигарха многие даже поддержали. И вошёл ВВП во вкус...

Ради справедливости, отмечу: не всё было так мрачно. Во время первого путинского срока были проведены налоговая и прогрессивная пенсионная реформы, принят Земельный кодекс, резко снизились барьеры для открытия и ведения бизнеса, началась реформа госслужбы, были активизированы переговоры по вступлению России в ВТО. Это привело к резкому ускорению экономического роста, притоку иностранных инвестиций и укреплению рубля.

Второй срок существенно отличался от первого — большинство реформ было остановлено. Более того, началось огосударствление экономики. Существенные реформы продолжались только в макро-

экономике и финансовой сфере. Тем не менее, снижение инфляции и введение страхования вкладов создали новые возможности для развития финансового сектора, роста корпоративного и розничного кредитования. Макроэкономическая стабильность и присвоение инвестиционных рейтингов привели к резкому росту и иностранных инвестиций.

За 10 лет (1999–2008 гг.) российский ВВП в расчёте на душу населения вырос ровно в 2 раза. Ну и помог резкий рост мировых цен на нефть. По разным оценкам, почти восьмикратное повышение цен на нефть с 1998 по 2008 г. (когда они выросли с \$13 до \$97 за баррель в среднегодовом выражении!) объясняет от трети до половины российских темпов роста в первом путинском десятилетии.

ВВП обрёл большую популярность, ярых сторонников. То, что власть в стране захватили представители чекистской организованной преступной группировки, мало кого волновало. Успешно действовал негласный договор с народом: мы вам даём жить, а вы не вмешиваетесь в наши дела...

Золотой петушок на Спасской башне Кремля спокойно дремал, ниоткуда никакой опасности. И изредка кукарекал: «Кири-ку-ку, царствуй лёжа на боку!» Казалось, что ещё надобно властителю? Можно расслабиться.

Не тут-то было.

Мы переходим к главной части нашего повествования.

6

Летом прошлого года в Америке вышел мой новый роман «Упакованная луна». Вот краткая аннотация. В Нью-Йорке умирает старый писатель-иммигрант. Остаются три чемодана его архива. Волей обстоятельств архив попадает к внуку Кириллу, выпускнику Гарварда, свободно говорящему и читающему по-русски. Разбирая бумаги и фотографии, внук как бы примеряет на себя жизнь деда. Перед ним предстаёт яркая человеческая судьба — с закавыками, находками, потерями, страданиями, любовью, изменами, горестями, утратами, обретениями. Органичным образом в канву повествования, ведущегося от имени внука, вписывается война в Украине: он вовлечён в события, вызванные агрессией России...

Да не посетуют на меня читатели, если я приведу фрагмент романа. Для пояснения. Внук приезжает в Москву и в беседке дома близкого друга деда — Генриха — устраивает нечто вроде поминок, на которые приходит несколько людей, хорошо знавших деда. Происходит это за полгода до агрессии России.

— *Покажите мне такую страну, где славят тирана, где победу в войне над собой отмечает народ. Покажите мне такую страну, где каждый — обманут, где назад означает вперёд, и наоборот... Сегодня Тальков в кутузке сидел бы. А тридцать лет назад пели и на что-то надеялись, — дядя Генрих усмехнулся. И внезапно, будто резким ударом топора полено разрубил: — Будет война или пронесёт?*

Я вздрогнул. Прозвучало диссонансом — только что о народе расуждали и вдруг война...

— *С кем? С НАТО?*

— *Нет, Лёня, кишка тонка, — ответил дядя Генрих.*

— *Тогда с кем? — спросил Пётр.*

— *Не знаю. Боюсь даже помыслить вслух.*

— *А ты не бойся, — голос оживившегося, поддатого бородача Петра зазвучал натянутой струной. — Что у нас межеумки по «яцику» талдычат ежевечерне? На дрисст похожие трели Соловьинные, истерики Сукабеевой?*

— *Ух ты, здорово переделал..., — восхитилась Алла Владимировна. — Скабеева-Сукабеева... Точно...*

— *Я программы эти игнорирую, — парировал дядя Генрих.*

— *И правильно поступаешь. Однако они существуют и мозги компостируют народным массам. С бандеровцами, нациками, укрофашистами война готовится, большая и кровавая.*

— *Да где их найдут? Нет их в Украине, ну, может, единицы.*

— *Никого, Лёня, искать не надо. Объявят врагами соседей — и баста.*

— *Не верю в войну, тем более с братским народом. Путин же постоянно твердит: «Мы — единый народ», — Алла Владимировна категорично.*

Нина поддержала: какая война, опамятуйтесь!

— *Вы, братцы, вернее, сестрицы, ошибаетесь. Со своим народом воевать легче, бесчинства творить безнаказанно, — гнул своё Пётр. — Читайте и слушайте вождя, он слов на ветер не бросает. Большинство аналитиков полагает: это он для куражу, для*

острастки, внаглую Запад шантажирует, атомной елдой трясёт, извините, дамы. А я вурдалака всерьёз воспринимаю. Он — может. Может — понимаете?! Поскольку безумец особой масти, обуреваемый имперской идеей. Идея такая в воспалённом мозгу — штука страшная.

— Пора отбросить все идеи — их выдумали прохиндеи...

— Во-во, Лёня, замечательные строки ты привёл. Он — не прохиндей, то есть, и это тоже, реально же — ничтожество, уёбище, моль, примитив и внутренне, и внешне, дед твой, — повернувшись к Кириллу, — замечательный портрет нарисовал в романе; ну, захотелось стать не молью, а Драконом, великим, крутым судьбоносцем, чтоб весь мир у его ног... Нырание за амфорами, погружение в батискафе, полёт со стерхами — ерунда, для Дракона мало, мелко, надобно более солидное, внушительное — и родилась идея воссоздания утраченной империи. Восстановление территорий исторической России в границах бывшего Совка до 1991-го. Собственно, идея эта давно его шалую голову отягощала, но теперь следует попробовать осуществить практически и обосновать теоретически. Отсюда интерес к истории, начинает читать Ильина, заимствовать солженицынские шовинистические взгляды, подпитываться дугинскими мыслями... Тексты исторические из-под пера вождя — бредятина, что может создать необразованный гэбэшник, но, как ему кажется, — доказательства величия страны и гарантия личного властвования. Он же трус чудовищный, смертельно боится утратить власть.

— Восстановить исторические границы — это же, извини, фантазии, иллюзии, притом весьма опасные. Как он собирается отвоёвывать пространство — огнём и мечом? Со всеми соседями разом бороться?

— Уважаемый Генрих, кто сказал, что разом? По очереди, постепенно. Начнёт с неньки, помяните моё слово. Украина у него в печёночках сидит. Умный человек сказал: сердце русского шовиниста бьётся в Киеве — и я с ним солидарен. Война на носу. Даже если не уходит глубоко в историю, а остаться на уровне сухих фактов. После распада Советского Союза — делёжка флота, делёжка вооружения, отказ Украины от ядерных бомб, и в итоге Будапештский меморандум, или, попросту, обман. Далее — продолжение газовых войн, Майдан, резко ухудшение отношений. Потом «мюнхенская» речь Путина. Далее — Грузия, задавленная силой. А Украина как бельмо на хищном глазу путинском. Последний очаг сопротивления. Война, по-

вторю, неизбежна, захват Крыма и Донбасса был только началом. И способы завоевания известны, прежним опытом апробированы: оккупационный режим и массовый террор.

— Вас, по-моему, крепко заносит, — не выдержала Нина. — Массовый террор в отношении братского народа — это... это..., — не нашла слов.

— Вынужден повторить: именно потому, что мы — братья, единый, как считает вождь, народ, именно поэтому с ним можно не церемониться. Как к собственному народу правители советские относились, общеизвестно. Украинцев то же самое ждёт, если не хуже.

— И кто же будет этот самый террор осуществлять? Солдаты-контрактники, за деньги воюющие? Обыкновенные простые русские парни? Станут легко выполнять приказы командиров? — загорячилась Нина.

— Поймите же, наконец: мы, вроде интеллигенты, нормальные люди, живём в иллюзиях, как заклинание, произносим: демократия, права человека, в стране же нашей запущенной, нищей люди в массе своей плевать хотели на эти права и прочее. Они-то и есть подлинные русские, в отличие от нас — прекраснодушных дураков. Прикажут — и пойдут убивать, мало не покажется.

...Никто, кроме Петра, в итоге спора не признал возможность новой большой войны, и я в том числе (мой слабый голос потонул в хоре несогласных).

7

Пытаясь очертить эволюцию взглядов ВВП, отмечу: Путин 2007-го, произнёсший на конференции в Мюнхене эпатазирующую, антизападную, антиамериканскую, абсолютно имперскую речь, обнажившую его нутро и скрытые планы, — это не Путин, скажем, 2002-го. Тогда он, по-видимому, и понятия не имел, кто такой Ильин. И не угнетали его сумеречный мозг заполненные мысли о воссоздании империи на обломках СССР. Может, и слегка задумывался над этим, но не более... Зато в том же 2007-м прочитал запоем и сделал настольной книгу некоего Михаила Юрьева «Третья империя». В чистом виде футуристический бред, ласкающий слух российского милитариста.

А в воинственной головушке уже копошились откровения Ильина...

Кто подsunул ему работы философа, неизвестно. Мне, по крайней мере. Он как-то признался: «Я читаю Ильина, да, книжка лежит у меня

на полочке, время от времени читаю... Это всё люди, которые думали о России, о её будущем». А я добавлю от себя: это человек, который приветствовал и Муссолини, и Гитлера.

Вот несколько цитат Ивана Ильина на этот счёт:

«Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе. Пока Муссолини ведёт Италию, а Гитлер ведёт Германию — европейской культуре даётся отсрочка... В Германии произошёл законный переворот. Германцам удалось выйти из демократического тупика, не нарушая конституции... Демократы не смеют называть Гитлера «узурпатором»; это будет явная ложь. Сторонники правопорядка должны прежде всего отметить стремительное падение кривой политических убийств во всей стране. Сторонники буржуазно-хозяйственной прочности должны вдуматься в твёрдые курсы и оживлённые сделки на бирже...» (1933).

«Фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма — это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах: в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в древнем Риме, так бывало в новой Европе, так будет и впредь». (1948).

«Белое рыцарственное движение впервые появилось в 1917 году в России, а затем распространилось по миру, как ответ на угрозу коммунистических революций. Фашизм является итальянской светской вариацией белого движения».

Высказывался Ильин неоднократно и о России. Вот, к примеру:

«Все без исключения войны, которые вели русские, были оборонительными. Россия — всегда жертва «континентальной блокады» со стороны Европы. Россия не делает ничего дурного. Зло — лишь то, что делают России. Факты не имеют значения»...

Читаешь и диву даёшься: на основании каких фактов сделал философ такой вывод? Впрочем, факты не имеют значения...

Кто же такой любимый мыслитель ВВП?

Он был выслан из СССР на первом «философском пароходе» 29 сентября 1922 года. Посадочный талон вместо расстрела ему выписал лично Ленин: «Нельзя! Он же автор лучшей книги о Гегеле!».

Для того, чтобы стать убеждённым монархистом и философом патриотического толка, у Ильина были все необходимые условия: он родился в Москве, в семье губернского секретаря и присяжного поверенного Александра Ильина, крестника императора Александра II. К тому же его мать, русская немка Каролина Луиза, «снабдила» его половинкой иноземного происхождения, часто способствующего острому ощущению патриотизма. И всё-таки к своему мировоззрению он пришёл самостоятельно.

В студенческие годы Ильин был, по воспоминаниям современников, «русским немцем»: больше всего его интересовала немецкая классическая философия — труды Канта, Шеллинга, Гегеля, которые он свободно читал в оригинале. Позднее именно философия Гегеля стала объектом его магистерской диссертации, замеченной Лениным и спасшей ему жизнь. Но пока до этого ещё было далеко.

Как и большинство студентов, в 1905 году Ильин страстно сочувствовал революционным идеям, и так же, как большинство, в 1906-м полностью разочаровался «в этой ерунде», вернувшись к академической работе. Закончив учёбу, Ильин, как лучший студент, остался при Университете «готовиться к профессорскому званию» и стал преподавать на Высших женских курсах, где познакомился со своей будущей женой Наталией Вокач. Вскоре они обвенчались. Собственно, этим «личная жизнь» Ильина исчерпывается — в его биографии больше не было ни романов, ни глубоких привязанностей, и даже детей он после себя не оставил. Всё его дальнейшее существование было посвящено политике и философии.

Переворот в мировоззрении Ильина, видимо, произошёл в 1914 году, с началом Мировой войны. Надо думать, острое ощущение внутреннего раскола, которое неминуемо должно было в нём возникнуть из-за столкновения «двух родин» (в Германии Ильин перед войной провёл несколько лет в научной командировке, слушая и читая лекции в университетах Гейдельберга, Фрейбурга, Берлина и Гёттингена), требовало

выбора и ясности. Ильин решительно выбрал Россию, ещё не подзревая, что немалую часть оставшейся жизни ему суждено провести именно в Германии. Он ненавидел и «бюргеровское» устройство жизни немцев, и «бюргеровскую» половину в себе. Всё это с двойной силой толкало к идеализации России, к идее «избранности» русского народа, которая была высказана уже в 1914 году в патриотической статье с характерным названием «Духовный смысл войны».

С этого момента и до самой смерти Ильин оставался бессменным борцом и идеологом «правого дела», убеждённым противником любых форм либерального мироустройства.

Правая философская мысль в России — это лабиринт, населённый чудовищами, которые всюду видят врагов и к тому же постоянно сталкиваются друг с другом. Но у этого лабиринта нет крыши, над ним — голубое небо и образ «небесной России», к которому монстры время от времени поднимают тоскующие окровавленные морды.

Подобная картина описана в страшноватой «Розе мира» Даниила Андреева, и это не вполне метафора. Когда абстрактные и мистические идеи переносятся на почву государственного строительства, проливается кровь. Ильин сам дважды был тому свидетелем — в СССР и в фашистской Германии. Но столкновение идей всегда интересовало его больше, чем частная человеческая жизнь.

Сделавшись профессором Русского научного института в Берлине, он вскоре выпустил ряд философско-публицистических работ, в которых идея избранности русского народа неожиданным образом трактовалась в контексте христианства. Согласно Ильину, заповедь о любви к своему ближнему не может и не должна распространяться на врагов христианства, к которым он в первую очередь причислял большевиков. Русский народ, обманутый большевистской идеей, должен вернуться к своей изначальной, «чистой» природе, и ради этого можно и нужно пролить кровь. Книга «О сопротивлении злу силою» (явно полемизирующая даже в своём заглавии с пацифизмом Толстого), изданная им в 1925 году, рассматривала этот вопрос с философской точки зрения, и в ней Ильин приходил к убедительному для себя выводу, что «вражда ко злу не есть зло».

Бердяев, прочитав этот труд, пришёл в ужас — и немедленно написал критическую статью «Кошмар злого добра», но автора это мало заботило, ведь он давно вышел на тропу непримиримой войны. Вскоре Ильин стал одним из главных идеологов Белого движения, а в 1927 году начал издавать журнал «Русский Колокол», в третьем но-

мере которого (за 1928 год) была опубликована его статья «О русском фашизме».

Ильин был крайне раздосадован, что идеи фашизма родились не в России, а в Италии, у Муссолини. Впрочем, и немецкий вариант фашизма он поначалу воспринял с энтузиазмом, тем более это была явственно выраженная антибольшевистская сила. Сразу после прихода Гитлера к власти он разразился статьёй «Национал-социализм. Новый дух», в которой выступил в поддержку нового режима: *«То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот... Сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведёт Италию, а Гитлер ведёт Германию — европейской культуре даётся отсрочка...»*

До 1937 года он продолжал читать лекции в столице Рейха (в основном рассказывая об опасности большевизма). Его деятельность получила высокую оценку со стороны главы гестапо Рудольфа Дильса, но в Берлине Ильин, как и многие немецкие интеллектуалы, всё-таки решил надолго не задерживаться: перед началом войны философ предпочёл переехать в безопасную Швейцарию, где не было ни красного, ни коричневого цвета.

Уже в 1948 году, за шесть лет до смерти, когда люди обычно начинают невольно думать о душе, из-под пера Ильина выходили удивительные строки: «Итальянский фашизм выговорил по-своему, по-римски то, чем искони стояла и строилась Русь: идею Мономаха и Сергия Радонежского, идею русского миссионерства и русской колонизации, идею Минина и Пожарского, идею закрепощения сословий, идею Петра Великого и Суворова, идею русской армии и белого движения».

«Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко ещё не изжитое. В нём есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их...» — писал он, когда слегка «ошибшиися» Германия и Италия лежали в развалинах.

Впрочем, в развалинах лежали и Россия, и почти вся остальная Европа, так что никому не было дела до частного мнения какого-то русского иммигранта, пусть и неплохого специалиста в области немецкой философии.

Но спустя полвека всё изменилось.

Ильина выкопали из могилы (в буквальном смысле этого слова), и прах его был перевезён с швейцарского кладбища в некрополь Донского монастыря. Об этом особенно заботилась Патриархия, видевшая в философе «своего» христианина-государственника, толкователя православной традиции в пользу сакрального значения власти. Поэтому для него и ещё одного «возвращённого» изгнанника, писателя Ивана Шмелёва (который, кстати, мечтал о победе Гитлера над Россией), предоставили места в главном капище страны.

Всего этого даже близко не произошло бы без Путина, который увлёкся отечественной философией. Это было тогда сенсацией: подумать только, у нас — президент, который читает и обсуждает философские книги! В «хорошие» годы Путин почти в каждую речь вворачивал по одной-две цитаты из отечественных мыслителей и историков, в том числе и из Ивана Ильина, которым явно интересовался.

На всякий случай президент, помимо самого праха Ильина, распорядился выкупить в США и привезти весь его архив, так сказать «бумажный прах» мыслей. Узнав об этом, журналисты и политологи твёрдо уверились, что именно работы Ильина лягут в основу новой русской идеологии, которую Путин вынашивал в себе, как курица золотое яйцо.

Скорее всего, он внимательно прочитал лишь книгу «Наши задачи» и небольшую работу Ильина «Что сулит миру расчленение России» (которую даже, по его утверждениям, несколько раз перечитывал). И правда, зачем больше? Там всё сказано просто и прямо: и про мировую «закулису», и про спасительный для России фашизм, который, как известно, Муссолини выводил из латинского слова *fascis* (единая связка прутьев, которые легко переломать поодиночке, но которые крепки в своём единстве). «Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия... Они собираются разделить всеединый российский «веник» на «прутики», переломать эти прутки поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации», — писал Ильин в 1948 году.

В 2018 году американский историк Тимоти Снайдер опубликовал книгу «Дорога к несвободе», где исследовал влияние философа на мировоззрение Путина. процитирую важный пассаж автора: «Русская культура, писал Ильин, автоматически порождает «братское единение» везде, где бы ни распространилась власть русских. Ильин брал слово «украинцы» в кавычки, поскольку отрицал их самостоятельное, вне российского организма, существование. Рассуждать об Украине — озна-

чает быть заклтым врагом России. Ильин считал само собой разумеющимся, что Украина окажется и в составе постсоветской России».

Труды Ильина рекомендованы для чтения правительственным чиновникам, изданы и переизданы немалыми тиражами. Цитаты из сочинений философа звучат с высоких трибун, ставятся эпиграфами к публицистическим статьям и широко используются в заданиях для ЕГЭ.

Обобщая эти факты, Снайдер находит в текстах Ильина первоисточник агрессивного мировоззрения Путина.

Я бы добавил к этому в определённом смысле религиозное мессианство, по сути, сектантство ВВП, затягивающее его в трясины, из которой выбраться самостоятельно он не сможет, а заодно отправит в трясины миллионы людей.

8

Путинский режим открыто называют фашистским. Рашисты — это понятие уже стало нарицательным. Воюет не Путин, воюет Россия. Артиллеристы и ракетчики сознательно уничтожают инфраструктуру соседнего государства, обрекая жителей на немислимое существование. Российские солдаты и офицеры убивают, насилуют, грабят мирное население. Налицо геноцид украинского народа.

Нюрнбергский трибунал не признал вермахт преступной организацией. Суды над путинским режимом ещё впереди, но я не сомневаюсь, что на них правомерна постановка вопроса о признании военной группировки России в Украине преступной организацией.

А что же граждане, населяющие одну шестую часть суши, каково их отношение к войне? Мы не слышим, не видим, не читаем о массовых демонстрациях протеста, о бунтах матерей, не желающих отдавать мобилизованных сыновей на верную погибель, о сопротивлении этих самых «мобиков». Ничего этого нет и в помине. По данным социологических опросов, 74 процента россиян поддерживают войну. Можете не верить этой цифре (я, например, не верю), однако реально всё-таки более половины населения на стороне ВВП.

Одновременно продолжается ужесточение законодательства в отношении потенциальных противников войны. Оно пока является лишь средством запугивания людей, а не широко применяемой практикой, поскольку бороться по сути не с кем. Но трусливая власть боится ещё более трусливого народа.

Вопрос о коллективной ответственности россиян за преступную войну — один из самых дискутируемых сегодня. Интеллектуалы чаще всего ссылаются на двух авторитетов в этой области — Ханну Арендт и Карла Ясперса, утверждая, что оба отвергали понятие коллективной ответственности. Арендт считает: коллективную вину нельзя распространять на всех. Такая оценка размывает сам факт преступлений, за которые их организаторы и участники должны понести наказание. Виноваты все и вроде никто? Так не бывает. Речь может идти о личной ответственности. Коллективная вина — иное дело, её должно нести именно общество — разными формами, способами.

Действительно, Арендт в эссе «Личная ответственность при диктатуре» пишет: «Вина и невиновность имеют смысл только в отношении отдельной личности». Но в другом тексте «Коллективная ответственность» она утверждает: «Никакие моральные — индивидуальные и личностные — нормы никогда не снимут с нас коллективную ответственность. Это наша плата за тот факт, что мы живём не сами по себе, а среди других людей...», и ответственность такого рода «всегда носит политический характер».

Ясперс также против того, чтобы сваливать виновность в одну кучу. С присущей ему дотошностью он разделяет виновность на четыре категории — уголовную, моральную, метафизическую и политическую («Вопрос о виновности», 1965 год). Политическая виновность, по Ясперсу, означает «принадлежность к гражданам определённого государства, в силу чего я должен расплачиваться за последствия действий этого государства, под властью которого нахожусь и благодаря укладу которого существую».

Как мы видим, оба классика сходятся на том, что единственный вид коллективной ответственности/виновности — политический. Причём, по Ясперсу, вина политическая и моральная во многом переплетаются: он разъясняет, в чём именно состоит вина обывателя, который формально ни в чём не замешан. Приспособленчество, дешёвые оправдания и незаметное потворствование несправедливости, участие в создании общественной атмосферы, делающей возможным зло, — всё это имеет последствия, которые тоже создают предпосылки для политической вины за обстановку и события.

Уже тогда бездействие общества не считалось невинным. «Если я не делаю что могу, чтобы предотвратить (преступление), я тоже виновен».

Ясперс здесь, по сути, описывает российских молчунов и «нейтралов», «аполитичных граждан», точное количество которых подсчёту не поддаётся. Легитимность, «нормальность» этой позиции в сегодняшней России и есть главное достижение путинизма: выращенный, выведенный им тип существования «я-вне-политики».

Российская власть на протяжении последних 20 лет усиленно формировала аполитичного человека, в итоге политическое неучастие стало сегодня в России нормой, и даже нынешний милитаристский угар вовсе не требует от обывателя абсолютной лояльности; системе достаточно, что вы «не замечаете» ужаса по соседству, продолжаете «жить обычной жизнью», просто «растите детей», пока украинские дети гибнут из-за российских обстрелов.

Американская исследовательница Нета Кроуфорд рассматривает протест против «правительственных решений о войне, против несправедливых войн или аморального поведения во время войны» в качестве своеобразной гражданской обязанности. Заметим: ответственность граждан страны, обладающей ядерным оружием, ещё и многократно возрастает; они голосуют не только за своё правительство, но и за «мир во всём мире».

Могли, но не предотвратили, не помешали, бездействовали» — всё это также относится к понятию коллективной ответственности/виновности. Таким образом, отвечая на вопрос «Несут ли россияне коллективную ответственность за зло, совершаемое сегодня режимом?», следует ответить: «Да, несут».

Это утверждает публицист, культуролог Александр Архангельский.

Протестов нет, ужесточение законодательства является лишь средством запугивания людей, а не широко применяемой практикой. Трусливая власть боится ещё более трусливого народа.

Интересно рассуждение на эту тему известного журналиста и телеведущего Дмитрия Губина, ныне живущего в Германии.

Совершенно неожиданно ответ на этот вопрос — «почему я, ни в чём не виноватый, должен нести ответственность?!» — я обнаружил в книге, которая не имеет вообще никакого отношения ни к войне, ни к Украине, ни к России. Это книга-мотиватор Марка Мэнсона «Тонкое искусство пофизигма». Книга очень американская,

то есть очень пионерская в своём задоре объяснить, как надо жить. Но от других американских книг-мотиваторов отличающаяся в лучшую сторону благодаря тонкости наблюдений и точности обобщений.

И вот что пишет Мэнсон о соотношении вины и ответственности:

«Бывают проблемы, в которых мы не виноваты, но несём за них ответственность. Допустим, однажды утром вы проснулись и обнаружили новорождённого младенца у порога своей квартиры. Вашей вины в этом нет: младенца подбросили не вы. А вот ответственность имеется. Надо срочно решать, что делать. И что бы вы ни выбрали — оставить младенца себе, избавиться от него, оставить на пороге или скормить питбулю, — ваш выбор принесёт проблемы, и ответственны за эти проблемы будете именно вы. Мы сплошь и рядом ответственны за ситуации, которые не были нашей виной. Такова жизнь. Вот как можно разграничить эти понятия. Вина имеет отношение к прошлому, а ответственность к настоящему. Вина вытекает из уже сделанного выбора, а ответственность — из выбора, который вы делаете сейчас, каждый день и каждую минуту».

Так что каждый раз, когда вас будет охватывать искушение публично прокричать: «Почему я должен нести какую-то ответственность за войну, если я ни в чём не виноват?! Пусть другие несут!!!» — вспомните картинку, нарисованную Мэнсоном.

24 февраля 2022 года все мы поутру открыли дверь и обнаружили лежащего на пороге младенца.

И это был убитый украинский младенец. Убивший его военный действовал по поручению государства, то есть «просто выполнял приказ», который мы знаем, кто ему отдал.

Вашей вины в смерти ребёнка нет, но убитый ребёнок — вот он.

Скорее всего, вы не скормите трупик ребёнка питбулю, но ответственность за своё поведение вы с этой секунды будете нести. Даже и в том случае, если вы просто отшатнулись и шагнули назад в квартиру, захлопнув дверь внутренней эмиграции. Или, мужественно перешагнув через труп, побежали по обычным делам, сказав себе, что ничего не в силах изменить, а полиция всё равно ничего расследовать не будет.

Труп украинского ребёнка — на каждом русском пороге.

Вина за труп — на Путине и его команде.

Но ответственность за всё дальнейшее — на всех русских. Прежде всего, на армии, уничтожающей не только украинцев-военных, но и мирное население».

Алиса Ганиева, известная писательница, литературный критик, публицист, опубликовала статью в немецкой «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Вот её фрагменты в переводе.

Путинизм в России — это нечто гораздо большее, чем поддержка Владимира Путина. Это гражданская инвалидность всех слоёв общества, неизбежная после двадцати лет его систематической и целенаправленной деполитизации. В России давно стало нормой, что мандат на правду и политическую позицию есть только у власти, а любой, кто пытается противостоять (политик-оппозиционер, общественный деятель, бизнесмен, активист или правозащитная организация), уже выглядит проигравшим, жалким и смешным. В лучшем случае его запишут в вечные фрики, мишень для издёвок или провокаций, отберут собственность, выдавят из страны, лишат больших карьерных перспектив, в худшем — убьют. Народ, у которого за последние несколько веков не было и десяти лет настоящей свободы, легко подсел на иглу патернализма и так называемой выученной беспомощности.

Приоритет силы — вот что становится отправной точкой для любых рассуждений. Отсюда и популярный сейчас защитный рефлекс отождествления себя с силой, то есть, с властью, — если даже мы и напали на Украину, значит, так было нужно. Им ведь там наверху лучше знать, надо без лишних экивоков встать на сторону президента. Даже талантливые и яркие люди, попадая в паутину путинской системы, очень быстро сливаются с общей серой массой. Это трагический процесс обезличивания, морального выскабливания человека — я лично знаю нескольких таких людей на высоких должностях. Для них война в Украине явилась кромешным ужасом, но они наблюдают за этим ужасом в молчаливой агонии, не смея сказать ни слова против, а то и вовсе гласно поддерживают вторжение. Система их уже проглотила и переварила.

Путин — хозяин России не потому, что его так любят, а ровно наоборот, его любят, потому что он хозяин. Будь на его месте любой другой серый тщеславный человечек с мессианским

комплексом, пускай и кровавый вор, его бы терпели и славили с таким же единодушием, ведь он позволяет массам пребывать в политической коме. Да, массам живётся бедно и тяжело, их обкрадывают и предают, зато им не надо никуда дёргаться, не надо бороться за свои права, взваливать на себя историческую ответственность, налаживать и обустройства быт.

Отношения Путин-народ строятся на комбинации мазохизма и нарциссизма. Народ одновременно и унижен, и возвеличен, с ним, с одной стороны, обращаются как со скотом (к примеру, даже по официальным данным пятая часть россиян живёт без доступа к центральной канализации), а с другой — бесконечно обостряют в нём чувство национально-имперского превосходства: мы самые великие, самые сильные, мы освободители мира, творцы победы (победы 1945–2022, как пишут на российских пропагандистских плакатах), потому-то нас все боятся и не любят.

И этот наркотик превосходства и величия, вынутый Путиным откуда-то из стыдных закровов постсоветского сознания, легализованный и превращённый в главную идеологию страны, развел не только самих путинистов, но и большую часть населения, включая даже либеральных оппозиционеров.

Да, решение о вводе войск в Украину принималось одним человеком без согласия всех сто сорока миллионов, да и ликования по поводу бездарно ведущейся под боком войны ни у кого нет. Но вовсе не потому, что большинство было бы против потенциального захвата Киева — вкус россиян к военным походам на «свою, советскую» территорию, которую он искренне не научился считать полноценной и независимой страной, проявился ещё в том неподдельном и подавляющем восторге, которым российское большинство встретило аннексию Крыма в 2014-м.

Причины неликования другие — отсутствие очевидной победы, огромные человеческие жертвы, резкое падение уровня жизни из-за санкций и т.д. Я вижу это по многочисленным знакомым из вполне образованных, рефлекслирующих кругов, по чату однокурсников, к примеру. Речь о войне, развязанной нашей страной в Украине, заходит лишь как о досадном неудобстве — пропали товары, есть риск потерять работу, как бы не объявили всеобщую мобилизацию, пугают взрывы в российских, приграничных с Украиной областях, но ни слова о том, что же всё-таки происходит и кто виноват. Напротив, некоторые выражают

надежду, что если у нас так много «двухсотых» (то есть, убитых), то у «хохлов» ещё больше. Тут же кто-нибудь присылает фотографию из сворованного Крыма — вот, мол, шлю вам привет с дачи Чехова, остальные восхищаются. Все тонкие люди, книгочеи, гуманисты, и только один человек из сорока выразил горечь по поводу творимых нашей страной убийств и преступлений, остальные — загораживаются, не верят, не воспринимают.

Если обобщить, то речь идёт о примыкании к большинству при полном отсутствии собственного мнения. Кодовые слова — «своих не бросаем», «войну развязала Америка и, если бы не мы, жертв было бы больше», «от нас ничего не зависит», «никто не знает всей правды», «они бомбят сами себя». Характерно и наличие внутренних противоречий, например: «украинцы ждут, когда мы их освободим» и тут же «хохлы всегда нас ненавидели».

Я бы добавила, что это даже не низовая «шизофрения», это «шизофрения», спускаемая сверху, через поистине галактических масштабов пропаганду, которая давно состряпала готовые шаблоны ответов на каждый аргумент в защиту правды.

Главная опасность заключается в том, что Путин уйдёт, а путинизм останется. И тогда после паузы всё повторится снова»».

* * *

Путин и народ — близнецы-братья. Пребывающий в политической коме народ хотел такого лидера, он его получил на долгие десятилетия. И фашизм впридачу (привет Ивану Ильину). Вина Властителя и холопов обоюдная. В деле разрушения человеческого в человеке Кремль оказался исключительно успешен. Это разрушение чрезвычайно глубоко. Такова реальность российского нацизма. Доколе это будет продолжаться и как выпутаться из адской паутины?

Путинизм как явление опасен, страшен и долгоживуч по главной причине: в основе своей он опирается на имперскость **российского массового сознания**. Имперскость пронизывала души миллионов, живших на громадной территории людей на протяжении нескольких веков. Главная «доблесть» — завоевать, отнять, поработить, вернуть кем-то якобы отобранное. Отсюда ностальгия по распаду СССР. Война в Украине, длящаяся с 2014-го и перешедшая в горячую фазу 24 февраля 2022-го, — попытка практической реализации той самой имперскости. Потому и поддерживает общество эту войну.

...На искоренение духа имперскости понадобится не одно десятилетие, смена как минимум двух поколений. В той же Германии на это ушло немало времени. И начнётся долгий, мучительный процесс выздоровления России — как нации — только в случае победы Украины и постепенного распада путинского режима. Очень хочется дожить до этого.

ОБ АВТОРЕ

Давид Гай — известный журналист, писатель. Около тридцати лет проработал в газете «Вечерняя Москва». В 1993 году эмигрировал в США. Живёт и работает в Нью-Йорке. Он был главным редактором русско-американских еженедельников. Ныне — главный редактор международного литературного журнала «Времена». Регулярно выступает на русско-американском телеканале RTN в программе «Пресс-клуб».

Автор более тридцати художественных и документальных книг. Среди наиболее известных — роман «До свидания, друг вечный», посвящённый истории любви Достоевского и Аполлинарии Сусловой; повесть «Телохранитель» (по ней в России выпущена аудиокнига); документальное исследование «Вторжение» — о войне в Афганистане (автор неоднократно бывал там в качестве журналиста); «Десятый круг» — о жизни, борьбе и гибели в годы Второй мировой войны Минского гетто (книга затем вышла в США на английском языке под названием «Innocence in Hell»).

В последние годы в Москве вышло несколько новых книг Давида Гая: среди них роман «Сослагательное наклонение» и 750-страничная сага «Средь круговращения земного...» (описывает перипетии жизни двух ветвей одной, российской и американской, семьи на протяжении более века). Изданный в США на русском и английском языках роман «Террариум» посвящён России сегодняшней и завтрашней. В Америке увидели свет «Исчезновение» и «Катарсис». Российское издательство «Алетейя» в 2020-м выпустило книгу «Линия тени», а недавно переиздало роман «Джекпот». В 2021-м в Америке вышел в свет эссе-мемуар Давида Гая «Я сам собою недоволен...», а в прошлом году — роман «Упакованная луна».

ЛИЯ ЧЕРНЯКОВА

СТИХИ

Мой дед Соломон Черняков ушёл добровольцем и пропал без вести под Киевом, в ополчении в 1941-м

МОЛИТВА О ПОЭТЕ

Ире и Пааше

Поэт уходит на войну
Он записался в ополчение.
Не спрашивай его: зачем — не
Береги свою вину
Ты будешь ждать его пока
Он там бредёт в пространстве скользком
Из ранца выпала строка
И разлетелась на осколки.
Лежит раскрытою тетрадь,
Остывший чай, не тронут завтрак.
Поэт уходит защищать
Твоё надломленное завтра.
И я шепчу: Держись, поэт
Пусть этой страшною порою
Мой без вести пропавший дед
Тебя под Киевом прикроет

* * *

Прилетал
Из-под Харькова ангел с обожжённым крылом
Измождённо и зло
Кровь плевал
Сквозь неровные зубы осколков —
Сколько
Не успел заслонить?
Сколько будет себя винить?
Эта красная нить
Сдетонирует где-то за Курском.
Вкусно
Вам пообедать,
Господа людведи,
Ваш вагон-ресторан никуда не поедет.
Он оцеплен.
Отцеплен на запасном пути.
Никого уже не спасти,
А вы прыгайте в окно,
Ложитесь на дно,
Говорите: мы против
Но...

Прилетал
Из-под Киева пепел,
Пел на ужасе: Тум-бала-ла...
Как ребёнка баюкая плач:
Кто ракеты за мной послал
То и в самой святой из Лавр
Не отмолится.
Не отмоется
Хоть на рожон,
Хоть в петлю,
Хоть по горлу ножом —
Все дела.

Из Одессы
Прилетала бравурная песня
Моряков идущих на смерть
Пацанов, кто бы смел как мел
Кого огненный шквал —
Смял
Но не смыл.
Был ли в том смысл?
Был ли смысл?
Или не было —
Отвечает небо —
Это уже неважно.
Слава отважным
Героям —
Когда раны откроют
И горячая ненависть хлынет,
Они вновь станут в строй —
Живыми
В битве за Украину

С Запорожья
Прилетал беспокойный нейтрино
От чистого сердца,
Лучами пробитого сердца,
Сердца ставшего болью,
Сердца ставшего пулей,
Сердца ставшего пылью,
Сердца, ставшего полем подсолнухов...
Сердце, молчи,
Как молчит под пытками Мариуполь —
Когда тупо
Ложатся бомбы
В кровати роддома,
Сердце, стой.

Встань в горле комом.
Это раскрываются небесные катакомбы,
И мёртвые Дробецкого
Вместе с мёртвыми Бабьего
Принимают роды
На прокрустовом ложе старушки Европы
Слышишь стоны и взрывы?
Так лопаются
Скрепы
Отходят воды.
В ожидании первого крика
Победного крика свободы

* * *

Весна на вес золотых лучей
На вкус небесной воды,
Но лезет-лезет в каждую щель
Сожжённого детства дым
Там, где был сад и покой, и дом,
Зияет, черна, дыра
Вот в ней война свивает гнездо,
Гнездо обживает страх.
Страх будет целиться в аистят,
От выбухов всё хмельней.
Но аистята ведь не простят,
А мы не простим тройне
Ни детских, ни материнских слёз
Ни ран невинной земли,
Ни тех, кто с войною кутить взасос
В чужие дома пришли
И каждый выстрел, и вдох, и стих,
Все стоны, мольбы и сны
О том, как мы похороним их —
По законам этой войны.

И каждый осколок, подвал, окоп —
О том, что замкнётся круг,
И мы вобъём осиновый кол
В её обгоревший труп.
«Отомри», говорит, «отомри.
Посмотри как мой город горит.
Отомри, заори и заплачь,
Вот мой больше не дом, а зола,
Здесь зачистка идёт, чином чин,
Моя мама уже не кричит.
Вот в колодце застыли тела,
Вот собак захлебнувшийся лай,
Вот старик переходит на хрип...
Те кто могут опять повторить,
Эти звери, они не со зла,
Кто нормальный у них — тот палач,
Не кори», говорит, «ты не там,
Не тебе же платить по счетам».
Грустный мальчик с глазами кота
«Отвори», говорит... Пустота.
«Отопри», говорит... Тишина.
Сорок дней, как случилась война.

НЕ СТИРАЙ

Не стирай, мой маленький, не стирай,
Там, за речкою мостик в рай.
А над речкой скалится тишина,
Через речку идёт война.
Переходит вплавь, переходит вброд —
Вот убитых ведут на парад —
Конвоиры орут, гогочет орда,
С них срывая остатки стыда.

Нарисуй, мой маленький, нарисуй
Как ты держишь мир навесу,
Как на каждой чаше беда и боль,
И опять рвутся танки в бой,
И пока тот свет от ракет горит,
И дымится сердце внутри,
Ждёт нас лагерь фильтрации.
Вечный покой.
Хрупкий мостик там, за рекой.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Когда вытащат меч из седых пророчеств,
Когда ярмарку закатят Сорочинцы,
Когда орочий превратится в сорочий,
Короче,
Когда сад зацветёт, ручей защебечет,
Захлебнётся ночь соловьиной речью,
Руки стали крепче лягут на плечи
При встрече,
Когда заклубится народ в кофейнях,
А на площади в танце сойдутся феи
И распишут голуби танк трофейный
По фене,
Когда броники запылятся в прихожих,
Когда стянутся раны в узор под кожей,
Когда станет на прежнюю жизнь похожа...
Этот ужас и стыд
Забывать никогда не сможем.

* * *

«Лето — это маленькая жизнь»

О. Митяев

Лето не лечит — качает, кладёт заплаты
Склеивает сердца и голоса крылатых
Ночью скользит к воде по нагретым плитам
Плакать.

До покаяний ли, где воронки зияют
Разве рукав теперь омочить в Каяле?
В тихий урочный час между сном и явью
Мёртвые в дом заваливаются друзьями.
Мёртвые справок и адресов не имеют
Им кому Кременчуг, кому Мариуполь имя
Впрочем что в имени? Мёртвые Украины
Просто идут на чай помолчать с живыми:
Мёртвые голоса, улыбки, обрубки.
Содраны юбки, оторваны ноги, руки
Мёртвую рябью гудки в телефонной трубке
Выловить трудно.
Нету ответа всё лето, но нет отбоя.
Мокрое в звёздах, ясное, голубое —
Что тебе стоило между весной и болью
Небо закрыть собою?
Что тебе стоило там оказаться, рядом
Что тебе стоило стать на пути снаряда,
Что тебе стоило... хватит, оставь браваду,
Не начинай, не надо.
Мёртвые нас покидают с росой ранней.
В жар нас кидает, к библиям, торам, стихам, коранам.
Небо открыто в лето бездонной раной,
Бедой бескрайней.

* * *

Моя беда, моя вина,
Хоть грош вине цена.
Кто скажет: Не твоя война?
Моя, моя война.
Она на небе и в воде,
И в хлебе и в вине.
И каждый день, и каждый день
Я гибну на войне.
Об этом вслух не говорят,
Такие, брат, дела,
Влетевший в станцию снаряд
Меня спалил дотла,
А тот попал, когда еду
Варила на костре,
А вот, избитую, ведут
В пролесок на расстрел,
Вот в окровавленном аду
Железа, тел, костей
Без света, без воды, не жду
Хороших новостей.
Ещё мы помолчим с тобой —
Об этом ведь не врут —
Как по утру фантомна боль
Здоровых ног и рук.
Внутри осколки — как фугас
Взрываются слова.
Я умираю каждый раз
За то, что я жива,
Что вас от бомб не заслонить,
Ракет не отвести,
Что никого не сохранить,
Не спрятать, не спасти.
А завтра снова на ветру —
За тысячу неправд —
С тобой, мой самый лучший друг,
С тобой, мой злейший враг,

С тобой, геройская страна
И скотская страна...
Но вдруг как только я умру,
Закончится война,
Так будет литься тишина
По выжженной земле,
Что захмелеют без вина
Все те, кто уцелел,
И счастье по усам стечёт
До самых до корней.
И будет выдан смерти счёт,
И всем кто иже с ней —
Найдёт «награда» подлеца,
Палач не убежит...
Эх, как до этого конца
Хотелось бы дожить.

ОБ АВТОРЕ

Лия ЧЕРНЯКОВА родилась в Харькове. Поэт, автор песен. По образованию физик, по профессии инженер-программист. Живет в Милуоки (США).

Изданы две ее книги стихов, опубликованы многочисленные подборки в журналах и альманахах. Член творческого ордена «Кони Неба», Нью-йоркского клуба русских писателей, организатор бардовских слетов на Среднем Западе.

Шота РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

ФРАГМЕНТ

ПЕРЕВОД КОНСТАНТИНА ГУЛИСАШВИЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Первое знакомство с Руставели у меня произошло в пятилетнем возрасте. Шёл 1958 год, и в Тбилиси отмечалось 1500-летие основания города. Это был грандиозный праздник, он запомнился мне на всю жизнь. К этому празднику было выпущено много сувениров. Мне с братом (ему было тогда 11 лет) подарили два красивых значка с надписью «თბილისი 1500» («Тбилиси 1500»). Брату достался значок золотого цвета с изображением Ленина, а мне — синий значок с каким-то бородатым мужчиной. Я страшно расстроился. Ведь я верил, что Ленин был самым лучшим. Меня пытались успокоить и объясняли, что на моём значке изображён великий грузинский поэт Шота Руставели, написавший бессмертную поэму ვეფხისტყაოსანი (вепхисткаосани), «Витязь в тигровой шкуре», и что мой значок намного красивее. Но я знал, что это не так. Как можно было сравнивать писателя, даже если бы он написал книгу о Винни-Пухе, с самим Лениным!

Эту несправедливость жизни я пережил и стал расти дальше.

Читать я научился в три с половиной года, поэтому к пятилетнему возрасту уже читал довольно бегло. Правда, читал я только по-русски, и все книги моей детской библиотеки были на русском. В те времена в Тбилиси люди общались между собой на двух языках, грузинском и русском. Как и меня, многих грузинских детей родители отдавали в русские школы. Учился я в 50-й средней школе. У нас был очень дружный класс. Грузины, азербайджанцы, русские, армяне, татары, греки, осетины, украинцы, евреи, сербы, ассирийцы. Интересный факт: на уроках мы говорили по-русски, а на переменах — по-грузински. Но читали, конечно, по-русски, вернее, предпочитали читать.

По-грузински я начал читать в девятилетнем возрасте и читал только то, что было недоступно на русском. Например, спортивную газету ლელო («Лело»), но зато её я читал ежедневно. Неудивительно, что впервые «Витязь» Руставели попал ко мне в русском изложении.

Мне тогда было лет десять. У нас дома были две большие книги поэмы Руставели. Одна представляла оригинальную версию поэмы на грузинском языке, а другая — её русский перевод Ш. Нуцубидзе. Оригинал оказался мне не по зубам, ведь он был написан в XII веке на древнегрузинском языке, и я половины текста не понял. Поэтому я стал читать русский вариант, но, прочитав несколько страниц бессмертной поэмы, я, к своему сожалению, обнаружил, что мне она абсолютно не нравится. Я был разочарован. Но почему же все вокруг так почитают Руставели? А потому, что так надо, решил я. Вот и в школе нас тоже учили любить только те произведения, которые надо любить, и, что интересно, мы вправду их любим, вернее говорим, что любим. Короче, решив для себя, что поэма Руставели — это совсем не та литература, которая мне нужна, я просто принял её гениальность как аксиому.

Следующая встреча состоялась года через два. Мне подарили набор почтовых открыток, представляющих собой серию иллюстраций к литературным произведениям. Самой красочной мне показалась иллюстрация к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». На её обратной стороне было отпечатано четверостишие следующего содержания:

*Бросив меч, схватил тигрицу и привлёк в свои объятия.
В память той желал лобзаний, от кого огнём объят я.
Но тигрица прорычала мне звериные проклятья,
И убил её нещадно, и безумцем стал опять я.*

Я не поленился и, взяв упомянутый ранее перевод Нуцубидзе, стал искать эту строфу и отыскал её довольно быстро (XXXVII глава, строфа 913). Здесь было только одно несоответствие. Третья строка звучала так: «Кровянил меня когтями хищный зверь, рыча проклятья». Много позже я узнал причину этого несоответствия. Оказывается, что четверостишие на открытке принадлежало перу... И. Сталина. Если бы мне сказали об этом в том далёком 1965 году, я конечно же не поверил бы. Да и кто мог сказать? В то время имя Сталина вообще нигде не упоминалось. Даже в школьных учебниках истории СССР.

Итак, я нашёл в книге то, что искал. Ну, не зря же искал? И я прочитал XXXVII главу поэмы. И опять она меня не вдохновила. А я так надеялся, что дорос до неё. А вот четверостишие с открытки невольно запомнилось. Да, мне стих не понравился. Две строки кончаются одним и тем же местоимением «я» («объят я» и «опять я»). И рифма в первых двух строках не очень звучна: «объятъя — объят я». Здесь все звуки хоть и идентичны, но благодаря мягкому знаку в первом слове и незримому твёрдому знаку во втором, созвучность теряется. И, тем не менее, эти строки очень часто будут звучать у меня в голове. С сильным грузинским акцентом. А так как в грузинском языке нет ни мягкого знака, ни твёрдого, ни буквы «я», а в слове «ти» звук «т» не смягчается, то таким образом рифма приобретает просто идеальное звучание: «обиатиа–обиатиа». Вот и Сталин, будучи поэтом-любителем (кстати, он запрещал печатать свои стихи, и это — исторический факт), использовал в данном стихе свой грузинский акцент, а Нуцубидзе, взяв стих вождя за основу своего перевода 913-й строфы поэмы Руставели, не учёл эту особенность.

Прошло ещё почти двадцать лет. В 1984 году я приобрёл «Витязя в тигровой шкуре» в переводе с древнегрузинского П. Петренко. Мимо старого знакомого, недопонятого мною, я пройти не мог. Меня никогда не оставляла мысль, что то давнее неприятие бессмертной поэмы было связано с моим детским невосприятием серьёзных вещей. И опять я был разочарован. Не понравилось мне и это изложение поэмы Руставели. Но если раньше я всё списывал на детство, то сейчас это можно было объяснить либо моей неспособностью понять большую поэзию, либо неспособностью данного перевода влиять на души читателей.

Некоторое время спустя, находясь в кругу друзей, я поделился с ними проблемой моего неадекватного отношения к творчеству Руставели. Одна моя подруга, филолог по образованию, сразу нашла что ответить: «Ты ведь любишь стихи Заболоцкого. Я подарю тебе его книгу. Читай и наслаждайся». На следующий день она принесла мне этот подарок — Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре», перевод Николая Заболоцкого.

Где-то через месяц я с волнением приступил к чтению. Я был знаком со стихами Заболоцкого, мне нравилась его поэзия. Читая его перевод «Витязя», я чувствовал и стиль Заболоцкого, и его рифму. Но чем дальше я читал, тем больше разочаровывался. Прочитав две главы, я остановился. Эта по счёту уже четвёртая (или пятая) попытка моего знакомства с поэмой Руставели закончилась очередным провалом.

Больше я к переводам не обращался, а решил возобновить ту первую попытку знакомства с оригиналом, которая в далёком 1963 году закончилась неудачей по причине моего незнания основ древнегрузинского языка. Сейчас, уже в зрелом возрасте, я стал учить основы древнегрузинской грамматики, параллельно читая бессмертную поэму в оригинале. Я ожидал, вернее надеялся, что эта поэма на грузинском языке понравится мне больше, чем её русские переводы, но результат превзошёл все ожидания. Из всего того, что я когда-либо читал, на первое место поставлю, несомненно, поэзию гениального Шота Руставели, где в каждой строке просматривается великолепие, говоря словами А. Пушкина, «союза волшебных звуков, чувств и дум». Понятно, что перевод не может быть лучше оригинала, но союз волшебных звуков, чувств и дум оригинала в прочитанных мною переводах не чувствовался.

Помня слова русского историка Василия Ключевского: «Бездарные люди — обыкновенно самые требовательные критики: не будучи в состоянии сделать простейшее из возможного и не зная, что и как делать, они требуют от других совсем невозможного», в августе 1987 года я решил сам попробовать перевести несколько строф. Свободного времени у меня было мало, а опыта литературной деятельности не было вообще.

Но я всё же взялся за это дело. Через некоторое время появился мой перевод нескольких строф первой главы поэмы. Я показал его своей подруге-филологу, и хоть она и сказала, что для дилетанта получилось неплохо, но я-то всё равно понимал истинную цену своих «трудов». Уже почти приняв решение отказаться от этой затеи, я попросил старшего брата прочитать мой перевод. Брат разнёс мои стихи в пух и прах. Обидевшись сначала, я, подумав, согласился с его правотой. Именно она заставила меня снова взяться за перо.

Прошёл ровно год, и я перевёл две первые главы бессмертной поэмы, что и было моей конечной целью. На большее в то время я и не замахивался. И хоть мой перевод прочли всего несколько человек, мне очень льстило, что порой, собираясь за праздничным столом, мои друзья часто просили меня прочитать отрывки из поэмы Шота Руставели. При этом их заказ был не просто прочесть мой перевод, а продекламировать начало на грузинском языке и только после их сигнала продолжить поэму на русском. Я, к слову, трезво смотрел на вещи и понимал, что мой перевод конечно же слабее переводов профессионалов, но свято верил, что ненамного.

Вот, пожалуй, и всё, что было связано с поэмой Руставели в моей жизни в Грузии в XX веке. Это произведение стало для меня символом совершенства.

В 1996 году, когда я поехал работать в Америку, из всей моей библиотеки я взял с собой только книги Шота Руставели «ვეფხისტყაოსანი» (вепхисткаосани) «Витязь в тигровой шкуре». Всего их было восемь: два разных издания на языке оригинала, четыре русских перевода (П. Петренко, Н. Заболоцкого, Ш. Нуцубидзе и К. Бальмонта) и ещё два перевода на английский и французский языки.

Так сложилось, что в Америке я поселился надолго. По мере возможности наведывался в Грузию повидать родных и близких. Постепенно очень много любимых книг (русских и грузинских) перекочевали из Тбилиси в Вашингтон, где заняли в моей домашней библиотеке своё достойное место рядом с английскими книгами, а также со старожилками библиотеки — книгами Шота Руставели, которые стоят там на самом видном месте. Меня постоянно мучила мысль, что русскому читателю недоступны то величие и та неувядаемая красота, которыми наполнены эти несравненные строки почти девятивековой давности.

Так, постепенно, со дня прекращения моей работы над «Витязем в тигровой шкуре» прошло 30 лет. И вот, 18 октября 2017 года я наконец взялся за продолжение перевода. Я выложил первые 2 главы на фейсбуке. Через некоторое время со мной связался главный редактор одного издательства из Самары с предложением издать мой перевод в бумажном формате. Я его, конечно, поблагодарил, и объяснил, что это будет возможно, исходя из моей скорости перевода, лишь через 30 лет.

Наша переписка побудила меня увеличить скорость перевода до 1 строфы в день, что сокращало и общее время до шести лет. Но через неделю я понял, что выдержу и до четырёх строф в день. В общей сложности я потратил на оставшиеся 1609 строф — 1 год и 10 месяцев. Перевод был завершён 20 августа 2019 года.

Работая над ним, я старался сохранить гармонию и ритм оригинала, а также рифмовку строф, при этом не допуская отсебятины в передаче смысла. Могу честно признаться, что я вложил в этот перевод свою душу. А насколько мне это удалось — судить читателям.

НАЧАЛО

1

Ты, вселенную создавший мощью чудотворных сил,
Жизнь вдохнул в свои творенья, на Земле их приютил,
Разноцветными лучами мирозданье осветил
И во всех земных монархах ты свой образ воплотил.

2

Бог единый, Ты нам создал и планету, и страну;
Ты храни меня, дай силу, чтоб повергнуть Сатану;
Укажи пути любви мне, страсти нежной целину;
Отпусти грехи земные, облегчи мою вину.

3

Лев, твой меч кого здесь славит, нанося врагам удар?
Солнцеликую царицу — черноокою Тамар!
Щёк рубин, волос агаты! Как воспеть сей божий дар?
Кто её хоть раз увидит, тот в плену волшебных чар!

4

До кровавых слёз восславим мы владычицу владык;
Мною был воспет и прежде этот лучезарный лик.
В черноту озёр-агатов я макал перо-тростник,
Дабы стих копьём разящим в сердце внемлющих проник.

5

Красоту её восславит этот сладкозвучный сказ,
Воспоёт ресницы, брови, цвет ланит, сиянье глаз!
Так же, как свинец, хоть мягок, крепкий раздробит алмаз,
Мягкий взор очей прелестных разбивает сердце в нас.

6

А сейчас язык мне нужен, сердце, мастерство поэта, —
Силу дай, чтоб мой рассудок смог создать творенье это;
Это — помощь Тариэлу; здесь любовь его воспета,
Дружба трёх героев славных и могущество обета.

7

Плачем мы по Таризлу, слёзы льём все дни подряд,
Ведь других, ему подобных, небеса не сотворят!
Я, Руствели, Таризлом в сердце раненный стократ,
Уложил словесный жемчуг в стройный стихотворный ряд.

8

Сказ персидский по-грузински зазвучал в моих строках,
И его лелеять нужно, как жемчужину в руках.
Я его нашёл неожиданно и пересказал в стихах.
Судит пусть о них царица, что прославлена в веках.

9

Я, Руствели, обезумев, в песнях возвеличил ту,
Кто командует войсками, ум её и красоту.
От любви моей лекарства я нигде не обрету;
Дай, царица, исцеленье иль могильную плиту.

10

Слепнет взор, тебя увидя, ум теряет голова,
Сердце там скитаться жаждет, где колышется трава!
Плоть моя в огне пылает, но душа ещё жива.
Трёхголосым песням нужны сладкозвучные слова.

11

Люди с тем должны смириться, что судьба им предрешит:
Пусть работает рабочий, воин пусть в поход спешит;
А влюблённый чтит влюблённых, защищает от обид;
И своей любви не ранит, и чужой не оскорбит.

12

Стихотворческая сфера высшей мудрости полна,
Благородна, благодатна и возвышенна она.
По душе достойным людям мелодичных строк волна;
Длинное звучит здесь кратко — тем поэзия сильна.

13

Конь хороший узнаётся быстрых ног природным даром,
В мяч игрок — искусным взмахом и уверенным ударом,
А поэт — умением выждать, лишних слов не тратя даром,
Если стих, теряя силу, перестал гореть пожаром.

14

Вот тогда вы и спросите, почему умолк поэт,
Почему лишённый слова стих его сошёл на нет.
Чтоб, не сокращая речи и презрев словесный бред,
Вам поэт стихом достойным сладкозвучный дал ответ.

15

Не зовут того поэтом, кто пропел лишь раз иль два;
Пусть не мнит себя великим он в порыве хвастовства;
Может пару раз и сложит он бесцветные слова,
Но, как мул, твердит упрямо: «Вот — вершина мастерства!».

16

Есть ещё стихи другие, ими сердце не пронзить,
В них довольно часто рвётся поэтическая нить.
И на них весьма похожа зверобоев юных прыть:
Только мелкую дичину им по силам подстрелить.

17

Третий вид стихов пригоден для пиров, для песнопений,
Для усад, забавы, шуток, для приятельских общений;
И они порой приятны, нам их дарит добрый гений,
Но поэты для великих рождены стихотворений.

18

Свой талант поэт обязан посвятить душе родной,
Лишь одну любить он должен, поклоняться ей одной,
Для неё творить и помнить: в мире нет любви иной —
Музыку стихов добавить к этой страсти неземной.

19

Славил я её и прежде — ту, чей образ сердцу мил;
По достоинству воздал ей и себя не осрамил;
Властный взгляд пантеры грозной разум мой давно смутил,
И в поэме вновь восславлю я светило всех светил!

20

О любви скажу всевышней, всех начал она начало;
Не найти такого слова, чтоб её обозначало.
Нас небесным притяженьем от земного оторвало;
Кто постичь любовь решится, перетерпит бед немало.

21

Той любви постичь не могут те, что разумом сильны;
Языки у них устанут, уши слуха лишены.
Чувства низменны, коль скоро плотью порабощены;
Те, кто высшим подражают, ведать блуда не должны.

22

Тот — миджнур, кто любит страстно, — так арабы говорят, —
Кто безумен, потому что с милой у него разлад.
Но одни душою к небу на крылах любви летят,
А другие — на красоток с вожделием глядят.

23

Должен быть миджнур, как солнце, красотою наделён,
Должен быть разумным, щедрым, терпеливым, скромным он,
В ратных битвах — победитель, в красноречии — силён;
Если нет — то не миджнур он и безумно не влюблён.

24

А любовь, — она прекрасна, в познании сложна
И, в отличие от блуда, беззаветна и нежна.
Блуд — одно, любовь — другое, разделяет их стена;
Страсть высокая бесценна, а распутству грош цена.

25

А в миджнуре ценят верность, он не раб любодеежня,
Рядом с ним в разлуке с милой только грусть и воздыханья;
Даже пусть строга, угрюма, — лишь о ней переживанья;
Мне чужды любви бездушной лицемерные лобзанья.

26

Первую любовь до смерти пронесёт он через годы;
Радостью не одурманен, презирает он невзгоды;
За любовь миджнур дерётся, а не только пишет оды,
За неё не пожалеет он ни жизни, ни свободы.

27

Нет любви, коль скоро милый не страдает от разлуки;
Нынче он с одной, а завтра ко второй простёрты руки;
Вместо гимна страсти нежной там одни пустые звуки.
Только истинно влюблённый за любовь пойдёт на муки.

28

Только истинно влюблённый в тайне страсть свою хранит
И в разлуке, вспоминая стройный стан и цвет ланит,
Он безумствует, страдает и в огне любви горит,
Терпит гнев своей любимой без досады и обид.

29

Свой секрет миджнур не должен раскрывать ни перед кем,
Должен в дружеских беседах избегать любовных тем.
Сохранит он тайну сердца, будет кроток, будет нем,
А любви безумной муки предпочтёт уладам всем.

30

Ну а если всем раскроет тайну любящих сердец,
Запятнает имя милой, и любви придёт конец.
Восхвалять её не смогут стихотворец и певец,
А на сердце милой ляжет недоверия рубец.

31

Удивляюсь, почему же так дела нехороши!
Почему же страсть к любимой не оставлена в тиши?!
Коль не любишь, отступись ты, чувства милой не души!
Злобным людям злое слово выше сердца и души.

32

Если плачешь ты о милой, то оправдан этот плач;
Помни о любимой, помни в дни побед и неудач,
И когда пешком шагаешь, и когда несёшься вскачь,
А любви своей безумство от людей болтливых прячь.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Константин Гулисашвили родился в 1953 году в Тбилиси. Учился в Политехническом, Физкультурном и Педагогическом институтах. Работал инженером-гидростроителем, тренером по гимнастике и учителем математики. Имеет спортивные звания «Мастера спорта СССР» и «Судьи международной категории». С 1996 года живёт в США (Вашингтон). Работает тренером в государственном спортивном комплексе. Увлекается переводами поэзии с грузинского на русский и с русского на грузинский. 28 декабря 2022 года подписал договор с грузинским издательством «Carpe Diem» на издание своего перевода эпической поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на русский язык. Ориентировочно книга должна выйти весной 2023 года.

ГИМН ЛЮБВИ

По поводу нового перевода эпоса Шота Руставели
(сокращённый журнальный вариант)

Когда Котэ Гулисашвили обратился ко мне с предложением написать предисловие к его переводу, я, откровенно говоря, сначала попросту испугалась, поскольку никогда никаких предисловий не писала. Но, прочитав присланные им *Начало* и пару первых глав, поняла, что смогу это сделать, правда, при одном условии: прочесть всю поэму. В своё время, учась на филологическом факультете МГУ, я читала её по крайней мере в двух переводах, но, честно признаюсь, в Бальмонте увязла, а Заболоцкий чувства удовлетворения не оставил. Тем более мне было интересно посмотреть, что сделал Котэ.

Поэма меня захватила. Я читала перевод на одном дыхании. Может быть, этому поспособствовали мои предшествовавшие поездки в Грузию, когда я посетила Академию, вернее, её стены, где учился Руставели, и храмы с изображением царицы Тамар, но в переводе чувствовался и дух тех времён, и его современная актуальность. Поскольку я занимаюсь переводом больше 50 лет, у меня выработалась собственная его концепция, во многом совпадающая с заслуженными теоретиками, и перевод Котэ замечательной поэмы Руставели полностью ей соответствует. Он сделан с оригинала и ему близок, строфика сохранена, музыка стиха льётся плавно и естественно. Интересно, что по ходу работы переводчик писал комментарии и потом сравнивал свой перевод с предшествующими.

Поэма Руставели — это гимн любви, ибо любовь — категория вечная и, судя по тексту, основная. Ибо без любви нет жизни. Неслучайно в *Начале* поэт пишет:

*О любви скажу всевышней, всех начал она начало;
Не найти такого слова, чтоб её обозначало.
Нас небесным притяженьем от земного оторвало;
Кто постичь любовь решится, перетерпит бед немало.*

В мире, где царит любовь, нет места злу, корысти, гордыне. Герои эпоса претерпевают немало бед, но преодолевают их именно пото-

му, что ими движет любовь. В этом сверхактуальность поэмы. В наш жестокий век, когда смешались понятия добра и зла, а общечеловеческие ценности неуклонно, простите за тавтологию, обесцениваются, не настало ли время замедлить бег к пропасти и подумать о спасении своих душ?

Достоевский говорил, что мир спасёт красота, Солженицын — что доброта, а я говорю, что мир спасёт любовь. Именно об этом писал в XII веке великий поэт великой культуры и великой цивилизации, которой правила любовь. Читайте поэму, наслаждайтесь музыкой её стиха, проникайтесь добротой её духа и запомните эти строки:

*Бог единый, Ты нам создал и планету, и страну;
Ты храни меня, дай силу, чтоб повергнуть Сатану;
Укажи пути любви мне, страсти нежной целину;
Отпусти грехи земные, облегчи мою вину.*

Учитесь любить. Без этого мы не сбережём нашу планету.

*Марина Тюрина-Оберландер,
поэт, прозаик, переводчик,
лауреат международной премии Леонардо да Винчи (2018)*

Виктор ФЕТ

ДВА ВРАЧА И ОДИН СКАЗОЧНИК

ЗАМЕТКИ О ТЕАТРАЛЬНОМ ФЕСТИВАЛЕ

Театр на русском языке в Америке во время войны в Украине? Да можно ли вообще ставить и играть сегодня? Ведь у русской культуры, увы, сейчас — и в перспективе — только одна тема: допущенная и проигранная Россией война и доломанная ею история...

Со смешанными чувствами я ехал на фестиваль русскоязычных театров «Ваш выход» в Вашингтон (11–13 ноября 2022). Каков же выход? Сегодня каждый, кто пишет, играет, ставит на русском языке, поневоле должен определить координаты своих «предлагаемых обстоятельств» (термин Станиславского). Волшебная ткань театра не смеет, не должна закрывать кровавую реальность, делать вид, что всё идёт по-старому. Смех лечит, недаром многие из главных наших комедиографов «в миру» были врачами, первые среди них — Чехов и Булгаков. Посмотрим же, что нам показывают сегодня, в ноябре военного года. Что хлынет ко мне со сцены — катарсис или пертуссин?

Термины «провинциальный», «любительский», «профессиональный» больше не работают ни в театре, ни в литературе: режиссёры издыхающей империи бегут в Европу или дают концерты в Мариуполе. Гамбургский счёт наступил и в этой среде в феврале 2022. Хотим мы этого или нет, нас — каждого — будут помнить по «списку благодарений» и чувств, пробуждаемых нашей лирой сегодня, в живом времени 2022 года, в переломном его пространстве, которое уже вошло в учебники истории, как вошли в них 1917, 1939 и 1991... Театру нужны зрители, и зал в Вашингтоне был полон; само собой, изрядную часть публики составляли актёры самих театров, прибывших на фестиваль. Прочая публика была наша, диаспорическая, нахлынувшая на восточное побережье Америки волнами разных лет и продолжающая прибывать с новой силой.

Спектаклей было девять; мне удалось побывать только на трёх, о которых я и напишу. Они пунктиром образуют некую линию из прошлого в нынешнее время. Будет ли продолжение у этой траектории? Об этом ниже.

ТЕАТР «АРТС» (произносится «арт-си») (Остин, Техас; режиссёр Ирина Якушенок) привёз в столицу мастерски сложенную композицию «Жалобная книга, или Жизнь прекрасна!» по ранним рассказам Чехова. Хотя спектакль и назван «хулиганство по Чехову», режиссёр очень бережно относится к текстам и персонажам Антона Павловича. Спектакль обрамлён провинциальным Вокзалом, где сам молодой Чехов (Михаил Матц), застрявший в дороге, открывает вечную Жалобную Книгу, хранимую уборщицей (Марина Рандэ). Из книги вырываются знакомые нам с детства образы и призраки, сплетается мозаика вагонной мистики и дачных фантазмагорий. В современной Америке, где мало кто ездит на поездах, забыты и кипятки на станции, и колоритный пьяный кондуктор (Денис Ласточкин), и украденный чемодан — но нежная энергия горчайшего чеховского слова бросает нас ближе к «Москве-Петушкам», другой вокзально-поездной эпопее.

Нас мотает в последнем плацкартном вагоне; вокзал чеховских времён на проекции сменяется современным «Прибытием поезда» — так назывался один из первых люмьеровских шортов (1896): живым поездом начался кинематограф, зрители в испуге разбежались. В большом и хорошо наполненном спектакле (он идёт без перерыва, но не утомляет) соединено многое: проекции кинокадров со стробоскопами; прекрасно поставленные танцевальные номера (один вдруг оборачивается громким современным американским танцем); исключительно хорошо подобранные костюмы и диалоги.

Я насчитал на сцене 16 человек, и всем щедро дано по несколько выигрышных ролей, от чего постановка приобретает концертно-бенефисный характер. Это здорово, но, возможно, не хватает голоса самого Чехова, более чётко ведущего линию спектакля. Булгаков называл такого персонажа «Первый»; впрочем, оригинальность спектакля и в отсутствии такого ведущего стержня: сам Чехов здесь уносится по воле кондуктора в гоголевские пространства.

Отдельные классические рассказы, заземляя спектакль, образуют солидные вставные сегменты, среди которых выделяются: «Злой мальчик» (1883) про вредного гимназиста Колю (Максим Ребгун); «Хористка» (1886), в главных ролях Наталья Асташова и Марина Рандэ;

этот рассказ, который Чехов написал в 26 лет, Толстой считал одним из лучших у него); комическо-мистический рассказ «В потёмках» (тоже 1886; в главных ролях Илона Свирская и Дмитрий Кушнирский); и очень смешная миниатюра «Свидание хотя и состоялось, но...» (1882), где упускает своё счастье пьяный (четыре бутылки пива) студент-медик Гвоздиков (Андрей Васильев), опасно граничащий с террористами своего поколения.

Вспомним, что ко времени убийства Александра II (1881) Чехову был 21 год, он тогда и сам был студентом-медиком. Когда-то в детстве юмор Антоши Чехонте был мне ясен, но чужд — и несравним, конечно, по значению, с Ильфом и Петровым. Теперь же, 140 лет спустя после молодого Чехова, нам отчётливо видны, даже в сравнительно безобидных сценках, уловленные под его медицинским микроскопом зародыши российского демонического сознания, ведущего в бездну. По её бритвенному краю и шли, порою зажмурившись, все великие русские комедиографы — от Гоголя до Чехова и, конечно, до другого врача-диагноста, Булгакова.

ТЕАТР «ЭКСПЕРИМЕНТ» (Мэриленд, район Большого Вашингтона, режиссёр Ирина Рогозина) поставил «Зойкину квартиру». Я давно не перечитывал этот текст Булгакова, и скорее скептически относился к «Зойкиной» по сравнению с трагическими «Днями Турбиных», «Кабалой святош», «Бегом»... Но спектакль «Эксперимента» меня сразу захватил и убедил. «Ателье» — оно же пошивочная мастерская, она же дом свиданий — зримо связано с Варьете из «Мастера и Маргариты». Параллели прямо обозначены: «Зоя, вы — чёрт!» Предприимчивая и циничная Зоя Пельц (Елена Семёнова) развернула дело на широкую ногу. Туда приезжает на редком ещё в Москве автомобиле за взяткой монументальная Агнесса Феррапонтовна (Екатерина Гончарова), муж которой, высокопоставленный советский сановник, «крышует» Зойкино «ателье»; подобные выпады Булгаков скоро позволит себе и в запрещённом «Собачем сердце». Это первая серьёзная пьеса Булгакова (1925): начало НЭПа; бездна слегка прикрыла свою пасть, но «бег» из советского ада продолжается. Поток безумия захватывает всех; это и несчастный «бывший граф» Павел Обольянинов (Андрей Вовк), давно уже морфинист; и сама Зойка; и её предприимчивый кузен, ныне шулер и жулик Аметистов (Юрий Маслюков), успевающий смыться до финальной облавы; и другие «бывшие», такие, как вальяжный гость «нехорошей квартиры» Робер (Константин Сальников)...

Позже персонажи эти превратятся, как известно: Аметистов в Бендера, Обольянинов в Воробьянинова; всё ведь варились в одном котле — Булгаков, Ильф и Петров, Олеша, Катаев, да и Маяковский (казалось бы, антагонист Булгакова, а насколько близка «Зойкина» и к «Бане» и к «Клопу», в которых и героиня тоже Зоя)...

«Гримасы НЭПа»...Но ведь таких людей же на самом деле не было: Булгаков сочинил своих фантомов, не правда ли? Как Гоголь Чичикова и Ноздрёва? Поразительна сила воображения художника: он сумел навязать нам свою непостижимую сегодня амбивалентность. В «Зойкиной» есть и тоска по Парижу, и презрение к жуликам и бандитам, но и брезгливая неприязнь к «бывшим», хорошо видная и в «Беге». «Зойкина» шла у Вахтангова два с лишним года. Ах, как хотел Булгаков стать советским драматургом, и как это ему никогда не удавалось! И как он хотел в Париж!..

То, что мы слышим со сцены, написано русским языком, но как же стремительно изменился он со времени Чехонте! Булгаков никогда не скрывает своих ключевых слов: это — «квартирный вопрос» и «виза в Париж». Бежать, бежать из советского ада, где правит взяточник и стукач, преддомкома Аллилуя (Евгений Семёнов), ещё не самый гнусный родич Швондера и Никанора Босого! Но бежать некуда, да уже и некому: в конце пьесы ГПУ повяжет почти всех. Режиссёр добавил конвойного собачьего лая — его, понятно, нет у Булгакова, но нам-то он знаком и через сто (сто!!!) лет.

Актёрские работы все хороши, прекрасное взаимодействие, слаженная работа на сцене, необычные, сложные декорации и работа со светом. Никак не назовёшь «Эксперимент» любительским коллективом: многое зависит от энтузиазма актёров и уровня режиссёра. Мне сказали, что премьера «Зойкиной» прошла в апреле 2022, а до того два года ковида Рогозина занималась с актёрами по Зуму. Булгаков, я думаю, был бы от Зума в восхищении.

Если бы меня попросили выделить только одну находку в этом спектакле — я бы, конечно, назвал китайца Херувима (Улугбек) с его поразительной пластикой и достоверностью. «Китайщина» Булгакова условна, конечно, но и в ней передан уже какой-то евразийский демонизм, «жёлтая чума», не напрасно пугавшая и Владимира Соловьёва, и Блока, и Белого («виновны ль мы, что хрустнет ваш скелет?»...). Не зря Херувим, уже одетый в богдыханские шелка, зарезав тоскующего советского начальника Гуся (Александр Курапов), увозит в Шанхай прислугу Манюшку (Алла Фоксман) — тёзку блоковской Незнакомки.

Так заполняет Москву безумие, а НЭП очень скоро кончится, всех раскидает — немногих в Париж, многих в Гулаг. Да и Китай скоро будет на очереди, но Булгаков уже этого не увидит.

ТЕАТР «РЕЗОНАНС-СТУДИО» (Сиэтл, штат Вашингтон; режиссёр Неля Галиакбарова) поставил «Сказки на всякий случай» Евгения Клюева (р. 1954; с 1996 г. живёт в Дании). Всего четверо актёров (Вероника Чеснокова, Владимир Гребеник, Наталья Гребеник и Мара Савельева) энергично и упоённо представляли девять совершенно андерсеновских, а отчасти даже и кипплинговских по духу сказок. Я не был знаком с этими замечательными сказками, а они написаны уже давно (2004). В них оживают и действуют разнообразные предметы с торжественными именами-титулами: Маленький Старательный Веер; Чайный Пакетик; Шерстяной Плед, Отслуживший Своё; Разводной Мост... Сюжеты пересказывать нет смысла, тексты можно легко найти в интернете. Как любые хорошие авторские сказки, эти рассчитаны не только на детей — и чрезвычайно соблазнительны для постановки на сцене. Фантазия актёров «Резонанса», их работа с реквизитом неисчерпаемы и под стать фантазии автора. Я вспомнил мудрые и горькие басни Феликса Кривина, неожиданно для себя снова попал в хорошее Тюзовское детство и подумал: а может быть, вот здесь и есть возможный выход из дурной бесконечности, из имперской мясорубки: наполнить мир такими сказками? Неважно, на каком они языке, ведь и того же Андерсена необязательно читать по-датски. Сказки Клюева ставили многие театры и в метрополии... но помогло ли это? Может быть, таким текстам больше повезёт на сценах зарубежных, в исполнении и режиссуре свободных поколений?

Я должен привести здесь хотя бы один текст из недавнего клюевского цикла «Война детей» (10 ноября 2022):

Расскажи мне о мире
а гуляли мы в парке
когда было темно?
а какие обёртки
были у эскимо?
а зачем тогда санька
поругался со мной?
а зелёный мой зайка
правда был заводной?

а вот в этой вот книжке
были те же слова?
а убитой иришке
было три или два?
а мы жили в квартире
на каком этаже?
расскажи мне о мире
я не помню уже

Если наш язык выживет, он сохранится не только за счёт наследия Чехова и Булгакова, врачей-диагностов из давних времён — но прежде всего благодаря таким поэтам-сказочникам, как Клюев: тем, кто пишет по-новому на краю новой бездны. Мир наш изменился необратимо, и по-старому писать и показывать уже никак не получится.

Я благодарен всем участникам фестиваля за возможность снова заглянуть в чудесный мир театра.

21 ноября 2022

Хантингтон, Западная Виргиния

Яков ФРЕЙДИН

НА НАРАХ С ИМПЕРАТОРОМ

Первый раз в жизни я летел на самолёте, когда мне было девять лет. Впрочем, и для моих родителей это тоже был первый полёт, ибо регулярные пассажирские авиаперевозки в середине пятидесятых годов прошлого века только начинались. В той поездке для нас всё было внове: и серебристый двухмоторный пассажирский самолёт Ил-12, и вид в окошко на землю, которая далеко внизу медленно проплывала под ватными облаками, и несколько посадок на дозаправку за время десятичасового перелёта из Урала в Сочи, и леденцы, которые постоянно разносили милые стюардессы в элегантных костюмах. Однако, главные радости оказались уже после полёта: пропитанный ароматом цветов тёплый южный воздух, треск цикад, кипарисы вдоль дорог, невиданные мной до того фрукты, и самое чарующее — солёная морская вода, песчаный пляж с шуршащим прибоем и треугольные паруса, которые белели «одиноко в тумане моря голубом».

Поселились мы в пригороде Сочи у дяди Бориса, родного брата моей бабушки, в его маленькой двухкомнатной квартирке на втором этаже старого обветшавшего дома в километре от моря.

Дядя Борис был ещё крепкий мужчина лет шестидесяти с военной выправкой и совершенно лысой головой. В квартире мебели было мало: в гостиной — только потёртый кожаный диван, старый комод, стол и четыре шатких стула. На стенах висели в рамках поръжавевшие довоенные фотографии: на них я узнал ещё молодого дядю Борю с шевелюрой, в сапогах, в старомодной военной форме без погон, где на воротнике и рукавах гимнастёрки были видны три квадрата. Он стоял в группе со странными низкорослыми людьми, у которых были раскосые глаза; некоторые из них тоже были в военной форме, а на

других были фраки и шляпы-цилиндры. Дядя Боря объяснил мне, что это японские дипломаты.

Мне нравилось рассматривать эти диковинные снимки, но куда большей радостью для меня, девятилетнего, был японский полевой бинокль, с которым дядя Боря позволял мне играть, когда я с родителями возвращался на ужин после пляжного дня. Он сказал, что бинокль этот ему подарили в Токио двадцать лет назад, и это единственный сувенир, что у него сохранился из его японской жизни. Когда я спросил, почему же «единственный» и как так получилось, что двадцать лет назад он жил не в СССР, как вся наша родня, а в Японии, он лишь улыбнулся, потрепал меня по голове и перевёл разговор на другую тему. Впрочем, тогда ничего, кроме бинокля, меня не интересовало.

После той поездки в Сочи прошло около десяти лет, когда, уже будучи студентом, от своей бабушки Зины услышал я удивительную историю её брата. А затем утекло ещё более полувека, прежде чем мне, теперь пожилому американцу, пришла в голову мысль собрать воедино, что вспомнилось про необычную судьбу этого человека. Разумеется, ни моей бабушки, ни её брата, дяди Бориса, давно уж нет в живых, поэтому то, что я забыл или не знал, дополнил информацией, которую удалось найти в коробках со старыми семейными бумагами и фотографиями, да раскопать в книгах и на разных интернет-сайтах.

* * *

Мой двоюродный дедушка Борис родился на исходе 19-го века в городке Велиже, что в Смоленской губернии. Рос он в многодетной семье, был физически крепким, ловким мальчишкой, с детства отличался отчаянной храбростью и даже безрассудством. А вдобавок, был резв умом и без особых усилий мог входить в разговор на прежде незнакомом ему языке. Способности к языкам у него действительно были незаурядные, и ещё подростком он говорил по-русски и на идише, а кроме того: на немецком, польском, белорусском, украинском, а может, и на каких-то иных языках — сейчас уже не узнать. Когда началась 1-я Мировая, возраст у него как раз оказался призывным, его мобилизовали и отправили на германский фронт.

Воевал он смело, даже с каким-то озорным куражом, ходил в разведку, брал пленных и допрашивал на их родном языке, получил несколько боевых медалей. В 1917 году за отвагу и военную смекалку

был произведён в прапорщики — офицерский чин, что для некрещёного еврея было большой редкостью.

После большевистского переворота и окончания войны Борис вышел в отставку, уехал домой, женился и стал налаживать свою жизнь. Устроился учителем в школу, где преподавал немецкий и белорусский языки. Но учительствовать на гражданке долго не пришлось: в 23-м году его вызвали в местный отдел ГПУ и настоятельно порекомендовали пойти на службу в Красную армию — тогда «военспецы» были востребованы, а боевой опыт у бывшего прапорщика был немалый. Поди-ка откажись, когда ГПУ тебе «настоятельно рекомендует»! Пришлось согласиться. К его радости, получил направление не в действующую армию, а на учёбу — видимо, его способности к языкам были известны там, где знают всё про всех. Бориса направили в Москву, в Восточный отдел Военной Академии РККА, где он в течение трёх лет изучал японский и китайский языки, и вдобавок — различные военные науки.

После окончания Академии началась его долгая служба в Красной армии: сначала несколько лет в Хабаровске на границе с Китаем и в Приморском крае. Как переводчик провёл он года два в советском консульстве в Шанхае. В 33-м году Бориса направили служить в посольство в Токио: сначала техническим работником, потом военным советником, затем присвоили ему воинское звание полковника и назначили на ответственную должность военного атташе — третье лицо в посольстве после посла и первого секретаря, который в любом советском посольстве неофициально был резидентом иностранного отдела НКВД.

— Вы с японцами будьте настороже, — наставлял его посол Юрнев, — это вам не европейцы и даже не китайцы. Мне говорили, что вы хороший физиономист, но тут совсем другой коленкор — у японцев лица непроницаемые; в лице японца вы ничего не прочитаете и его не поймёте, а он в вашем — почти всё. Старайтесь работать деликатно, к вашим источникам относитесь уважительно и ни в коем случае не нарушайте их обычаи и традиции. В разговоре будьте с ними на равных, но очень почтительно, особенно со старшими по возрасту и званию; ведите себя как японец, они это оценят. Впрочем, поработаете у нас и сами поймёте. То, что вы говорите по-японски — большой плюс, они очень уважают тех, кто говорит на их языке и знает их историю, на этом и стройте доверительные отношения. Если вас позовут в ресторан или

в гости домой, непременно принимайте приглашение, только не идите туда с супругой. С жёнами у них не принято. И обязательно несите подарки. Поговорите с нашим хозяйственником, у него на посольском складе всякого добра полно. Матрёшки, шкатулки, уральские самоцветы..., но главное — всегда дарите икру, причём только чёрную, красной у японцев и без нас навалом. И водку нашу они весьма уважают. Да, вот ещё что: очень советую завести контакты с коллегами-атташе других посольств, особенно Италии, Германии и главное — Англии. Это на сегодняшний день наш главный противник.

Основной работой Бориса Абрамовича в Японии был сбор военной информации легальными и не очень способами. Кроме того, ему не раз приходилось выполнять деликатные задания московского начальства, вроде закладки в окрестностях Токио тайников для секретной передачи военным разведчикам-нелегалам радиоаппаратуры, шифров и денег. Служба была напряжённой и требовала крайней осторожности — японская контрразведка работала весьма эффективно и каждый «большеглазый», которых в Японии в те годы было ничтожно мало, всегда был на виду и под постоянным наблюдением. Впрочем, с японцами проблем было несравненно меньше, чем со своими, советскими. В недоброй памяти 1937 году в посольстве произвели грандиозную чистку, сменили без малого две трети персонала. Посла Юренева и первого секретаря отозвали в Москву и вскоре расстреляли.

Бориса тоже вызвали в Москву; там никого из прежнего начальства не застал — ежовская метла вычищала основательно и намертво. Две недели он тосковал в гостинице, ожидая ареста, но потом без каких-либо встреч или бесед новое руководство приказало ему возвращаться в Токио и продолжать службу в должности военного атташе. Работу свою он делал добросовестно, друзей-приятелей в посольстве не заводил, отношения с новыми сотрудниками были формальные — так спокойнее.

Чтобы яснее была политическая атмосфера того времени — вот короткий исторический экскурс. Великая Депрессия 1929 года жестоко ударила по японской экономике, что дало толчок старым милитаристским настроениям. Тяга к расширению границ империи и захвате источников сырья в 1931 году подтолкнула японцев к нападению на север Китая и созданию в Маньчжурии марионеточного государства Маньчжоу-Го со столицей в Чангчуне во главе с императором Пу-И. (Возможно, читатель помнит фильм

«Последний император», снятый в 1987 году знаменитым режиссёром Бертолуччи — там история незадачливого китайского императора была показана довольно правдиво).

Захват японцами Маньчжурии сильно не понравился Сталину. Он сам облизывался на этот лакомый кусок территории северного Китая, где жили многие выходцы из дореволюционной России, но в те годы противостоять Японии у него пока силёнок не хватало. Кремлёвский горец умел ждать подходящего момента.

С другой стороны, Германию тоже интересовал Китай и его северные провинции. Ещё в 1903 году немцы построили в городе Циндао пивоваренный завод, который работает до сего дня и делает отменное пиво. Широкомасштабное сотрудничество между Германией и Китаем началось в 1926 году, когда немцы стали помогать китайцам создавать тяжёлую индустрию. С приходом к власти Гитлера кооперация между этими странами резко возросла, в Китай были направлены немецкие инженеры и военные советники. Однако, всё пришло к полному краху, когда 7 июля 1937 года Квантунская армия Японии вторглась в Китай и началась Вторая японо-китайская война. Это стало началом 2-й Мировой войны на Востоке.

Гитлер прекрасно понимал, что Сталин хочет захватить страны Дальнего Востока и его немало беспокоила активность Коминтерна в Китае. Поэтому чтобы противостоять Советам и усилить там свою позицию, фюрер начал заигрывать с японцами. Результатом стало подписание в Берлине 25 ноября 1936 года антикоминтерновского пакта. Сталина такое положение дел весьма озаботило, и он решил показать зубы и японцам, и немцам. Ждать подходящего момента пришлось до лета 1939 года, когда Япония вторглась в Монголию — страну, которую Сталин считал своей вотчиной и плацдармом для завоевания Азии.

В августе 1939 года для подписания договора о «дружбе» в СССР должен был прилететь Риббентроп. Чтобы сделать немцев более податливыми и сговорчивыми, Сталин решил в те самые дни, когда Риббентроп будет в Москве, показать свою силу и крепко ударить по их союзнику. Войну Японии он не объявлял, дипломатические отношения не рвал, а намерился провести локальную «спецоперацию» против группировки японских войск у реки Халхин-Гол вблизи монгольской границы. Тем не менее, в историю эта сталинская «спецоперация» вошла как 2-я русско-японская война.

Ранее Борис получил шифровку из Москвы: срочно составить сводку о живой силе и вооружении японской армии у реки Халхин-Гол и лично доложить свои соображения по боеспособности императорской армии Японии. В конце июня он подготовил документы, передал текущие дела в посольстве своему заместителю Л. А. Мишину и вылетел в Монголию для доклада командующему группировкой советских войск комдиву Жукову. Борис встретился с командующими сообщил, что, по его сведениям, японский контингент в районе реки Халхин-Гол включает 28 тысяч человек, 87 танков и столько-то орудий тяжёлой артиллерии, самолётов, и другой техники.

Выслушав доклад, Жуков нахмурился и зло спросил:

— Ты с какой целью занижаешь цифры? Хочешь нас под удар подставить? Моя разведка доносит о ста тысячах, а ты несёшь какую-то чушь! На чью мельницу льёшь воду? Ты кому служишь, полковник?

Борис обиженно возразил:

— Я, как и вы, товарищ комдив, служу нашей стране и больше никому. Мои данные достоверные, получены из разных источников. Вот у меня здесь документы, можете посмотреть. Во всей Маньчжурии японцы держат около 100 тысяч штыков, так что в одном этом районе никак не может быть такого большого числа. Я уверен, 28 тысяч, не более этого. Головой ручаюсь...

Жуков был в ярости:

— Много на свою голову берёшь! Смотри, как бы её не потерять!

Доклад атташе путал его планы: обычным приёмом Жукова было сильно завышать силы противника, чтобы получить от Сталина больше солдат и техники. Этот полководец умел побеждать лишь при многократном превосходстве своих сил. Его беспокоило, что сводка военного атташе может попасть в Москву напрямую.

На следующее утро после доклада командующему Борис отправился на лётное поле, где его ждал самолёт для возвращения в Токио. Когда машина подъезжала к трапу, путь пересекла чёрная эмка, из неё вышли три сотрудника НКВД с пистолетами в руках, спросили имя и звание, а затем сказали, что он арестован. Обыскали, связали руки, посадили в самолёт и приказали пилоту лететь в Читу.

* * *

В читинской тюрьме у Бориса срезали с гимнастёрки знаки отличия, голову побрили наголо и отправили в одиночку, где продержали

без допросов более двух месяцев. Когда перевели в общую камеру, он узнал от заключённых о победе над японцами у Халхин-Гола и об успешной совместной «спецоперации» советских и германских войск по разделу Польши, которая стала началом 2-й Мировой войны в Европе.

В первых числах октября его поместили в следственный изолятор НКВД и на следующий день повели на допрос.

Конвойный ввёл Бориса в небольшой комнату и усадил на оклеенную медными уголками табуретку, что стояла перед письменным столом. Следователь курил «Беломор» и что-то писал, изредка окуная перо в чернильницу; на заключённого глаз не поднял. Борис молча его разглядывал. Это был младший лейтенант НКВД в застиранной гимнастёрке, молодой, ещё 30 лет, стрижка бобриком, скуластый. Через некоторое время он отложил ручку в сторону, потянулся, потом исподлобья взглянул на Бориса и не вынимая изо рта папиросу, сиплым голосом процедил:

— Ну что молчишь, падла? Будешь сам признаваться или мне с тобой поговорить по-нашему?

— В чём признаваться? — хмуро спросил Борис, — И потом, вы мне не «тыкайте», я вам не кум и не жена! Не знаете, как к старшему по званию обращаться?

— Что-о-о ты сказал, контра?! — взъярился следователь, от злобы у него даже руки затряслись, выскочил из-за стола, папироса выпала изо рта на пол, истерично закричал:

— Ты сволочь японская, предатель, а не старший по званию! Продажная тварь! Да таких, как ты, я каждый день пачками в расход пускаю! И тебя, гада, сейчас пристрелю, как собаку, вот и весь разговор! — он подбежал к Борису, выхватил из кобуры револьвер и приставил к его лбу.

Однако не учёл, что имеет дело не с обычным заключённым, а со старым солдатом, прошедшим огонь, воду и медные трубы. Борис ловко перехватил его руку с револьвером, быстро отвёл в сторону и тут же другой рукой выдернул из-под себя табуретку. Чёрной смертью массивная табуретка взвилась над головой следователя, прочертила в воздухе дугу и острый медный уголок, словно гарпун, врезался ему в висок. Следователь обмяк, повалился на пол, из проломленного черепа пульсирующее зафонтанировала кровь. Борис брезгливо оттолкнул тело ногой, подошёл к двери, открыл и крикнул:

— Конвойный, ко мне! Уберите покойника.

За убийство следователя Бориса перевели из следственного изолятора НКВД в читинскую городскую тюрьму, где содержали уголовников. Неожиданно это спасло ему жизнь — из «врага народа» и «шпиона» его переквалифицировали в уголовника-убийцу. Отношение Советской власти к таким было несравненно мягче, как к социально-близким, а потому вместо неминуемой пули в затылок получил он 15 лет за убийство. Отбывать срок ему определили в лагере Пивань, недалеко от Комсомольска-на-Амуре.

Среди зэков, а особенно уголовников, отношение к нему с первого дня стало уважительным, даже почтительным: убить на допросе следователя — это было круто, кто ещё мог похвалиться таким подвигом! В лагере провёл он без малого три года на общих работах: сначала в карьере махал кувалдой, потом гнул спину на камнедробилке у реки. После того, как Германия напала на СССР, в конце мая 42-го года на утренней поверке начальник лагеря обратился к заключённым, осуждённым по уголовным статьям:

— У вас появился редкий шанс искупить свою вину перед народом. Желаящие поедут на фронт защищать родину от немецко-фашистских захватчиков. Если будете воевать как положено и проявите себя с положительной стороны, срок будет сокращён или даже вовсе отменён. Это дело добровольное, никого принуждать не станем. Решайте сами. Кто согласен, шаг вперёд.

Борис вышел из строя первым, а за ним ещё несколько зэков. Так, в возрасте 46 лет началась его вторая фронтовая служба — снова рядовым, как и много лет назад на Первой Мировой, однако в этот раз воевать ему пришлось в штрафроте.

На фронт Борис попал в июле 1942 года; в роте был самым старым, остальные солдаты моложе лет на двадцать, а то и больше. Как правило, штрафников бросали в бой первыми, а за их спинами шли заградвзводы НКВД, которые для «подбодрения» штрафников стреляли поверх их голов или в грудь тем, кто поворачивал вспять и пытался отступить. Бывшие зэки обычно на рожон не лезли и в бой не рвались, а пытались залечь в окопах, надеясь переждать атаку. Но всё же, если заградотряды «подбадривали» или когда немцы наступали уж слишком активно, отлежаться не получалось, приходилось воевать всерьёз. «Страх сзади» побеждал «страх спереди», ибо от выстрелов «спереди» всё же был какой-то шанс остаться живым. Никто не шёл в бой с криками: «За родину, за Сталина!», как писали в армейских газетах, зато

по адресу родины и Сталина в воздухе висел такой густой мат, хоть ножом режь.

К Борису бойцы относились уважительно, называли его «батей» не только из-за возраста, а, главное, потому что был он много опытнее их всех, учил премудростям боя: как врага убить, а самому не погибнуть. В штрафротах выжить редко кому везло, смертность доходила до 90, а то и до 100 процентов, однако в роте, где служил Борис, из боя живыми возвращалась почти половина бойцов. За храбрость наградили его высшей солдатской медалью «За отвагу» и присвоили звание сержанта.

После ранения и месяца в госпитале в конце 42-года он опять попросился на фронт. В этот раз вместо штрафроты направили в штрафбатальон, Борис уже в офицерском звании младший лейтенант. А ещё через полгода, когда получил боевой орден «Красной звезды», с него сняли судимость, присвоили очередное звание и воевать он стал в регулярной армии.

Летом 1944 года уже в звании майора Борис командовал разведгруппой, что входила в состав 1-го Украинского фронта. В ходе одной дерзкой операции, которую он лично спланировал и провёл, ему удалось захватить в плен немецкого генерал-лейтенанта Рудольфа Бамлера и с ним целый комплект важных документов. После того, как он допросил генерала и послал рапорт в штаб фронта, ему поступило предписание доставить пленного во Львов.

Начальник штаба поехал с докладом к командующему маршалу Жукову и взял с собой Бориса. Маршал выслушал доклад, остался доволен и сказал, что за ценного «языка» Бориса представят к награде:

— Грамотно воюешь, майор, так держать! Можешь идти. Впрочем, постой, подойди-ка поближе. Что-то лицо твоё мне знакомо, мы раньше нигде не встречались?

— Так точно, товарищ маршал, встречались. Я у вас был с докладом пять лет назад на Халкин-Голе. Бывший военный атташе в Японии.

— Теперь вспомнил. Да, было такое дело, задали мы там япошкам жару...Ты с какого года?

— С девяносто шестого.

— Ровесник значит мой... Ну ладно, а почему до сих пор в майорах, ты тогда вроде полковником был. За что понизили?

— Так меня ещё там в Монголии разжаловали и посадили. Когда война началась, я попросился на фронт. Сперва воевал в штрафном, потом судимость сняли. Три месяца назад получил майора.

— Ну, кто старое помянет... Раз на фронте от рядового до майора дошёл, значит, заслужил. Вернём тебе прежнее звание. Можешь идти, полковник.

Войну Борис закончил в Праге и сразу после победы хотел демобилизоваться — уже пятьдесят годков на горизонте маячило, навоевался вдоволь, пора и мирной жизнью пожить. Но отставку у него не приняли и опять послали служить на Дальний Восток, так как его японский опыт и знание языков снова оказались востребованы. Дело в том, что ещё 13 апреля 1941 года между СССР и Японией был подписан пакт о ненападении, и все годы японская сторона это соглашение строго выполняла. Однако 8 августа 1945 года, через два дня после атомной бомбардировки Хиросимы Сталин пакт разорвал и объявил Японии войну. Война эта длилась совсем недолго, чуть меньше месяца. Маньчжурия была завоёвана, и 17 августа 1945 года в Мукдене советские войска взяли в плен Пу-И — последнего императора Китая.

* * *

— Собирайтесь, полковник, — сказал генерал-майор Притула, — нам с вами приказано явиться на совещание к командующему.

— О чём совещание, Александр Дорофеич, может, какие документы при себе иметь? — поинтересовался Борис.

— Мои десантники на прошлой неделе взяли в плен бывшего китайского императора, о нём и будет разговор. Детали узнаете на месте, ничего с собой брать не надо.

Командующий Забайкальским фронтом маршал Малиновский принял их в своём кабинете, предложил чай с бутербродами, потом сказал:

— Мы получили приказ Верховного прощупать настроение пленного Пу-И. Дело в том, что сейчас в Китае коммунисты враждуют с партией Гоминдан, или как их там — чёрт разберёт эти китайские названия. Вы, полковник, лучше меня понимаете. Короче говоря, стоит вопрос: которые из них сгодятся, чтобы после войны взять власть и руководить Китаем? На кого можно положиться: на коммунистов с их председателем Мао Цзе-Дуном или на эту партию Гоминдан с Чан Кай-Ши? Кто из них лучше? Кто хуже? Как говорит Верховный, проблема в том, что оба хуже — своиравные, хитрые. Верить им опасно. Возникла идея — а может, ни тот и ни другой? Что если вернуть на трон бывшего китайского императора, если, конечно, он окажется подходящей фигурой для наших целей? Лучше послушный император, чем

строптивный коммунист, тут вопросов нет. Загвоздка, однако — этот человек для нас тёмная лошадка. Мы тут с товарищами посоветовались и решили сделать вот что: поместим вас, полковник, к нему в камеру как заключённого. Вы имеете большой дипломатический опыт, говорите по-китайски, вам и карты в руки. Ваша задача: войти в доверие к Пу-И, прощупать его настроение и составить о нём мнение, что он за птица, надёжный ли человек, можно ли на него положиться в таком важном деле?

— Вы предлагаете мне стать «наседкой»..., стар я для таких дел, — хмуро проговорил Борис.

Маршал усмехнулся и уже мягче сказал:

— Борис Абрамович, вы неправильно понимаете суть операции. Тольке не нервничайте, а спокойно подумайте: это не следовательское, я бы сказал — аналитическое задание. Никакой информации от этого заключённого нам не нужно. Всё, что нам о нём интересно знать, знаем без вас, так что ваши моральные принципы не пострадают. Мы лишь хотим понять — годится ли он на роль руководителя Китая или нет? Это не приказ, я лично вас прошу: побудьте с ним какое-то время, потолкуйте по душам, узнайте его поближе, постарайтесь понять его характер, а когда разберётесь — доложите ваши соображения.

Переодетого в эковскую одежду Бориса ввели в камеру, где находился всего один заключённый. Камера была довольно просторная, у зарешёченного окна между двумя нарами стоял небольшой стол, на котором лежали книги и газеты на английском языке. Заключённый был худощавый китаец лет сорока, невысокого роста, с пухлыми губами и высоким лбом. На носу у него сидели толстостёклые очки. Борис поздоровался по-английски и молча сел на свои нары. Китаец ничего не ответил, лишь кивнул.

В первый день они не разговаривали; когда приносили еду, каждый, сидя на нарах, молча ел палочками из своей миски и наливал зелёный чай в свою эмалированную кружку из общего фарфорового чайника.

На второе утро Борис проснулся и увидел, что его титулованный сокамерник сидит на нарах у стола и читает американскую газету. Борис по-китайски пожелал ему доброго утра и спросил, какие новости в мире. Сокамерник удивлённо на него посмотрел, видно, не ожидал, что этот «большеглазый» говорит на его родном языке, вежливо ответил и мало-помалу между ними завязался разговор. Позже, когда они сошлись поближе, Пу-И сказал, что поскольку японский у Бориса

Император Пу-И на троне (1938) и в заключении в Китае (1956)

го детства, что в Пекине, что в Чангчуне, проходила будто в тюрьме, вот как сейчас. Разница только в уровне комфорта, а в остальном — то же самое...

В камере с бывшим императором Борис провёл две недели. Пу-И ему нравился: это был хорошо образованный, умный, хотя бесхитростный, даже наивный человек. Кроме китайского и японского, он свободно говорил по-английски. Почти вся его прошлая жизнь в Пекине и Маньчжурии до ареста прошла в «золотой клетке», и он мало понимал причины и реалии тех бурных событий, что происходили за пределами его ограниченного мира.

Когда миссия Бориса была окончена, он написал на имя Малиновского подробный рапорт, где изложил своё мнение:

Заключённый Пу-И по своим способностям, интересам и слабому характеру совершенно не годится для управления такой страной, как Китай. Кроме того, полагаю, что после жестокостей, которые в Китае творили японцы во время войны, многолетние связи Пу-И с Японией могут вызвать в китайском населении резкое неприятие.

В завершение этой истории добавлю, что бывшего императора Пу-И продержали в советской тюрьме до основания Китайской Народной Республики в 1949 году. После чего по приказу Сталина его передали Мао Цзе-Дуну. В Китае за сотрудничество с японцами его приговорили к 10 годам заключения.

Борис продолжал служить на Дальнем Востоке. Когда в 1948 году в СССР всколыхнулась антисемитская кампания и начали из армии изгонять офицеров-евреев, его отправили в отставку, чему он был даже рад; так что нет худа без добра. Поскольку он всегда мечтал жить у моря, уехал в Сочи. Там как ветерану войны через военкомат ему выделили двухкомнатную квартиру, где он и прожил до своей смерти в 1967 году.

Его бывший сокамерник и бывший император Пу-И умер в тот же год в пекинской больнице.

© *Jacob Fraden, 2022*

Рассказы и эссе Якова Фрейдина на его вебсайте: www.fraden.com

Семён РЕЗНИК ВЛАДИМИР КОВАЛЕВСКИЙ: ТРАГЕДИЯ НИГИЛИСТА

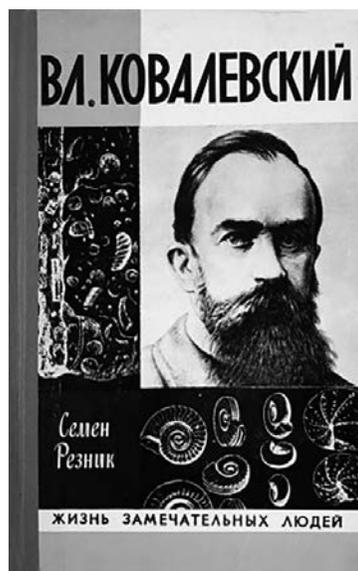

ОТ АВТОРА

В московском издательстве «Вест-Консалтинг» готовится к печати новое издание моей книги «Владимир Ковалевский: трагедия нигилиста». Первое издание вышло в далеком 1978 году в серии ЖЗЛ и давно стало библиографической редкостью. В предисловии к новому изданию кратко рассказано о том, почему и как задумывалась книга, как шла работа над ней, с какими препятствиями пришлось столкнуться при ее подготовке к печати.

Эпоху, в которую писалась книга, принято называть «застойной». По моему убеждению и личному опыту, никакого застоя «в стране победившего социализма» не было, а происходило перерождение официального, но обанкротившегося коммунистического мировоззрения в так называемый национал-патриотизм, суть которого проста, как мычание: у России «особый» путь, власть и народ едины, а подрывают единство евреи, масоны и прочие инородные элементы.

Серия ЖЗЛ шла в авангарде этого перерождения, во многом задавала ему тон, а личность героя моей книги никак этому тону не соответствовала.

Мало того, что Владимир Ковалевский бы убежденным сторонником Дарвина и внес выдающийся вклад в эволюционное учение, которое в России считалось «безнравственным» и почти крамольным. Ковалевский был активным участником освободительного движения, тесно сотрудничал с Герценом, Бакуниным, Добролюбовым, братьями Серно-Соловьевичами, другими опальными лидерами. Он основал издательство, которое выпускало в переводах книги ведущих ученых-просветителей Запада, благодаря чему они становились властителями дум российской молодежи, не желавшей жить по заветам «отцов». Ковалевский словом и делом боролся за женское равноправие. Он вступил в фиктивный брак с юной Софьей Корвин-Круковской, чтобы она могла выпорхнуть из «дворянского гнезда», получить полноценное образование и стать первой выдающейся женщиной-математиком Софьей Ковалевской.

Словом, главный герой моей книги — один из самых ярких представителей поколения нигилистов, которые отвергли догматы «православия-самодержавия-народности» и делали все возможное, чтобы их страна могла «присоединиться к человечеству», о чем поколением раньше мечтал Петр Чаадаев, объявленный за это умалишенным.

Думаю, что сегодня, когда российские национал-патриоты, возглавляемые чекистами, которые бывшими не бывают, привели страну к кровавой бойне с «братским народом» и противостоянию со всем цивилизованным миром, моя книга о Владимире Ковалевском является не менее актуальной, чем тогда, когда была написана, и чем тогда, когда жил и действовал ее главный герой. Все возвращается на круги своя.

Предлагаю вниманию читателей главу из этой книги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«МИЛЫЙ ДРУГ, СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА»

1

Поместье отставного генерал-лейтенанта Василия Васильевича Корвин-Круковского располагалось вдали от губернского города Витебска и даже от уездного — Невеля. Впоследствии железная дорога пролегла в шести верстах от Полибина, но в годы детства и молодости Софьи Васильевны, чтобы добраться, скажем, до Петербурга, приходилось шестьдесят вёрст ехать на своих лошадях до тракта, потом двести скакать на почтовых и лишь после этого — сутки ехать по железной дороге.

Софья Васильевна затруднялась сказать, «как, откуда и каким образом» проникли в её дом «новые идеи».

Имение у Корвин-Круковских было немалое; дом большой, добротный — с башней и широкими крыльями флигелей. А прямо за домом начинался лес — бескрайний, таинственный, обладавший странной магической силой: пугающей и вместе с тем манящей. Софья Васильевна на всю жизнь запомнила острый вкус лесной земляники, «поспевавшей в лесу, правда, несколько позднее, чем на лугах, но вознаграждавшей зато своим усиленным ароматом и сочностью»; запомнила сосны — «высокие, мрачные, с темно-коричневыми стволами, и прямые, как гигантские церковные свечи»; запомнила весёлые экспедиции в глубь осеннего леса за грибами...

Поодиночке в лес никогда не ходили: он был населён страшными существами. И хотя с русалками, лешими, разбойниками или беглыми солдатами (в их реальности никто не сомневался) сталкиваться в лесу не доводилось, дикие звери попадались часто. Встретить медведя в окрестностях Полибина можно было гораздо скорее, чем нового незнакомого человека.

И вдруг, «откуда ни возьмись, совсем рядом с ними (обитателями Полибина — *С.Р.*) объявились признаки какого-то странного брожения, которое, несомненно, подступало всё ближе и ближе и грозило подточиться под самый строй их тихой, патриархальной жизни. И не только с одной какой-нибудь стороны грозила опасность, она шла как будто разом, отовсюду».

Барский дом Корвин-Круковских.
Ныне дом-музей Софьи Ковалевской.

Так вспоминала Софья Васильевна. Она, впрочем, понимала, что появление «опасности» лишь казалось внезапным, ибо «таково уже свойство всякой переходной эпохи — оставлять по себе мало следов».

Поэтому как бы внезапно, как бы без всякой подготовки и переходов нахлынули в Полибино слухи о том, что чуть ли не во всех дворянских семьях родители ссорятся с детьми, девушки убегают из дому — кто за границу учиться, а кто, того хуже, в Петербург к нигилистам, в таинственную коммуну, где молодые люди живут и ведут хозяйство сообща, не держат прислуги, сами моют полы и чистят самовары.

Вскоре в Полибине появился и собственный нигилист — сын приходского священника.

Попович окончил семинарию, но, несмотря на уговоры отца, идти в священники наотрез отказался. Вместо этого он поступил на естественное отделение университета, а приехав домой в первые же каникулы, заявил, что человек происходит от обезьяны и что профессор Сеченов доказал, будто души нет, а есть рефлексы. Эти новости так поразили бедного батюшку, что он стал кропить сына святой водой.

В прежние годы попович с почтительным поклоном являлся в дом барина на все семейные праздники. Теперь же он, по выражению Софьи Васильевны, «блистал своим отсутствием» на первых же именинах, зато в неположенный день заявился к генералу «с визитом».

Желая проучить дерзкого юношу, Василий Васильевич передал ему через лакея, что принимает только по утрам, до часу. Попович не сконфузился и громко ответил:

— Скажи своему барину, что с этого дня ноги моей в его доме не будет!

Но всего поразительнее было то, что старшая дочь генерала Анята, узнав о случившемся, возбуждённая и раскрасневшаяся, вбежала к отцу и выпалила:

— Зачем ты, папа, обидел Алексея Филипповича? Это ужасно, это недостойно так обижать порядочного человека.

Испугавшись собственной смелости, Анята убежала в свою комнату. Но с этого момента раскололась жизнь в уютном полибинском гнезде. Конфликт «отцов и детей» разделил благополучный дом на два враждебных лагеря...

Маленькая Софа, по собственному признанию, испытывала к сестре сложное чувство, в котором безграничное восхищение, благоговение, горячая привязанность, готовность во всём беспрекословно ей подчиняться и подражать соседствовали с «крупницей зависти». Влияние Аняты «несравненно сильнее всех других влияний» отразилось на развитии и формировании Софы.

Анята была очень хороша собой: «Высоконожкая, стройная, с прекрасным цветом лица и массою белокурых волос, она могла назваться почти писаной красавицей, а кроме того, у неё было много своеобразного *charme*¹», как писала о ней сестра.

В деревню Корвин-Круковские переехали в 1858 году, когда Софе было всего восемь лет, но Анята уже миновала пору раннего детства. В Москве и Калуге, где до выхода в отставку служил Василий Васильевич, она неизменно царила на детских праздниках и балах.

— Нашу Аняту, когда она вырастет, хоть прямо во дворец вези. Она всякого царевича с ума сведёт, — нередко повторял отец, и, хотя он шутил, девочка принимала его слова всерьёз.

И вдруг очутилась в деревенской глуши, среди вековых сосен, безграмотных мужиков и медведей...

Правда, каждую зиму мать увозила Аняту в Петербург — погостить у многочисленных тётушек. Но месяц или полтора в столице проходили как миг, и снова «безлюдье, безделье, скука, скитание целыми часами из угла в угол по огромным комнатам полибинского дома».

Не зная, куда себя деть, Анята читала множество английских романов, благо, их хватало в полибинской библиотеке. «По счастью, — иронизировала Софья Васильевна, — никаких «дурных» романов у нас в доме не имелось, хотя в плохих и бездарных недостатка не было». Но романы лишь будоражили воображение девушки и заставляли ещё острее ощущать однообразие и пустоту своего существования. Анята подолгу просиживала у окна, о чём-то мечтая и ожидая «рыцаря». Из своей башни она видела далеко, и, когда на петляющей дороге показывалась тройка, сердце девушки сжималось от радостного волнения.

---

¹ Очарование, шарм (франц.).

Но если кто и подъезжал изредка к Полибину по пустынной дороге, то только исправник или акцизный чиновник...

Такой обрисована Аня в «Воспоминаниях» Софьи Ковалевской.

Впрочем, эти «Воспоминания» лишь с большой осторожностью можно использовать как документальный источник. Софья Васильевна ставила своей целью изобразить конфликт «отцов и детей», столь характерный для её поколения, а не рассказать о себе и своих близких со всей возможной пунктуальной точностью. Она заострила углы, обобщила виденное и пережитое, опустила важные события в жизни семьи, если они не «работали» на её замысел.

Домашним учителем Софьи и её младшего брата Феди был Иосиф Игнатьевич Малевич. Прежде Малевич служил у Семевских, чьё имение располагалось неподалёку от Полибина. Зимой 1862/63 года в родительском доме гостил бывший питомец Иосифа Игнатьевича Михаил Иванович Семевский — будущий писатель, историк и издатель журнала «Русская старина», а в то время вышедший в отставку офицер, преподаватель кадетского корпуса, опубликовавший всего один или два исторических рассказа, — словом, человек небогатый и с очень неопределённым будущим.

Малевич задумал устроить брак между бывшим учеником и Анной Васильевной, благо, молодые люди приглянулись друг другу. Но «сухой чопорный генерал» (так охарактеризован Василий Васильевич в воспоминаниях Семевского), дабы дело не зашло слишком далеко, отказал молодому человеку от дома.

Обо всём этом Софья Васильевна не написала ни слова.

Между тем Семевский нашёл в Аняте не только «стройную прекрасную блондинку с синими, иногда как бы зелёными, глазами и дивною волнистою косою». Первая же беседа с нею о литературе восхитила его. «Невольно дивишься, как под сенью деревенского дома, в глуши, в течение нескольких лет почти безвыездной жизни выросла такая прекрасная девушка; она вся дышит возвышенными идеалами жизни; чего-чего только она не перечитала на трёх, четырёх языках; какое близкое знакомство с историей, какая бойкость суждений в области философии и истории, и всё это проявляется в таких простых, очаровательных формах; и вас не гнетёт вся эта начитанность, вся эта вдумчивость в прочитанное и изученное».

Выходит, Анята читала не одни лишь пустые романы, и если её сестра умолчала об этом, то, конечно, не по забывчивости. Она ста-

ралась как можно ярче изобразить якобы внезапный перелом, происшедший в мечтательной деревенской барышне под влиянием молодого нигилиста-поповича.

По версии Софьи Васильевны, Аня стала искать встреч с поповичем в пику отцу, и вскоре уже прислуга говорила о том, как барышня гуляет по лесу с похожим на журавля студентом, который громко о чём-то разглагольствует, размахивает руками или читает что-то вслух из растрёпанной книжки.

Софья Васильевна рисует поповича нескладным, долговязым, с длинной жилистой шеей, с бледным, болезненным лицом, окаймлённым жидкой бородёнкой, с большими красными руками и плоскими, не всегда вычищенными ногтями. Ей важно подчеркнуть, что между Аней и молодым нигилистом не могло быть ничего «романтического», и, значит, попович заинтересовал девушку только потому, что «приехал из Петербурга и навёз оттуда самых что ни на есть новейших идей».

В Полибине получали солидные и степенные журналы — два иностранных и лишь один отечественный — конечно же, «Русский вестник» Каткова. Впрочем, в последний год, сделав уступку «духу времени», генерал подписался ещё на «Эпоху» Достоевского... А попович стал давать Ане «Современник», «Русское слово», однажды даже принёс номер запрещённого «Колокола».

Под влиянием всего этого Аня, по уверению её сестры, «изменилась даже наружно, стала одеваться просто, в чёрные платья с гладкими воротничками, и волосы стала зачёсывать назад, под сетку». О выездах, балах и прочей светской мишуре она отзывалась теперь с пренебрежением, зато по утрам собирала вокруг себя дворовых ребятишек и учила их читать, а встречая деревенских баб, останавливала их и о чём-то подолгу расспрашивала. И целыми ящиками выписывала книги, тратя на них все карманные деньги, да не романы, а «Физиологию жизни», «Историю цивилизации» и многие другие научные труды. У отца она стала требовать, чтобы он отпустил её в Петербург учиться. Генерал отшучивался, но Аня настаивала, и тогда он прикрикнул на неё:

— Если ты сама не понимаешь, что долг всякой порядочной девушки жить со своими родителями, пока она не выйдет замуж, то спорить с глупой девчонкой я не стану.

Однажды Аня зазвала к себе в комнату младшую сестру и, взяв с неё клятву молчать, показала письмо, которое потом Софа столько

раз перечитывала, что «почти слово в слово» смогла передать в своих «Воспоминаниях».

«Милостивая государыня Анна Васильевна! Письмо Ваше, полное такого милого и искреннего доверия ко мне, так меня заинтересовало, что я немедленно принялся за чтение присылаемого вами рассказа.

Признаюсь Вам, я начал читать не без тайного страха; нам, редакторам журналов, выпадает так часто на долю печальная обязанность разочаровывать молодых, начинающих писателей, присылающих нам свои первые литературные опыты на оценку. В Вашем случае мне это было бы очень прискорбно. Но, по мере того как я читал, страх мой рассеялся, и я всё более и более поддавался под обаяние той юношеской непосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми проникнут Ваш рассказ.

Вот эти-то качества так подкупают в Вас, что я боюсь, не нахожусь ли я теперь под их влиянием; поэтому я не смею ещё ответить категорически и беспристрастно на тот вопрос, который Вы мне ставите: «Разовьётся ли из Вас со временем крупная писательница?»

Одно скажу Вам: рассказ Ваш будет мною (и с большим удовольствием) напечатан в будущем же № моего журнала; что же касается Вашего вопроса, то посоветую Вам: пишите и работайте: остальное покажет время».

Под письмом стояла подпись: «Преданный Вам Фёдор Достоевский».

Софа долго не могла прийти в себя от изумления. Она знала, что Достоевский — один из самых выдающихся русских писателей. Что же общего может быть с ним у Анюты? Уж не дурачит ли её сестра, чтобы потом посмеяться над её доверчивостью?..

Но всё было истинной правдой. Втайне от всех Анюта написала небольшую повесть, отослала её в «Эпоху» и вот получила ответ от Достоевского.

Следом за первой в «Эпохе» появилась и вторая повесть Ю.О-ва (такой псевдоним избрала Анюта), но её секретная переписка с редактором продолжалась недолго. Одно из писем Фёдора Михайловича, как раз то, в котором он посылал Анюте гонорар, попало к отцу. Мысль о том, что дочь получает деньги от незнакомого мужчины, так потрясла генерала, что он чуть не упал в обморок.

— Теперь ты продаёшь свои повести, а придёт, пожалуй, время, и себя будешь продавать! — напустился он на Анюту.

Немного утихнув, генерал согласился простить дочь, если она обещает, что больше не будет писать. Анюта дать такое обещание отказалась. В конце концов генерал пошёл на уступки, позволил Анюте продолжать переписку с Достоевским (при условии, что письма будут проходить через его руки) и даже в очередной её приезд в Петербург — познакомиться с писателем... Однако, напутствуя перед отъездом жену, сопровождавшую дочь, он обеспокоенно говорил:

— Помни, Лиза, что на тебе будет лежать ответственность. Достоевский — человек не нашего общества. Что мы о нём знаем? Только что он журналист и бывший каторжник. Хорошая рекомендация! Нечего сказать! Надо быть с ним очень осторожным.

2

То была первая поездка к тётушкам, в которую взяли и Софу, так что знакомство Достоевского с Анютой состоялось на её глазах.

Разумеется, всё происходило в соответствии с инструкциями, данными генералом. Елизавета Фёдоровна ни на минуту не оставляла дочь наедине с гостем. То и дело под разными предлогами входили тётушки. Анюта злилась и упорно молчала. Достоевский конфузился, тоже злился и вскоре ушёл, а Анюта убежала к себе с рыданиями.

Но через несколько дней Фёдор Михайлович пришёл опять, и на этот раз ни матери, ни тётушек не оказалось дома. Одна лишь Софа могла видеть, с какою сердечностью протянул Фёдор Михайлович руку её сестре, как они уселись рядом на диване и заговорили, словно давнишние приятели...

Достоевский зачастил в дом на Васильевском острове, и причина объяснялась просто: немолодой, много переживший и передумавший писатель полюбил Анну Васильевну. Следствием же его визитов стала первая, ещё почти детская влюблённость пятнадцатилетней Софы.

Внимательно присматриваясь к Достоевскому, девочка подмечала, как он угрюмо молчит и поминутно делает неловкости, если застаёт у Корвин-Круковских кого-нибудь, и как преобразается, становится весёлым, остроумным, даже молодым, если сестры оказываются дома одни.

Чаще всего он говорил о нигилизме: тема эта у всех была на устах и очень волновала Фёдора Михайловича. С Анютой он не сходилась ни в одном пункте; они спорили, иногда даже ссорились и «в пылу спора

Анна Корвин-Круковская

высказывали взгляды более крайние, чем каких действительно придерживались», как замечала Софа.

— Вся теперешняя молодёжь тупа и недоразвита! — возбуждённо говорил Достоевский. — Для них всех смазные сапоги дороже Пушкина!

— Пушкин действительно устарел для нашего времени, — спокойно возражала Аня. Она знала, что ничто его не заденет так сильно, как пренебрежительное высказывание о Пушкине.

«Достоевский, — повествовала Софья Васильевна, — вне себя от гнева брал иногда шляпу и уходил, торжественно объявляя, что с нигилисткой спорить бесполезно и что ноги его больше у нас не будет. Но завтра он, разумеется, приходил опять, как ни в чём не бывало».

Фёдор Михайлович часто ставил Анюте в пример её младшую сестру. Он расхваливал ум Софы, её доброту, характер. Даже наружность угловатой девочки находил привлекательной, говоря, что у неё «цыганские» глаза. Софа расцветала от этих похвал. Приготовляясь ко сну (девушки спали в одной комнате), она пыталась завести с Аней интересный её разговор, но та, глядя «лукаво и загадочно», спрашивала невозмутимым тоном:

— А ты веришь, что Фёдор Михайлович находит тебя красивой, красивее меня?

Перед большим трюмо Аня неторопливо расчёсывала густые белокурые волосы: рядом с её отражением Софа видела свою собственную «маленькую, смуглую фигурку» и не могла не понимать, что сравнение не в её пользу. Но самоуверенный тон сестры сердил её, и она говорила упрямо:

— Бывают разные вкусы!

— Да, бывают странные вкусы! — словно поддразнивая её, невозмутимо соглашалась Аня.

Девушки задували свечу, и Софа, уткнувшись лицом в подушку, начинала «по машинальной детской привычке» молиться:

С. В. Ковалевская (Корвин-Круковская)

— Господи, боже мой! Пусть все, пусть весь мир восхищаются Анютой, — сделай только так, чтобы Фёдору Михайловичу я казалась самой хорошенькой!..

Каково же было её потрясение, когда за несколько дней до отъезда в деревню она услышала, как Достоевский говорит Анюте о своей любви!..

Софу охватили отчаяние, зависть, ревность... Она перестала разговаривать с Анютой, а потому не сразу узнала, что сестра отказала Достоевскому.

Взрослеющая Софа теперь ежегодно вместе с матерью и Анютой гостила у тётушек. Контраст между яркими вспышками впечатлений, какими дарили её кратковременные наезды в столицу, и томительно-долгим полибинским однообразием казался ей столь сильным, что стремление вырваться из деревни, разбуженное в её сердце старшей сестрой, превратилось в неколебимую решимость.

3

Отвергнутый Анютой в качестве жениха, но не друга, Достоевский продолжал переписываться с нею, давать ей литературные советы, бывать у Корвин-Круковских в следующие их приезды в Петербург.

Об Анне Васильевне Достоевский сохранил самое доброе мнение. Он считал, что она «чрезвычайно умна, развита, литературно образованна, и у неё доброе сердце», что «это девушка высоких нравственных качеств». Писатель, всей мощью своего громадного таланта обрушивавшийся на нигилизм, изображавший его как нечто мелкое, убудочное, нравственно уродливое, считал нигилистку «одной из лучших женщин», каких встречал в жизни.

Почти столь же высоко он отзывался, по крайней мере, ещё об одной нигилистке — Надежде Прокофьевне Суловой, с чьей старшей сестрой Аполлиinarieй, страстной, безрассудно увлекавшейся девушкой, сотканной из самых крайних противоречий, его в течение ряда лет связывал сложный, мучительный для обоих роман. Нередко после бурных сцен с возлюбленной Фёдор Михайлович, по его собственным словам, «отдыхал душой» у её младшей сестры. В Надежде Суловой он ценил целеустремлённость, трудолюбие, уравновешенный характер, верность своим жизненным идеалам. «Вы видели меня в самые

искренние мои мгновения, — писал ей Фёдор Михайлович. — Вы мне, как молодое, новое, дороги, кроме того, что я люблю Вас как самую любимую сестру». В декабре 1867 года Надежда выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и, защитив диссертацию, стала первой русской женщиной-врачом. Узнав об этом, Фёдор Михайлович с восторгом написал своей племяннице: «Это ещё очень молодая девушка — редкая личность, благородная, честная, высокая!»

Можно не сомневаться, что Достоевский не раз говорил о Надежде Сусловой у Корвин-Круковских и, вероятно, рассказывал Сусловой об Анне Васильевне и её младшей сестре. Всё это имеет самое прямое касательство к нашей теме, ибо именно у Надежды Владимир Ковалевский встретился с сёстрами Корвин-Круковскими.

Для обеих сторон то был подлинный подарок судьбы.

4

Для Анюты и особенно для юной восторженной Софы (ей в ту зиму 1868 года только исполнилось восемнадцать) Ковалевский был человеком из того далёкого и необычайно манящего мира, о котором они мечтали уже долгие годы. Много раз объездивший Европу; близко знавший таких легендарных для нигилистически настроенных барышень людей, как Герцен и Бакунин, как погибшие в Сибири поэт Михайлов и Николай Серно-Соловьевич, как Джузеппе Гарибальди, Чарлз Дарвин, Карл Фогт; известный издатель не каких-нибудь душещипательных романов, а солидных научных трудов, на которых воспитываются новые Базаровы и Рахметовы, и при всём том очень милый, необычайно живой, нисколько не заносчивый и, главное, готовый выволить их из полибинского заточения — таким предстал перед сёстрами Владимир Онуфриевич.

Девушки отправлялись якобы ко всеобщей, а сами ехали к Сусловой, у которой их уже поджидали все остальные участники «заговора», то есть, кроме Сусловой и Ковалевского, ещё Мария Александровна Бокова, принявшая горячее участие в судьбе сестёр.

После двух-трёх тайных свиданий «брат», как стали называть Ковалевского девушки, уточнил, что ему небезразлично, с которой из них идти под венец: он предпочитает младшую. Анюта в глубине души должна была оскорбиться, но виду не подала. «Жених», впрочем, разъяснил, что исходит из сугубо деловых соображений: если млад-

шая сестра «выйдет замуж», то родителям трудно будет препятствовать против того, чтобы с нею жила и старшая; следовательно, удастся обойтись без второго «жениха», тем более что такового пока нет на примете. Софа пришла в восторг от столь остроумной мысли одним выстрелом убить двух зайцев, да и Анюте возразить было нечего...

«Младшая, именно мой воробышек, такое существо, — писал Владимир Онуфриевич брату в Неаполь, — что я и описывать её не стану, потому что ты, естественно, подумаешь, что я увлечён. Довольно тебе того, что Мария Александровна (величайший женоненавистник) после двукратного свидания решительно влюбилась в неё, а Сулова не может говорить, не приходя в совершенный восторг [...]. Несмотря на свои 18 лет, воробышек образован великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой, причём проходит уже сферическую тригонометрию и интегралы, работает как муравей с утра до ночи и при всём этом жив, мил и очень хорош собой. Вообще это такое счастье свалилось на меня, что трудно себе представить».

Восторженное, радостное письмо... Но вот что озадачивает: в нём ни слова о том, что предстоящий брак фиктивен, и, значит, свалившееся счастье — призрачно.

Высказывалось предположение: умолчание вызвано тем, что Владимир Онуфриевич просил брата показать письмо Мечникову, который опять работал на Средиземном море вместе с Александром Онуфриевичем, а правду можно было доверить лишь самым близким людям.

Но ведь Мечников в это время — один из лучших друзей обоих Ковалевских, а не только Александра. За неосторожную свою причастность к слухам о «шпионстве» Владимира Онуфриевича он давно уже повинился и всячески старался загладить свою ошибку. Зимой 1867/68 года он жил в Петербурге у Владимира Онуфриевича, и они особенно сблизились.

Умолчание, на наш взгляд, вызвано вот чём.

Фиктивные браки, заключавшиеся с целью освободить девушек от родительской опеки, были в те годы хотя и нечасты, но вполне обычны. Молодые люди венчались, уезжали подальше, чаще всего за границу, где и разъезжались, свободные от каких-либо обязательств друг перед другом.

Но таков ли был уговор между Владимиром и Софьей?

«Я вам нужен столько же, сколько и вы мне, — писал Ковалевский сёстрам в первом же письме, — следовательно, и третировать меня следует *enconsequence*¹ и поручать всё, что вздумаете, не опасаясь затруднять; я работаю тут столько же для вас, как и для себя лично». Эти строки вызваны не простой деликатностью. В том же письме читаем: «Право, знакомство с вами заставляет меня верить в *Wahlverwandschaft*,² до такой степени быстро, скоро и истинно успели мы сойтись и, с моей стороны по крайней мере, подружиться. Последние два года я от одиночества, да и по другим обстоятельствам сделался таким скорпионом и нелюдимым, что знакомство с вами и все последствия, которые оно необходимо повлечёт за собою, представляются мне каким-то невероятным сном. Вместо будущей хандры у меня начинают появляться хорошие радужные ожидания, и как я ни отвык увлекаться, но теперь поневоле рисую себе в нашем общем будущем много радостного и хорошего».

Выходит, союз между Владимиром и Софьей не очень-то походил на фиктивный брак в общепринятом смысле!

Нет, истинно супружеских отношений не предполагалось. Но всё же речь шла об «общем будущем», и Ковалевский связывал с ним важные перемены в своей судьбе. Не так-то просто было объяснить всё это в торопливом послании брату! Не потому ли он счёл за лучшее вообще не затрагивать эту тему?

Зато в письмах к сёстрам он с воодушевлением расписывал рисовавшееся в его воображении свободное трудовое братство, основанное на общности идеалов и взаимной дружеской привязанности.

На первое место в братстве он ставил, конечно же, своего «воробышка», полагая, что Софья Васильевна станет превосходным доктором или ученым-естествоиспытателем. Анне Васильевне он пророчил будущее талантливой писательницы. Сулова и Бокова, само собой, были врачами. Кроме того, в братство должен был войти Сеченов, который «всегда останется (для одних) или сделается (для других) нашим общим и лучшим другом». Себе же Ковалевский отводил скромную роль особого связующего всех членов братства цемента. В этом он видел «блестящее условие для счастья», для «хорошей и дельной работы в будущем».

---

¹ Соответственно (*франц.*).

² Сродство душ (*нем.*).

Нетрудно, однако, обнаружить недоговорённость, с самого начала возникшую между «женихом» и «невестой», ибо ни он, ни она не признавались друг другу и даже самим себе, что их связывают не только «идейные» побуждения.

В полибинском уединении сёстры часто мечтали о жизни, наполненной радостями полезного труда и аскетического самоограничения. Аскетизм занимал особенно важное место в их проектах. Софа рисовала в своём воображении бедную комнатуху в Гейдельберге (почему-то именно в Гейдельберге), в которой она сидит дни и ночи до полного изнурения, постигая премудрости университетской науки. При этом она учится не математике, которую слишком сильно любила и потому заниматься ею считала непозволительной роскошью, а обязательно медицине. А потом, став доктором, едет в Сибирь, чтобы там, преодолевая немислимые трудности и испытывая горькие разочарования, облегчить страдания самым несчастным и обездоленным людям на свете — каторжникам и ссыльнопоселенцам...

В этих романтических мечтаниях своеобразно преломились убеждения, воспринятые от Достоевского с его «Записками из мёртвого дома» и проповедью милосердного сострадания к Униженным и Оскорблённым, и символ веры нигилистов, то есть крайний утилитаризм, проповедовавшийся Писаревым, Зайцевым и их единомышленниками, которые выше науки, выше искусства ставили непосредственную сиюминутную «пользу».

Узнав о планах «воробышка», Владимир Онуфриевич несколько не усомнился в их осуществимости и одобрил целиком и полностью. Он посчитал, что «жизнь этого рода сформирует её характер», а о братстве тотчас забыл и решил вместе с Софой ехать за границу и тоже заняться науками — геологией, физикой и ботаникой. На то, что из него ещё может выйти естествоиспытатель-теоретик, как его брат или Мечников, он уже не рассчитывал и хотел лишь подготовиться «школьно», чтобы затем поехать в Сибирь или на Дальний Восток и стать исследователем Камчатки, Уссурийского края, южной границы Сибири, то есть быть поближе к «воробышку».

Сообщая обо всем этом брату, он, правда, добавлял: «А впрочем, кто знает, может быть, найдутся способности заниматься научно». (Описание малоизученных земель он, как видим, не относил к «истинно научной» работе).

Однако то, каким станет их совместное будущее, ни «невеста», ни «жених» не могли обсуждать всерьёз, ибо пока что им предстояло осуществить на деле саму его возможность, то есть устранить препятствия на пути к венчанию.

Прежде всего им требовалось найти способ встретиться «в свете», чтобы познакомиться официально. Тут же нужно было произвести друг на друга «впечатление», так, чтобы последовало приглашение Ковалевскому бывать у Корвин-Круковских. Затем должны были начаться «бывания». В короткий срок, ибо весной генеральское семейство, как обычно, отбывало в деревню, следовало разыграть взаимное сближение, возрастающую симпатию, взаимное увлечение, после чего уже естественно бы выглядело официальное предложение...

Когда всё это было безукоризненно разыграно, позади осталось лишь первое, и самое лёгкое, действие спектакля. Ибо родителям никак не могло понравиться, что младшая дочь выходит замуж раньше старшей. Добро бы, подвернулась очень уж выгодная партия! Но дело обстояло как раз напротив. Ведь ОН был титулярный советник — в таком именно чине Владимир Онуфриевич вышел в отставку из Департамента герольдии. А ОНА — генеральская дочь!

Словом, молодые люди ждали от Василия Васильевича непреклонного отказа. И решили попросту убежать вместе — Софа была к этому вполне готова, Владимиру же было «всё равно».

Однако генерал применил другую тактику. Он «прикинулся цивилизованным», как писал Ковалевский брату, и заверил жениха, что «всегда подчинится желанию дочери». Но Софа ещё совсем дитя, со светски любезной улыбкой говорил будущий тесть Ковалевскому. И они все скоро уезжают в деревню. Разумеется, Владимир Онуфриевич у них всегда желанный гость. Пусть приедет, поживёт у них, они лучше познакомятся...

Такая неопределённость спутала планы. Тем более что побег и связанный с ним скандал представлялись романтически настроенной девушке куда более заманчивыми, чем обычное ухаживание и венчание. А кроме того, она ни на минуту не сомневалась, что отец хитрит; от матери и сестры она знала: в разговорах с ними он не скрывает, что готов пойти на всё, чтобы не допустить этого брака.

Приходилось вести себя очень обдуманно, осторожно и вместе с тем решительно. И надо сказать, «жених» и «невеста» безукоризненно исполнили роли и во втором действии спектакля.

Впрочем, их подолгу оставляли вдвоём, и, чтобы уйма времени, которое им «положено» было проводить вместе, не пропадала зря, Владимир Онуфриевич стал заниматься вместе с невестою. За короткий срок с его помощью она освоила по трём иностранным руководствам физиологию кровообращения и дыхания. Что касается других наук, то, как писал он брату, «разные химические факты уже известны ей, а физику она знает, конечно, в сто раз лучше моего».

Софья Васильевна взяла на себя часть издательской работы «жениха» и выполняла её так, что Владимир Онуфриевич пришёл в восхищение. О чём бы ни заговорил он с «невестой», она обнаруживала поразительную сообразительность и осведомлённость. «Я со всей своей опытностью в жизни, с начитанностью и натёртостью не могу и в половину так быстро схватывать и разбирать разные политические и экономические вопросы, как она — и будь уверен, что это не увлечение, а холодный разбор, — писал он брату. — Я думаю, что эта встреча сделает из меня порядочного человека, что я брошу издательство и стану заниматься, хотя не могу скрыть от себя, что это натура в тысячу раз умнее и талантливее меня. Об прилежании я уже не говорю, она, как говорят, сидит в деревне по 12 часов, не разгибая спины, и, насколько я видел здесь, способна работать так, как я и понятия не имею. Вообще это маленький феномен, и за что он мне попался, я не могу сообразить».

Между тем старый генерал, разработав план отступления на заранее подготовленные полибинские позиции, не думал капитулировать. «Жених» видел, что, «будучи вежлив наружно», он «зол в душе до бешенства, и это всё усиливается с каждым днём». Разумеется, Софа и Владимир старательно не замечали этого и держались так, «будто никаких сомнений относительно брака и существовать не может». Однако Василий Васильевич уехал в деревню (семья осталась ещё на месяц), так и не назначив дня свадьбы.

Кульминационная сцена произошла накануне отъезда девушек и их матери, когда «невеста» решила «крупно компрометироваться» и убежала к своему «жениху». Примчавшейся наутро до смерти перепуганной Елизавете Фёдоровне она заявила, что никуда от суженого не уедет. Последовали уговоры, упрёки, рыдания, словом, всё разыгралось, как по нотам. Софа дала себя увезти, но прежде заручилась обещанием, что венчание состоится осенью.

Скандал, однако, получился не таким громким, чтобы вынудить генерала сложить оружие, и в деревне, куда «жених» не замедлил явиться, всё началось сначала. «Я лично, конечно, доволен, что вижусь с нею, — писал Владимир Онуфриевич брату 28 июня 1868 года, — но дела наши идут совсем не блестящим образом, и я никак не могу добиться срока свадьбы. Мне бы и ей самой хотелось покончить всё к сентябрю месяцу».

Впрочем, Владимир Онуфриевич никогда, кажется, не был так доволен и счастлив.

Сёстры вставали в шесть утра, и он поднимался вместе с ними. Все трое отправлялись на речку купаться, потом пили чай и с восьми часов садились заниматься: Анюта писала в своей «башне» очередную повесть или комедию¹, а Софа час или два учила «жениха» математике, после чего шли уроки физиологии и физики. Занятия длились без перерыва до двух часов. «Затем обедаем, бездельничаем, гуляем, купаемся и я езжу верхом», — сообщал Владимир Онуфриевич брату.

Чтобы окончательно сломить генеральское упорство, «жених» выставлял последний довод. Заграничная командировка его брата заканчивалась. В сентябре Александр Онуфриевич приступал к чтению лекций в Казанском университете в качестве экстраординарного профессора. Поэтому свадьба должна состояться в конце августа или начале сентября — иначе брат, единственный близкий «жениху» человек, не сможет на ней присутствовать.

По всем правилам «доброе старое времени» аргумент был весомым, и, видя, что расстроить свадьбу всё равно не удастся, генерал назначил её на 11 сентября.

6

Добившись своего, Владимир Онуфриевич поспешил уехать из Полибина, ибо в Петербурге у него скопилось множество дел. Во-первых, он изрядно запустил издательство. Во-вторых, нужно было подыскать квартиру, так как стало ясно, что сразу после свадьбы уехать за границу им не удастся. А главное... Главное состояло в том, что чем ближе становился день свадьбы, тем больше беспокоила Софу судьба Анюты. «Обскакав» старшую сестру, она испытывала

---

¹ Произведения, которые в это время писала Анна Васильевна, не сохранились, но упоминания о них имеются в переписке.

теперь перед ней некоторую виноватость. Отпустят ли её в Петербург, было неясно: гораздо надёжнее представлялось подыскать и ей подходящего «жениха». И потом, Софе очень важно было устроить судьбу ещё двух девушек — своей кузины Жанны Евреиновой и Жанниной кузины Юлии Лермонтовой.

Будучи всего на год младше Анюты, Жанна давно и прочно сдружилась с нею. Она пыталась самостоятельно заниматься древними и новыми языками, историей, социологией, правом, политической экономией, но отец её, комендант Петергофского дворца, велел дочери присутствовать чуть ли не на всех придворных балах и обедах, участвовать в торжествах и празднествах двора. Жанна жаловалась на скуку этих увеселений и на то, что они почти не оставляют времени для занятий. Ей как воздух нужна была свобода, которую мог принести только фиктивный брак.

Жанна, как и Анюта, привыкла свысока смотреть на «воробышка», и теперь, став официально невестой, Софа преисполнилась гордости от сознания, что может оказаться освободительницей старших сестёр. Она ощущала себя чуть ли не центром всего женского движения и в мечтах своих «развивала» и «избавляла» многих девушек.

С Юлией Лермонтовой Софа даже не была знакома, знала о ней от Жанны.

Отец Юлии, троюродный брат поэта, генерал, начальник кадетского корпуса, был фигурой влиятельной в московском высшем обществе. А дочь его избегала общества, предпочитала уединение, много занималась естественными науками, особенно химией. Как же было Софе не попытаться устроить и её судьбу!..

Словом, едва Владимир Онуфриевич вернулся в столицу, как «невеста» стала бомбардировать его письмами: «Главный интерес теперь для нас, разумеется, в хороших людях или, как вы их называете, консервах», — повторяла она почти в каждом письме.

В августе Анюта с матерью отправилась в Петербург — шить невесте подвенечные наряды; Софе очень хотелось, чтобы к этому времени хоть один «консерв» был подыскан, и Анюта могла бы с ним познакомиться.

В ответ Ковалевский сообщил о «двух докторях», чем несказанно обрадовал её. Но оба кандидата почему-то отпали.

Сёстры рассчитывали на Сеченова.

Зимой Иван Михайлович находился за границей, но теперь вернулся в Петербург. Состоя с Марией Александровной в гражданском браке, он формально оставался холостяком.

Конечно, объяснить Сеченову, какие на него виды, можно было лишь с согласия Марии Александровны. Но Мария Александровна, сочувствуя стремлениям сестёр, держала себя так, будто от неё вовсе не зависит устройство Анютиной судьбы.

...Сеченов не одобрил проектов Софьи Васильевны, о которых ему рассказал Ковалевский. Иван Михайлович говорил, что в Гейдельбергский университет женщину не допустят и вообще всё обстоит много сложнее, чем представляется её наивной фантазии.

О том, как смотрит на вещи Иван Михайлович, Ковалевский поспешил сообщить в Полибино. Но Софу ничто не могло обескуражить.

«Мне кажется, что Сеченов каркает, как ворона, и только предсказывает нам всякие гадости просто из зависти, — писала она полшутливо жениху. — Пожалуйста, не верьте ему, мой хороший брат. Вы увидите, как хорошо это у нас всё пойдёт, и Марию Александровну ещё к нам перетащим, а Сеченова женим на Анюте или на Лермонтовой или на другой, но от судьбы ему не уйти».

7

Венчание состоялось в Полибине не 11, а 15 сентября — по желанию Софы, захотевшей провести несколько лишних дней с приехавшими в деревню Анютой и Жанной Евреиновой. Главный виновник ускорения свадьбы — Александр Онуфриевич — не явился. Он увлёкся исследованиями заинтересовавшего его вида червей и остался ещё на месяц за границей, за что Владимир шутливо выразил ему «полнейшую свою ненависть», а Софа — лёгкий укор.

«Мы Вас очень, очень ждали к свадьбе, и мне очень жаль, что Вы изменили нам из-за червей», — приписала она к письму мужа.

8

В 12 часов дня 17 сентября 1868 года Софья Васильевна Ковалевская (отныне и навсегда — Ковалевская!) впервые приехала в Петербург «не в гости, а домой, для начала хорошей труженической жизни», о какой она мечтала долгие годы вместе с сестрой.

Огромную светлую квартиру из шести больших, с высокими потолками и огромными окнами, комнат, заблаговременно снятую Влади-

миром Онуфриевичем, к приезду молодых тщательно убрала Мария Александровна Бокова. Войдя, Софа ахнула:

— Где моя тёмная маленькая гейдельбергская келья?

А на следующее утро госпожа Ковалевская, внутренне трепеща, отправилась в сопровождении мужа на лекцию Сеченова в Медико-хирургическую академию.

К счастью, всё прошло хорошо: никто из начальственных лиц её не заметил, студенты же делали вид, что появление в аудитории женщины их нисколько не удивляет. Они, как писала Софа сестре, «вели себя превосходно и не глазели».

С Сеченовым и Марией Александровной виделись почти ежедневно, и они настойчиво отговаривали Софу ехать в Гейдельберг. Иван Михайлович рассказывал о консервативных нравах тамошнего университета и предупреждал, что преодолеть их будет очень трудно или даже невозможно. Он, вероятно, предлагал Цюрих, где с успехом закончила курс Сулова, куда теперь по её примеру собиралась-таки ехать Мария Александровна и где училось восемь русских женщин. Но Софа не желала расставаться со своей мечтой. Она ощущала себя Колумбом; её не соблазнили пути, проложенные до неё другими.

Вслед за Сеченовым и профессор Грубер согласился допустить Софу к лекциям и занятиям в анатомическом театре, но поставил условие: Ковалевская должна представить свидетельство о том, что посещает курсы акушерства. Таковы установленные начальством правила, пояснил Грубер, и он не намерен их нарушать. Софа опасалась, что ради свидетельства ей и вправду придётся поступать на акушерские курсы, но Пётр Иванович Боков помог достать «липу». Благодаря ему же Ковалевские раздобыли скелет, который занял почётный угол в спальне Софы. «Теперь я изучаю череп, — писала она сестре. — Кто бы мог подумать, что такая у нас чепуха в голове».

Просто оказалось договориться с Мечниковым. Он вернулся из-за границы, чтобы читать зоологию беспозвоночных в Петербургском университете, где был избран доцентом. Хотя Мечников скептически относился к «учёным женщинам», он охотно разрешил Софье Васильевне присутствовать на своих лекциях и вызвался похлопотать за неё перед физиками.

Однако профессор физики Фёдор Фомич Петрушевский ни за что не соглашался пойти против «правил». Один из крупнейших физиков России показался Софе «очень неинтересным господином». И совер-

шенно понятно — почему. К её просьбам профессор остался непреклонен. Пустить женщину на лекции или на занятия в кабинете, уверял он, не в его власти. Он лично ничего не имеет против, но существует закон, и нарушить его он не может.

Только когда Софья Васильевна сказала, что её муж знаком с ассистентом профессора Фан-дер-Флитом, Петрушевский пошёл на маленькую уступку. Если Флит возьмёт на себя ответственность, сказал профессор, он не станет возражать против того, чтобы госпожа Ковалевская, вместе с мужем, разумеется, в свободное от занятий время, то есть по воскресеньям, знакомилась с демонстрациями опытов в кабинете.

Ковалевские не мешкая помчались к Флиту, поймали его с женой выходящими из дому, вернули и тотчас договорились обо всём. И разумеется, Флиты очень понравились Софе. «Он совершенная пышка, — писала она сестре, — только очень чёрный, а она, известная в нигилистическом кружке как «кроткая Полянька», очень милая нигилистка и занимается акушерством».

По рекомендации Флита частные лекции физики Ковалевским стал читать «какой-то г-н Шведов» (впоследствии профессор Новороссийского университета), но «мы все трое перессорились по двое», после чего Софья Васильевна попросила, чтобы уроки давал ей Александр Николаевич Страннолюбский — двадцатидевятилетний морской офицер, превосходный педагог, организатор одной из первых бесплатных школ, поборник женского образования, который занимался с нею также математикой и нравился ученице даже больше, чем Сеченов. «В нём гораздо больше энтузиазма, теплоты, веры, а Сеч[енов], кажется, уже порядочно поостыл», — делилась она с сестрой.

И ещё она самостоятельно готовилась по истории, географии и другим предметам, чтобы сдать экзамены за гимназический курс...

Требовались большая самодисциплина, выдержка, настойчивость, но всех этих качеств полибинской барышне было не занимать. Словом, ребячьи мечты Софьи Васильевны сбывались, словно по волшебству, и она чувствовала бы себя беспредельно счастливой, если бы не тень оставленной в деревне сестры, которая стояла перед её мысленным взором как лёгкий укор до той поры ничем ещё не отягощавшейся девичьей совести.

Поднимаясь ежедневно в семь или в половине седьмого утра и занимаясь до позднего вечера, Софа почти ежедневно засиживалась далеко за полночь, чтобы настрочить огромное — на 10–12 страницах — письмо сестре. Эти послания — не только подробный дневник всего происходившего в её «новой жизни», но и зеркало её души.

«Милая Анюта, теперь ты мне нужна больше, чем когда-либо, — писала она в первый же день своего приезда в столицу, — пиши мне, дорогая моя, больше, больше; мысль о тебе не должна оставлять меня ни на минуту; я знаю, что тебе очень, очень тяжело, но ради Христа, люби меня крепче, крепче; ведь не моя вина, что я счастлива и не равнодушна к этому счастью».

Чем радостнее, чем счастливее была Софа, тем более виноватой чувствовала она себя перед сестрой и с тем большим рвением искала способ её «освобождения». Только теперь она по-настоящему поняла, как близка и как необходима ей Анюта, которую она называла своей духовной матерью.

«Хоть я и увлекаюсь этим счастьем и искренно привязана к моим новым друзьям, — признавалась она в одном из посланий, — но всё-таки никогда не бываю вполне удовлетворена и даже в счастливейшие минуты чувствую, что долго это не должно продолжаться и что это только переходное и тяжёлое состояние. Никогда в жизни я не чувствовала того, что теперь; мне кажется, что это и действует, и говорит, и веселится, и даже учится кто-то другой, а моё прежнее сокровенное «я» не причастно ко всему этому и даже протестует против этого».

Дружнее всего Ковалевские с Сеченовыми. Мария Александровна то и дело приглашает их на обед и сама — одна или с Иваном Михайловичем — проводит у них длинные вечера. Софа для них, как и прежде, милый очаровательный храбрый воробышек, и они буквально окутывают её вниманием, предупредительностью, лаской. Но только смятение вносят в её неопытную душу.

Ведь как просто всё могло устроиться, по мнению восемнадцатилетней мечтательницы! Мария Александровна и Сеченов — люди «идейные», показавшие себя борцами за женское равноправие. Ходят даже упорные слухи, что это их и Петра Ивановича Бокова вывел в романе «Что делать?» Чернышевский под именами Кирсанова, Веры Павловны и Лопухова. Почему же не обвенчаться Ивану Михайловичу

с Анютой? Мария Александровна повенчана же с Боковым — разве это мешает её счастью? Но...

«Ты не поверишь, как тяжело мне с Марией Александровной, — писала Софа сестре. — Она положительно не желает этого исхода и, очевидно, избегает даже каждого намёка на это и не допускает мысли, что они могут быть нам полезны; а в разговорах о тебе делает вид, что принимает их только за теоретические рассуждения».

«Делает вид», то есть хитрит, говорит неискренне!.. Это больше всего обескураживает Софу и возмущает Владимира, хотя внешне отношения остаются самыми сердечными. В конце концов Софья Васильевна приходит к мысли, что так даже лучше, ибо «тяжело принимать услуги от людей, с которыми никогда не сойдёшься вполне».

«В них и в нас есть какие-то два совершенно различных начала, — поясняла она в другом письме, — и мы совершенно никогда не сойдёмся с ними, хотя и они и мы хорошие люди». Да, оказывается, недостаточно быть только «хорошими людьми», чтобы «сойтись совершенно». Ибо в невыдуманной, не пригрезившейся в мечтах барышни-идеалистки, а в настоящей, всамделишной жизни самые «хорошие люди» не всегда способны поступать по готовым рецептам, даже если эти рецепты предложены их кумиром, автором романа «Что делать?».

Герои романа поступили бы именно так, как хотелось Софе. Но та, кого считали прототипом главной героини, вовсе не безразлична была к двусмысленности своего положения, хотя и старалась этого не показывать. Она надеялась когда-нибудь оформить развод с Боковым и «по всем правилам» обвенчаться с Иваном Михайловичем. Так неужели же она могла добровольно согласиться на то, чтобы хлопотать в будущем о двух разводах? И потом... Вот Ковалевский ещё недавно оказывал ей пусть полушутливо, но всё же столь подчёркнуто своё внимание, что даже вызвал ревность Ивана Михайловича. И вдруг потерял голову из-за «воробышка»!.. Так была ли бы спокойна Мария Александровна, если бы Иван Михайлович стал официальным женихом такой оболстительной девушки, как Анюта? Кому-кому, а ей хорошо известно, как легко фиктивный брак может превратиться в действительный...

Чем меньше оставалось надежд на Сеченова, тем с большим вниманием присматривалась Софья Васильевна к другим мужчинам, с которыми в «новой жизни» ей приходилось знакомиться.

Мечников при первой встрече «очень не понравился» Софе, и причина ясна из её письма сестре: «надежд на него никаких не может

быть; всё время толковал о семейном счастье etc., следовательно, я и немного внимания на него обращала».

Зато «брат брата», то есть Александр Онуфриевич, приехавший, наконец, из-за границы с женой и маленькой дочкой, произвёл на неё наилучшее впечатление: «лицо у него и все манеры до крайности симпатичны». От её пронизательного взора не ускользнуло, что «в жизни он далеко не должен быть приятного нрава и вообще нелепый человек во многих отношениях». И всё же он ей «очень понравился».

Во-первых, Софа сочла, что он «нигилист сильный», ибо то ли в шутку, то ли всерьёз посоветовал ей «переодеться мальчиком», если её не станут пускать на лекции. А во-вторых... Хотя со своей женой Татьяной Кирилловной Семёновой Александр Онуфриевич принципиально не венчался, но, имея уже дочку и отправляясь на жительство в Казань, в женихи Анюте заведомо не годился. С ним не могло быть связано никаких надежд, а значит, и никаких разочарований...

Но ближе всех Софье Васильевне её собственный «освободитель», её «брат», Владимир Онуфриевич.

Ковалевский пускал в ход все свои связи, чтобы Софа получала разрешения посещать лекции, кабинеты, лаборатории в университете и Медико-хирургической академии. Он с готовностью бегал по городу с её поручениями, предупреждал её мелкие желания и капризы. Он бывал порой даже немного докучлив, когда заставлял по утрам делать гимнастику или торопил заканчивать письма сестре, над которыми она засиживалась слишком поздно, — но и эта докучливость была приятна ей.

А главное, он вполне разделял её беспокойство об Анюте и с большой настойчивостью искал подходящих «консервов».

Правда, в отношении к нему Софа не испытывала уже прежней восторженности. Слишком уж он восхищался всем, что она говорила и делала. Он заранее соглашался с нею во всём. Он готов был ей беспрекословно подчиняться, как она когда-то во всём подчинялась Анюте. Он не уставал вслух нахваливать её ум и талант, её практицизм, работоспособность, женское очарование, чем, конечно, пробуждал в ней тщеславие и излишнее самомнение. Софа всё чаще замечала, что разговаривает с ним в покровительственном тоне. Но, уверяла она сестру, он «такой же милый, хороший и настоящий брат, каким он всегда был для нас; с ним можно сойтись вполне, и действительно, для меня теперь немислимо отделить его от нас». «Я люблю его действительно от всей души, но немножко как меньшего брата».

Каждый вечер, отдыхая после чая, они обсуждали всё новые и новые варианты освобождения Анюты, но все «женихи» оказывались не дворянами, так что о них нельзя было и заикнуться Василию Васильевичу.

В запасе оставался первоначальный план. Они даже условились, уезжая из Полибина, что ровно через месяц, 15 октября, Ковалевский приедет, чтобы увезти Анюту, и теперь Софа спрашивала: отчего бы ему не приехать 10-го? Сцены с родителями всё равно не избежать, так почему не ускорить дело?..

Но Анюта отвечала уклончиво. Она уверяла, что вовсе не скучает в деревне. И не может допустить, чтобы посторонний человек скакал ради неё шестьсот вёрст и обратно по скверной дороге.

Владимир делал приписки к письмам Софы, убеждая, что «поездка сама даже не входит в мою голову как тревога или усталость для меня». «Софа сильно скучает без Вас, — писал он, — всё окружающее её не удовлетворяет и [...] вообще вся эта история гораздо грустнее и мрачнее, чем можно было предполагать». Наконец он написал решительно:

«Я еду за Вами хотя бы и без Вашего согласия; увидевши меня в Полибине, Вам поневоле придётся вступить со мною в союз. Мы решили относительно Вас дело так же, как республиканцы 48 года во Франции — если люди не дожили до понимания республики, тогда «il faut l'imposer»;¹ вот мы Вам тоже импозуем свободу, потому что нам плохо верится, чтобы Вы совсем уж не хотели вырваться из Полибина и переселиться сюда [...]. Право, я считал, что Вы [...] не будете оскорблять меня предположением, что несколько недоспанных часов могут в моём представлении перевесить то удовольствие, которое я надеюсь доставить и Вам, и Софе, и Жанне Вашим освобождением и появлением здесь [...].

Если уж Вы хотите церемониться и «быть очень благодарной», то лучше постарайтесь уготовать мне путь переговорами с Вашими родителями [...]. Итак, я поехал уже, только назначайте моё время».

На этом поток писем из Петербурга в Полибино обрывается, из чего нетрудно заключить, что первоначальный план одним выстрелом убить двух зайцев осуществился: вслед за Софой Ковалевский «освободил» и Анюту.

---

¹ Её нужно навязать (*франц.*).

Стремясь во что бы то ни стало познакомиться с Жанной Евреиновой и её «сёстрами» (так Жанна называла своих кузин Анюту и Софу), Юлия Лермонтова уговорила отца съездить с ней в Петербург.

Уже заочно расположенная к Юлии, Софа прониклась к ней самой горячей симпатией, хотя успела повидать её всего раз или два и даже не разглядела как следует свою новую подругу.

«Общность наших занятий, вкусов и возрастов, — писала она в первом же письме в Москву, — всё это заставляет меня думать, что между нами может быть крепкая прочная дружба».

В «тёмной гейдельбергской келье», о которой с прежней горячностью мечтала Софа, теперь она отводила место и Юлии, считая, что и для неё «такая жизнь представляется верхом благополучия».

Но Юлии ещё предстояло выдержать борьбу с родителями, особенно трудную потому, что они души в ней не чаяли и, в сущности, ничем не стесняли её свободы, только боялись отпустить одну в дальние страны. Подходящего же «жениха» всё не находилось, да Юлия, кажется, и не желала фиктивного замужества.

Софа, как могла, подбадривала её своими письмами, советовала «призвать на помощь всю твёрдость и даже, мало того, всю жестокость, на какую Вы только способны». Но её московская подруга вовсе не способна была ни к твёрдости, ни тем более к жестокости.

«Как ни больно Вам огорчать родителей, но теперь именно время начать отчуждаться от них и показывать им, насколько чужда и противна Вам и жизнь и обстановка Ваша», — поучала «опытная» Софа, готовя Юлию к «решительному шагу», то есть к побегу из дому.

Впоследствии, когда Юлия Всеволодовна Лермонтова имела возможность так хорошо узнать Софью Ковалевскую, как не знал её никто другой (исключая, может быть, сестру и мужа), она могла убедиться, что её подруга, поставив перед собой цель, стремится к ней «всеми силами» и пускает в ход «все имеющиеся под руками средства». Но сама Юля была совсем другой, так что советы Софы, вполне соответствуя

Ю. В. Лермонтова

её собственному характеру и темпераменту, вовсе не подходили для кроткой подруги. И та все надежды возлагала на... Софу.

Всячески расхваливая родителям «замужнюю» подругу, показывая им её письма (часть писем Софа писала специально для показа), она приготавливала их к мысли, что будет жить за границей вместе с добропорядочным семейством, то есть с Ковалевскими. А чтобы окончательно сломить мягкое сопротивление родителей, Юля решила познакомиться с ними подругу.

Но Софа особых надежд на своё очарование не возлагала.

«Я могу себе представить, как Ваши родные расположены ко мне, и отлично догадываюсь, как меня чествуют у вас, — писала она Юле, — для этого мне стоит только вспомнить, что сказал бы мой отец в подобных обстоятельствах».

Однако не все генералы скроены по одному образцу.

Миссия Софьи Васильевны, приехавшей во второй половине марта в Москву, чтобы познакомиться с Лермонтовыми, удалась как нельзя лучше: Юлия Всеволодовна получила обещание, что её отпустят за границу, правда, не теперь, вместе с Ковалевскими, а осенью, когда они уже устроятся там.

11

Лекционные курсы, которые слушала Ковалевская в Петербурге, закончились, а в университетах Западной Европы вскоре начался весенний семестр. В России Ковалевских теперь задерживали только дела Владимира Онуфриевича, то есть, в сущности, почти ничего, так как все свои планы он полностью подчинил интересам Софьи Васильевны.

Осенью и зимой он лихорадочно работал и даже «спал с корректурами под подушкой», как писала Софа сестре. Почти все старые издания он завершил, а новых не начинал. Кое-какой порядок ему удалось навести и в финансах, то есть удалось выяснить, что долгов у него на 15–20 тысяч рублей, а нераспроданных книг — на сто тысяч. Если бы он смог реализовать их хотя бы по половинной цене, то и тогда остался бы с таким кушем, что в течение многих лет мог бы вовсе не заботиться о деньгах. Но основные читатели его книг — студенты — были плохими покупателями. Любопытна просьба, с которой обратился к брату Александр Онуфриевич из Казани. Лучше других осведомлённый о его затруднениях, он тем не менее писал:

«Я не считаю вправе требовать, но был бы благодарен, если бы ты прислал полного Брема в студентскую библиотеку (через меня, конечно); средств у них очень мало, чтобы купить это издание».

Если целая студенческая библиотека не имела денег, чтобы купить четыре тома Брема, то многие ли из отдельных студентов могли раскошелиться на них!

Тем не менее, завершив выпуск четвёртого тома, Владимир Онуфриевич возлагал на него «большие надежды». И они, конечно, не оправдывались. То есть книги расходились, но слишком медленно, а издатель по-прежнему нуждался «в самых мелких суммах», задерживал гонорары редакторам и переводчикам, и состояние духа из-за всего этого у него было неважное.

«Вследствие дурных финансовых обстоятельств, — писал он брату, — и нравственное расположение моё плохое: не знаю, как пойдут занятия (за границей. — *С.Р.*), хотя я и решил, что буду заниматься так, чтобы года через полтора держать экзамен на доктора за границей, а потом на магистра здесь. [...] Конечно, того увлечения занятиями, той энергии, какая была прежде, уже не воротишь; но, может быть, бросивши все дела, мне и удастся устроить себе жизнь получше».

Между тем слухи о том, что Ковалевский сворачивает дела, переполошили кредиторов. Матёрые дельцы вмиг «сообразили», что неисправный должник попросту хочет от них улизнуть. Они стали спешно предъявлять векселя ко взысканию и грозили Владимиру Онуфриевичу долговой тюрьмой. Кое-кто уже подал на него в суд. Опасность нависла и над Шустянской — бедным именищем отца, во владение которым братья вступили в 1867 году, после неожиданной кончины Онуфрия Осиповича. Все планы Владимира и Софьи могли рухнуть из-за презренного золотого тельца!

Помощь пришла оттуда, откуда они меньше всего рассчитывали её получить. Генерал Корвин-Круковский поручился за зятя в Обществе взаимного кредита, и кредиторы вмиг уgomонились. Остальное взял на себя Евдокимов. Он согласился следить за продажей накопившихся изданий и по мере их реализации погашать векселя, а то, что будет оставаться сверх долгов, — высылать Владимиру Онуфриевичу.

Анюту, конечно, не хотели отпускать с молодыми. Были уговоры, сцены, сердечные приступы отца, тревожный запах лекарств, испуганное метание матери. Но Анюта твёрдо стояла на своём и в конце концов вырвала согласие, так что «ей не пришлось бежать», как сообщила Софа Юле Лермонтовой.

Правда, Анюту отпустили совсем ненадолго. И с обязательным предписанием жить вместе с сестрой. Но на это она не возражала. Хотела лишь вырваться, а там уж по-своему распорядиться обретаемой, наконец, свободой.

Итак, мечта, которую в течение стольких лет Ковалевский отодвигал в даль времён и которая всё-таки оставалась заветной; мечта «стать порядочным человеком», с несбыточностью которой он уже, кажется, вполне смирился, теперь чудесным образом осуществлялась...

ОБ АВТОРЕ

***Семён Резник** — известный писатель, историк, журналист. Бывший москвич, с 1982 года живёт в США. До эмиграции — член Союза писателей СССР, ныне член Союза писателей Москвы, член Международного Пэн-Клуба.*

Работал в редакциях серии «Жизнь замечательных людей», журнала «Природа», журнала «Америка», русской службы «Голоса Америки».

Автор более двадцати книг, среди которых научно-художественные биографии Н. И. Вавилова, И. И. Мечникова, В. О. Ковалевского, В. В. Парина, Г. С. Зайцева (Детгиз), исторические романы «Хаим-да-Марья», «Кровавая Карусель», пьеса «Кровавая карусель», историко-документальные книги: «Красное и коричневое», «Распятие ненавистью», «Вместе или врозь? Судьба евреев в России: заметки на полях диалогии А. И. Солженицына», «Непредсказуемое прошлое». «Запятнанный Даль», «Сквозь чад и фимиам», «Убийство Ющинского и дело Бейлиса», «Против течения: академик Ухтомский и его биограф», «Эта короткая жизнь: Николай Вавилов и его время».

В 2021 году российское издательство «Алетейя» выпустило книгу, в основе которой переписка Семёна Резника и известного российского писателя Сергея Есина.

Роман Солодов «Леди Оксана»

Новая книга Романа Солодова «Леди Оксана» — это большое историческое повествование о нелёгкой судьбе женщины, родившейся на смене веков в маленькой украинской деревне и пережившей все ужасы и тяготы, доставшиеся её родине: революции и войны, голод и погромы, насилие и предательство, гибель близких людей...

Период, называемый XX-м веком, начался не в 1900 году, как ему было положено, а на семнадцать лет позже — в 1917-м, в момент Октябрьского переворота, когда практически всё человечество попало в водоворот событий, недавно казавшихся совершенно невозможными. Людям даже в страшных снах не снилось, что после наступления этого проклятого века их будут убивать за происхождение, национальность, богатство, инакомыслие, за одно только подозрение в шпионаже, вредительстве, саботаже... можно перечислять до бесконечности причины, по которым в двадцатом веке лишали самого дорогого — жизни!

В этом веке, в этой атмосфере и жила героиня романа «Леди Оксана» крестьянка Ксения. Жила, как жили миллионы её соотечественниц в царской России, думая только о том, как будет жить завтра — дальше не заглядывала. Её другая жизнь, началась с появлением любимого человека — армейского офицера, приобщившего её к книгам и научившего искусству любви. Он вновь появится в самом конце романа, в 1945 году, когда сын героини, Дмитрий, прошедший войну с начала и до конца, встретит своего отца, полковника английской разведки...

Повествование в романе такое же яркое, затейливое и красочное, как любимая шаль главной героини, образы героев выписаны с мастерством настоящего художника, а увлекательный, насыщенный событиями сюжет не оставит ни одного читателя равнодушным...

Отрывки из романа будут опубликованы в следующем выпуске журнала, а приобрести книгу уже сейчас можно через сайт издательства:

mgraphics-books.com/product/lady-oksana/

**С ВОПРОСАМИ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

✉ mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
🌐 www.mgraphics-books.com ☎ 781-990-8778 (9 AM-4 PM)

...войне не видно конца, ценность человеческой жизни, как мы понимаем её на Западе, в России равна нулю, но стоимость её (деньги, полученные семьёй за смерть контрактника, скажем) высока неимоверно. Люди с радостью продают и покупают собственную смерть. Теперь это называется у них «любовь к Родине»...

Галина Ицкович

— Да, я камень. Грубый, бесчувственный мужик. Мы ведь все такие, разве нет? А еще мы должны все время хотеть! Достаточно выставить голое плечо или ножку, и я уже должен кидаться на них, как обезьяна! А если я этого не делаю, значит, надо трагически, недовольно сопеть у меня над ухом полночи, чтобы я чувствовал себя полным ничтожеством!

Марианна Рейбо

Он говорит — ты знаешь, у нас тут, по ходу, ад.
Она говорит — да что ты? Он говорит — подряд
Военных и мирных валим. Она говорит — да ну!
Он говорит — по ходу зашли тут в хату одну,
Нашёл пять тысяч зелёных — а хата уже горит.
Она говорит — ни фиги се, теперь закроем кредит.
Он говорит — расстреляли троих, завели в кусты.
Она говорит — не голодный? Хватает хоть вам еды?
Он — да нет, не особо. Она — совсем отоштал?
Насилуй там украинок, мне только не сообщай.

Татьяна Вольтская

...Несколько дней назад Сара написала мне, что здесь творится кошмар из-за нового правительства, поэтому когда мы подняли бокалы, я сказал: «Лэхаим! Хорошо быть в Израиле: все, что здесь хорошее, — наше, и все, что здесь плохое, — наше». «Да», — ответила Сара, — но я не могу понять, что делает Биби... Он же умный человек, он не идиот!».

Евгений Кисин

«Ошибаются те, кто считает, что Путин... в ужасе от того, что у него вот-вот завершатся ресурсы, что у него не хватит солдат и техники. Этот человек — если вообще можно назвать то, что мы видим перед собой на телевизионных экранах, человеком — еще никогда не жил так хорошо, как сейчас. Потому что именно сейчас, спустя двадцать три года после прихода к власти, он занимается именно тем, что ему нравится больше всего, — систематическим уничтожением тех, кого ненавидит больше всего. А ненавидит он тех, кто ему не подчиняется» (Цитата из Виталия Портникова).

Давид Гай

...Заключённый Пу-И по своим способностям, интересам и слабому характеру совершенно не годится для управления такой страной, как Китай. Кроме того, полагаю, что после жестокостей, которые в Китае творили японцы во время войны, многолетние связи Пу-И с Японией могут вызвать в китайском населении резкое неприятие...

Яков Фрейдин